

Вечность для мотылька

Лариса Володина

16+

Лариса Володина

Вечность для мотылька

<https://litres.ru/74607723>

SelfPub; 2026

Аннотация

Эта книга сложнее предыдущих. Говорить о взрослении человека, поднимающегося по лестнице к высокому свету—почти непосильная задача.

Люди, которые работают с высокими энергиями, никогда не расскажут, через что им пришлось пройти. Основная часть информации закрывается на уровне посвященных. Так проще. Никто не роется в твоём грязном белье, никто не спрашивает, что ты получил. И никто не упрекает, в чем ты ошибся. Последнее обычно самое важное.

Человек несовершенен. Он часто сбивается с дороги.

А такие дороги—явление индивидуальное.

Не существует ни стандартных правил, ни однотипных испытаний, ни общих решений. Человек —как снежинка, солнечный свет— всегда особенный.

Правда, есть одно «но».

Автор не советует никому пользоваться рекомендациями этой книги.

Она здесь не для того, чтобы научить.

А чтобы предостеречь.

Это очень опасная дорога. Конечно, если хватит смелости пойти по ней.

Это вторая книга о Мастерской миров, основанная на личных дневниках автора и его астральном опыте.

Содержание

Вместо пролога	6
Глава первая. Властные ветры	13
Часть 1. Черная выюга смерти	13
Часть 2. Розовый сок жизни	20
Часть 3. Голубое равновесия	26
Часть 4. Алая покорность	31
Часть 5. Горький изумруд	37
Часть 6. Белое воздаяние	42
Часть 7. Надменное серебро	47
Часть 8. Высокомерное золото	52
Часть 9. Инициация стихий	57
Часть 10. Последнее желание	64
Глава	71
Глава вторая. Особая порода	76
Часть 1. Дети пылающей ночи	76
Часть 2. Призрачное счастье	89
Часть 3. Мастер стихий	93
Часть 4. Мастер эмоций	106
Часть 5. Весь мир у ног твоих	112
Часть 6. Лунная соната	119
Часть 7. Приговор	126
Часть 8. Медицинское заключение	133
Часть 10. Призраки прошлого	145

Комментарий к второй главе.	153
Глава третья. Город счастья	162
Часть 1. Башня равновесия	162
Часть 2. Час перед рассветом	170
Часть 3. Пепел памяти	176
Часть 4. Ромашковое поле	181
Часть 5. Пожирающее пламя	186
Часть 6. Сила воображения	189
Часть 7. Серые камни	193
Часть 8. Переключатель	196
Часть 9. Уравнитель	201
Часть 10. Ржавый ключ	207
Глава	212
Глава четвертая. Рыцари источника	218
Часть 1. Хрустальный венок	218
Часть 2. Мантия серебряной луны	226
Конец ознакомительного фрагмента.	229

Лариса Володина

Вечность для мотылька

Вместо пролога

От скошенной травы шел дурманящий запах луговых цветов. Летняя ночь молчала. На краю луга возвышался большой стог сена, и мне показалось...

—Да ладно тебе, — произнес мужской голос обиженно. — Ну, что тебе жалко, что ли?

Женский голос что-то ответил, и в соломе снова завожжились. Внезапно из стога выскочила тонкая фигурка. Вытерев тыльной стороной ладони губы, девушка отряхнулась и быстро пошла в сторону проселочной дороги. Я не успела как следует рассмотреть ее — обычная светловолосая девушка с длинной косой, в льняном платье, светлом как эта ночь.

Когда она уже почти скрылась за деревьями, из стога выбрался парень. Он был высоким, широкоплечим, ярким, с кудрявыми черными волосами и серыми глазами. На красивом лице застыло выражение злости и негодования.

—Тварь, — прошипел он. — Не дала.

Я вжалась в ствол дерева, под которым стояла — из парня выплыло серое облачко, превратившись в черноглазого мужчину.

—Нужно проучить ее, — зашептал он парню на ухо. —Эту тварь. Как она посмела отказать тебе. Подумаешь, недотрога.

—Наказать, — подтвердил парень, сжимая кулаки.

—Подговорить парней, чтобы они подкараулили ее и оты-
мели все вместе. Сказать им, что ты уже попользовался ею.
И что она всем дает.

—Нет, нельзя, — прошептал парень, падая на траву и об-
хватывая голову руками. —Она же невинная. Она сама ска-
зала.

—Врет, — отрезал серый призрак. —А если она расскажет
всем, что не дала тебе? Тебя же засмеют в деревне. Будут
говорить, что ты немошный.

Парень поднял голову и сжал кулаки. Его глаза нехорошо
сверкнули. Он подскочил и быстро зашагал в сторону доро-
ги.

—Женщины зачастую сами виноваты в том, что с ними
происходит, — раздался рядом со мной спокойный голос, и я
увидела архитектора. —Им иногда кажется, что просто хоро-
шее отношении ничего не значит. Но мужчина во всем ищет
намек, даже в хорошем отношении. И воспринимает его как
приглашение к игре. Он считает, что женщина таким обра-
зом намекает ему на необходимость перейти к более актив-
ным действиям.

—И что дальше? —спросила я, всматриваясь в пустын-
ную дорогу.

—Дальше мужчина сделал ровно то, что решил. Распу-

стил слух, что переспал с девушкой, что она всем дает. Парни подловили ее на краю деревни и изнасиловали все скопом. —Я охнула и закрыла лицо руками. —После этого девушке не стало жизни в деревне. Ее ловили и насиловали все подряд. В конце концов маленький дом на окраине, где она жила, превратился в гадюшник. Там побывал почти каждый мужчина этой деревни. —Он помолчал. —Кроме одного.

Видение изменилось.

Высокий черноволосый парень и светловолосая девушка стояли на краю той самой дороги.

—Ты дала уже всем в этой деревне, —сказал он. —Почему не даешь мне?

Девушка посмотрела парню в глаза.

И плюнула ему в лицо.

Я думала, мужчина ее ударит. Но он только смотрел, как она идет, босая, растрепанная, с корзинкой грибов, и молчал.

Картинка сместилась.

Автобусная остановка.

Светловолосая девушка с узелком и маленьким чемоданом ждала автобус.

—Она уедет в город, —говорил голос. —Все начнет сначала. Выйдет замуж. Родит ребенка.

Подошел автобус. Девушка забралась внутрь и, прислонившись к стеклу, замерла, словно раненая птичка. Когда автобус отошел, от дальнего дерева отделилась высокая фигу-

ра. Черноволосый парень долго смотрел, как оседает пыль. Потом опустился на дорогу, обхватив голову руками.

—У кого из них сломана жизнь? —спросил голос. —Девушка никогда не забудет, что с ней сделали. Даже когда будет убеждать себя в том, что у нее все хорошо, она счастлива, муж ее любит, и сын прекрасный. Иногда по ночам она будет чувствовать не себе чужие руки, а в себе —чужих мужчин. Она будет ощущать грязь, в которую ее окунули, снова и снова, понимать, что никогда от нее не отмоется. Она не сломалась. Она выжила. Но трещина в ней никогда не зарастет, эта боль всегда будет с ней.

—А парень?

—Парень сопьется, покатится. Он сломается. Потому что его будет всю жизнь преследовать то, что он совершил. Как и мужчин, которые это сделали. —Голос помолчал. —Не всех, разумеется. Но кое-кто из них в страшных снах будет видеть кровь на своем члене, осознавая и понимая, что изнасиловал невинную девушку. Даже никому не признаваясь в этом, он будет носить свою печать, бремя, ощущать себя грязью и жить как грязь. Потому что после такого невозможно остаться человеком.

—Зачем ты мне все это говоришь? —спросила я с болью.

—Какое чувство не дало девушке сломаться?

—Не знаю.

—Думай. — Сильные руки трянули меня, выводя из прострации. —Что ею двигало? Что не дало сломаться? Ска-

титься? Умереть от стыда и позора? От боли, которая просто невыносима? —Он тряхнул меня еще сильнее и выдохнул: —Ненависть. Ненависть—вот чувство, которое ее спасло. Ненависть к тем, кто с ней сделал это. К мужчине, который ее предал и которого она любила. К односельчанам, которые не помогли, а растоптали. Ненависть подняла ее, посадила в автобус, заставила выучиться, найти работу и мужчину, построить семью. Она ее поддерживала всю жизнь, не давала сломаться от ночных кошмаров и ощущения чужого дыхания на щеке. Она ничего не забыла—ни одного мгновения, ни одного мужчину, который поимел ее.

Он выпустил меня и, прислонившись спиной к стволу дерева, замолчал. Потом заговорил снова:

—Нельзя недооценивать ненависть. Она не настолько однозначна, как ты привыкла считать. Она гораздо более побудительна, чем любовь. Да, она выжигает до дна. Но позволяет на пепелище построить что-то новое. Она не дает сломаться. Не дает расслабиться. Держит в тонусе.

—Это чувство разрушает.

—Разрушает? —Он повернулся и посмотрел на меня. В темноте сверкнули серебряные глаза. —А ты? Ты сама? Что тобой движет? Что ты мечешься между мужчинами? Чего тебе недостает? Чего ты ищешь? Почему не можешь выбрать?

—А если я не могу найти то, что ищу? —ответила я раздраженно.

—А что ты ищешь? Какого мужчину? —Он отвернулся и

заговорил резко и зло: —Доброго? Честного? Спокойного? Или властного и сильного? Или, может, такого, чтобы терпел твои выходки? Не обращал внимания на твоих любовников? Твои увлечения?

Я задрожала, вцепившись в шершавую кору.

—Я...

—Что «я»?

—Ты ведешь себя...

—Грубо? Да пожалуйста! —закричал он. —Я груб, да, не отрицаю. Но я единственный, кто выжил после общения с тобой! Твои эмоции зашкаливают! Они бьют наповал! Пробудившийся источник фонтанирует такими сумасшедшими чувствами и энергиями, что все вокруг искрит! У тебя настроение меняется по сто раз ко дню! —Потом заревел: —Что ты мечешься?! Что бегаешь от одного к другому?!

—Потому что ищу того, кто может унять мою боль! —заорала я.—И кто мне не сделает больно!

Обессиленно рухнув на траву, я закрыла лицо руками и заплакала, беспомощно и жалобно.

—Только не нахожу такого, —добавила я тихо. —Потому что его не существует.

Он опустился рядом со мной и заговорил медленно и горько:

—Чувство —это внутреннее состояние сути. Но оно не может быть ни побудительным мотивом, ни причиной, ни следствием. Чувство не поднимет тебя с колен, не посадит

в автобус, не вложит в руку нож и не заставит воткнуть его в обидчика. Да, оно окрашивает сознание, является фоном события. Но никогда—понимаешь ты! —никогда не является его основой. Человек всегда сам решает, взять ли в руку нож, потому что сохраняет право выбора, каким образом распорядиться чувством, которое живет в нем. Поступок — это всегда осознанный выбор личности. Одно и то же чувство может и подтолкнуть, и остановить его.

—Тебе лучше не приходить ко мне больше, —сказала я с горечью. —Ты...слишком жесток для меня.

—Боюсь, Верховный архитектор с тобой не согласится, —ответил он устало. —У меня хорошие показатели. Как я тебе уже сказал, я единственный, кто удержался на этом месте. —Он замолчал и добавил негромко. —Мне кажется, я люблю тебя.

—Я тебя совсем не знаю.

—Зато я тебя знаю.

—Не думаю, что этого достаточно.

Я тяжело поднялась, посмотрела на проселочную дорогу, свернула в лес и исчезла между деревьями.

Глава первая. Властные ветры

Часть 1. Черная выюга смерти

—Пришла...

Вокруг меня танцевал черный ветер. Черное в темноте...

Он нес маленькие крупинки песка, такие крошечные, что казались пылью. Черная выюга сворачивала их в маленькие смерчи. Они кружили, любопытные и нетерпеливые, забирались мне в волосы и складки платья, изучая словно ребенок новую куклу.

Я стояла на поверхности, которой не существовало—ею был все тот же ветер.

—Ко мне первому...—шептал он. Потом рассмеялся, негромко и ласково. —Братья обзавидуются...Надо же... Ко мне первому...

—Не знаю, почему так получилось, —отозвалась я.

—Просто ты боишься смерти, —ответил ветер, нежно касаясь моих губ. —Какая ж ты сладкая...

—Боюсь, —ответила я честно.

—Чего? Что твое тело ляжет в землю? Станет землей?

—Не этого. Твоего прихода.

—Перед твоими глазами стоит погост, место, где похоронены те, кого ты любишь. Тебе кажется, что ты лежишь вме-

сте с ними, присыпанная землей, и становишься ее частью.

—И это тоже.

—Ну, что же ты, проходи, —сказал ветер ласково. —
Только сними свою одежду. Она тебе здесь ни к чему.

Тяжелое платье упало с к моим ногам.

—И дальше.

Тонкая белая рубака последовала за платьем. Я переступила через груды ненужных тряпок—всего лишь форму, в которой жила—и упала в объятия ветра.

Я стала ветром, золотистой дымкой, плавающей в черном смерче. Он не пытался обидеть или властвовать. Он только ласкал меня, словно любовник обожаемую женщину, бережно и осторожно.

—У тебя темно.

—Хочешь света?

Вспыхнул яркий белый свет. Я увидела, как чист и прозрачен это простой необъятный мир, заполненный только крошечной черной пылью.

—Нет, не надо. Мне нравится темнота.

—Мне тоже.

Свет угас. Остались только я и он.

—У тебя нет формы?

—Нет. Я не могу создать форму, могу только наполнять ее.

—Я встречала одно вечное существо. Он утверждал, что он —смерть.

Ветер негромко рассмеялся.

—Ты такая наивная. Веришь всему, что тебе говорят.

—Так он не смерть?

—В какой-то мере он прав. Он—форма, в которой я могу жить, но он не я. Он—личность. Я —суть. Понимаешь разницу? Он может воспользоваться стихией смерти, концентрируя ее в себе и используя ее, но он не есть стихия смерти. Стихия смерти—это я. Я один. Пойдем.

Меня увлек черный ветер. Окруженная потоками стихии, разреженной, легкой и прозрачной, я чувствовала себя золотым облаком на грозовом небе.

—Я протекаю сквозь все и существую во всем, —говорил он, обнимая меня. Я чувствовала его мужскую суть, силу, которую ищет женщина. Я тянулась к нему, и не стеснялась этого чувства. Оно казалось таким естественным рядом с ним. —Я существую во всем. В каждой живой частице.

Мир вспыхнул—и я ощутила все живое, которое росло и рождалось.

Мы неслись по многолюдной улице, и я видела, как крошечные песчинки черного ветра впитываются во все, что мы встречали.

—В капле дождя, травинке, облачке, земле и камне, солнечном свете и вечном существе, —слышался голос ветра.

Зажурчал ручей, пробиваясь сквозь камень—и песчинка вошла в него. Закричал только что рожденный ребенок—и песчинка вошла в него. С суеверным ужасом я вдруг уви-

дела идущих по улице людей некими сгустками разноцветных стихий, скопищем ветров, переплетенных в причудливые узоры.

— Каждое живое существо при своем рождении получает частицу всех стихий, — говорил ветер. — Если они существуют в гармонии и равновесии, то живое существо проживает счастливую спокойную жизнь. Если одна из стихий перевешивает другие, это откладывает отпечаток на судьбу.

— Я думала, что все события в жизни живого существа расписаны заранее.

— Только веховые, основные. Кого встретить. Когда умереть и родиться. Но наполненность жизни зависит от стихий. Чувства, желания и поступки — то, что составляет личность, формируются на основе переплетения стихий. Вот, посмотри.

По улице шла молодая девушка, над которой кружил черный вихрь.

— Проклятие, — сказал черный ветер. — Если девушка недостаточно сильна и чиста, оно войдет в нее. Тогда черное перевесит все остальные краски, и девушка умрет. А вот, видишь, старик. — Он заплясал над пожилым мужчиной, который довольно бодро семенил по тротуару. — В нем черное вытеснило все остальные краски. Ему недолго осталось.

Люди сновали по улице словно разноцветные клубки переливающихся нитей, и я замерла, впитывая мир, каким никогда его не видела. Неожиданно ветер рванулся вперед, и

через мгновение мы зависли в маленькой квартире. Мужчина в черной мантии стоял в центре нарисованной на полу пентаграммы, что-то монотонно выкрикивая.

—Некромант, — рассмеялся ветер. —хочет получить силу смерти. Мечтает обрести власть.

—И ты дашь ему? —спросила я, вглядываясь в полное ужаса и восторга лицо молодого мужчины, его запавшие, лихорадочно блестящие глаза и бледные сжатые губы.

—Почему бы и нет, если он так хочет, —ответил ветер.

И вошел в него.

Мужчина дернулся, побледнел. Невидимая сила подняла его в воздух и ударила о стену. Он сполз вниз и затих.

—Ой, —сказал ветер и рассмеялся. —Перестарался. Думал похвастаться перед тобой. Ну, да ладно. Все равно бы умер.

Он обнял меня и утянул дальше.

—А время? —спросила я. —Когда говорят, что кто-то скоро умрет, и пора готовиться к смерти? Старики, например?

—Готовиться к смерти и принять смерть—это разные понятия, —отвечал ветер. —Время — это другая стихия. Я — всегда только переход, несуществование, конец жизни. Время может забирать ее по капле, но у него нет власти отобрать ее совсем.

Мы зависли над полем боя.

—Война, —сказал ветер. —Моя стихия в ней властвует.

Я это и так видела. Черные смерчи кружили над головами многих бойцов, словно песчаная буря.

—Значит, смерть вселенной... это же ты?

—Не совсем, —отвечал ветер. —Все не совсем так, как ты себе представляешь. В основе построения существования лежит гармония стихий. Если меня здесь много, значит, где-то меня нет. Если в каком-то месте много смерти, значит, в другом прибавилось жизни.

Он подхватил меня и, закружив, унес из мира. Скоро я уже стояла рядом со своим платьем.

—Не хочу отпускать тебя, —сказал он, лаская мои губы.

—А я не хочу уходить, —отвечала я, утопая в его объятиях. —Но не могу остаться.

—Знаю, —рассмеялся печально ветер. —Сладкая моя. Станешь одевать эту мерзость?

Он говорил о моих оболочках.

—Это ненадолго.

—Знаю, —повторил он тихо, я с снова почувствовала его дыхание на своих губах...

Мы расстались как любовники, хотя не были ими.

Я все еще вижу его, этот блистающий черный свет, молчаливый и прекрасный.

Он чист. Он ярок. Он неимоверен. В нем нет ни боли, ни страха, ни пустоты, какой мы привыкли ощущать смерть.

Только высокая яркая энергия. Только всепобеждающая мощь, от которой холодеют руки.

Я принимаю его с восторгом и тихой покорностью, как и ту неизбежность, которую он несет с собой.

Я люблю его.

И больше не боюсь.

Часть 2. Розовый сок жизни

—Это сок. Сок жизни.

Голос ворвался в мой сон. Я с трудом понимала, где нахожусь.

Я шла в метели из розовых лепестков. Бело-розовый густой туман окутывал меня словно облако, но касание было таким легким, что я почти не ощущала его. Так чувствуешь крыло бабочки на щеке—только легкое дуновение. Сладкое как утренний сон.

Утренний сон...

Я открыла глаза. Бело-розова метель все так же была со мной.

—Я подумал, что это самое лучшее время нам встретится—между сном и пробуждением, —сказал голос мягко. —Сила жизни слишком неистова. Она может разрушить нестойкое равновесие твоих физических оболочек.

Туман осторожно коснулся моих губ.

—Ты потому такой прохладный, словно отстраненный?

—Да. Я не хочу причинить вред твоим оболочкам.

Я повела плечами—и одежда упала.

—Так лучше?

—Легче, —ответил розовый туман. —Но мне все же не стоит слишком приближаться к тебе. Это будет тяжело для нас обоих.

—Сила жизни—это желание жить?

—Не совсем. Это сок, текущий по стволу дерева. Вот, смотри.

Мы стояли в зеленой траве. Яблоневый сад тянулся до самого горизонта. Судя по деревьям, весна еще не пришла. Они стояли молчаливые и обнаженные, словно женщины, которых выставили на помост на рабовладельческом рынке.

—Это весна, —говорил голос. —Когда все живое ощущает приближение радости пробуждения. Это сок, текущий по стволу. —Бело-розовая стихия заструилась под корой, словно кровь в венах. —Время распускаться и цвести. —На дереве появились зеленые листья и большие розовые цветы. —Давать плоды. —На ветвях появилась завязь и через мгновение они покрылись ароматные крупными яблоками.

Я потянулась к яблоку—и не ощутила в нем розового света.

—Созревший плод—это начало умирания, —сказал розовый ветер. —В нем уже нет силы жизни. Он—только ее результат. Когда плод падает на землю, дерево уже начитает засыпать, потому то энергия возрождения угасает в нем.

Розовый ветер поднял меня, и мы полетели над садом, усыпанным душистыми цветами. За ним расстился луг с ярко-зеленой травой, а за лугом—синее озеро. Неяркий солнечный свет скользил по моему лицу, но, как и ветер, не касался его. Я плыла в розовом мареве, но в коконе своего света.

—Это очень мощная энергия, —говорил голос, и под нами распускались цветы и колосились травы. —Если ее получить больше, чем необходимо, живое существо сгорит в считанные мгновения. Это словно электрическая лампочка, которую подключили к слишком высокому напряжению.

—Живое существо напоминает какую-то батарейку.

—Так и есть. В любом живом существе—в любом— энергия жизни заложена дозированно, сообразно его жизненной структуре и оболочкам формы. Слишком большое ее количество ведет к быстрому сгоранию запаса прочности и быстрой смерти. Недостаток сделает существо вялым и не способным выполнять свои жизненные функции.

—А кто рассчитывает этот запас?

—Как правило, создатель живого существа. Он передает ему частицу своего запаса энергии возрождения из того, что получал сам при своем рождении. Поскольку она у него не безгранична, он делится крупинками, чтобы не увянуть самому, понимаешь?

—Тогда количество этой энергии определяет срок жизни живого существа.

—Именно так. Капли сока жизни растекаются равномерно по высокому миру, чтобы не нарушать гармонии стихий.

—Черный ветер говорил мне, что если в каком-то месте смерть властвует над другими стихиями, то в другом месте властвует ...

—Энергия возрождения. Это и есть гармония. Равнове-

сие.

Он опустил меня на берегу озера, в которое втекала маленькая голубая река. Я не ощущала ни своей формы, ни бело-розового ветра, который хотела понять.

—Я ничего не чувствую, — сказала я обиженно. —Как я смогу понять тебя, когда ты даже не прикоснулся ко мне.

—Тебе будет тяжело, — вздохнул ветер. —Нам обоим.

—Но это так... неправильно, — ответила я с горечью. —Словно весна за стеклом. Как можно понять ее красоту, ощутить радость от встречи с ней, если не выйти на улицу?

—Ты это все и так знаешь, — ответил он. —Разве мы не вышли из тебя?

—А что происходит с вами в конце высокого мира? —спросила я, помолчав. —Вы тоже теряете силу, которая вложена в вас?

—Да. Мы истончаемся, становимся прозрачными и пустыми. Мы не можем ничего дать миру, становимся вялыми и беспомощными.

—И что происходит потом?

—Ты вбираешь нас в себя, наполняешь силой источника, даешь энергию и свет. После этого мы готовы создавать новый высокий мир.

—А старый мир? Что происходит с ним?

—Он умирает, как только мы покидаем его.

Бело-розовая выюга закружила вокруг меня.

—Не могу, —прошептал ветер. —Не могу.

И коснулся меня.

Я упала в сладкий и чувственный сон, полный щемящего восторга и яркого совершенного счастья. Я чувствовала, как во мне бурлит и вспыхивает свет, как все мое существо дрожит и наполняется таким жгучим и высоким наслаждением, что я с трудом удержалась, чтобы не закричать. Нежные объятия сдавили меня так крепко, что я перестала дышать.

Мне хотелось умереть в это мгновение.

Когда он разжал объятия, я заплакала.

— Не уходи, — попросила я. — Пожалуйста, не уходи. Не оставляй меня одну. Мне никто не нужен, кроме тебя.

— И мне никто не нужен кроме тебя, любовь моя, — сказал ветер и снова обнял меня.

Не знаю, сколько это продолжалось. Я очнулась от тихих голосов, которые звали меня.

— Мне пора уходить, — сказала, я, высвобождаясь из сладкого счастливого дурмана.

Я поискала свою одежду — и не нашла ее.

— Где мое платье?

— Я его спрятал. Что ты не ушла.

Я заплакала тихо и горько. Словно очнулась от сна и очунулась в холодный сумрак рассвета.

— Я не могу остаться.

— Тебя там ничего не держит, — сказал он с болью. — Зачем тебе возвращаться туда, где форма давит как кандалы. Где мир тяжеловесен и груб. Твоя форма тихо и спокойно умрет,

ей не будет больно, обещаю.

—Я не могу, прости. —У меня словно у меня из груди вынимали сердце. —Но нам ведь необязательно расставаться. Ты всегда со мной. И можешь приходить когда захочешь.

—Правда? Когда захочу?

—Правда.

Он вздохнул—и вернул мне мое платье. Я с трудом натянула оболочки, которые показались мне невероятно грубыми и тяжелыми, словно мне на плечи положили могильную плиту.

Я не знала, как переживу наше расставание. Я понимала, почему он старался не прикасаться ко мне—но не жалела о том, что произошло. Никогда еще в своей жизни я не была так близка к пониманию того, что на самом деле происходит между мужчиной и женщиной. Это не грубая плотская радость. Нет. Это единение, рожденное соком жизни, страсть и стремление продолжить себя в ком-то настолько тебе близком, что вы становитесь единым целым.

Я все еще не могу прийти в себя. Не могу чувствовать чужое прикосновение. Не хочу ни с кем говорить. Хочу упасть в нежные объятия розового ветра. Но не делаю этого. Не имею права.

Но как же мне хочется плюнуть на все и вернуться!

Часть 3. Голубое равновесия

—Тебя никто не звал.

Голос звучал отовсюду и ниоткуда. Я стояла в такой крошечной темноте, что не видела даже себя. Она поглощала все, даже звуки.

—Я просто хотела...

—Хотела она... Сегодня была ночь равновесия. Я думал, ты придешь.

—Но я... Я слышала, но не могла проснуться.

Голос молчал.

—Я, наверное, пойду.

—Пойдет она... Как бы не так.

Я пыталась повернуться, чтобы уйти, но не могла сдвинуться с места.

—Входи уже, раз пришла, —пробурчал голос.

Мне были явно не рады. Я все же решила уйти и опять дернулась.

—Входи, я сказал.

Я шагнула вперед—что мне оставалось.

Сначала ничего не происходило. Потом вокруг меня стал разгораться голубой свет. Он был таким нежным, таким прекрасным, что я и думать забыла о грубостях, которые услышала от его обладателя. Зачарованная, я протянула руку. Свет заструился между пальцев, осторожно поднялся по ру-

ке и коснулся моего лица. Потом стремительно и восторженно вспыхнул и окутал меня.

—Ты красивая, —сказал свет без всяких признаков злости. —Можешь снять эти мерзкие тряпки?

Он намекал на мои оболочки. Я сняла их и вошла в голубое как в чистую воду.

Свет полился светло и ярко, поднял меня и стал внимательно ощупывать словно ребенок новую игрушку.

—Характер, конечно, так себе, —пробурчал свет. —Ты своенравна, упряма и непредсказуема. Но я не знаю никого красивее тебя. А я в этом разбираюсь. Красота—моя специализация.

—Может, ты так говоришь, потому что часть меня, —вздыхнула я.

Свет хмыкнул. Потом нежно поцеловал меня, распушив волосы.

—Красота должна быть в мире, —заговорил он, увлекая меня в разноцветие красок, нежных и неярких. —Без нее жизнь становится серой и неинтересной.

Каски разливались вокруг, словно я попала внутрь картины, написанной акварелью. Она могла быть нежным утром, рассветом или чайными розами в стеклянной вазе. Или, может, белыми кувшинками на голубом пруду. В ней были хрупкая красота и нежность, так несвойственные обыденности, но воспеваемые поэтами и боготворимые художниками. Чтобы ее уловить, нужно быть гением, а не просто челове-

ком.

—Ты ведь думаешь о красоте формы, не так ли? —говорил голубой ветер, лаская мои губы. —А форма — это только часть красоты, как красота — часть гармонии, равновесия стихий.

—Она тоже разлита равномерно, как и остальные стихии?

—Вот еще! —отвечал он надменно. —Я сам выбираю, кто ее получит.

Мы рванулись в реальность и понесись по яркому утреннему городу. Где-то заплакал малыш, и мы коснулись его.

—Будет красавица, —сказал голубой ветер.

Потом я увидела художника. Мрачный и хмурый, он сидел, уставившись на полотно. Наверное, он так и не уснул, писал всю ночь. Его глаза, запавшие, мерцающие, черная щетина на впалых щеках и натруженные тонкие руки что-то перевернули во мне.

Ветер коснулся его лица, голубой свет упал на картину — и она вспыхнула ярко и торжественно. Это напоминало волшебство. Еще мгновение назад это был просто пейзаж. Но вот краски ожили, стали глубокими и чистыми. Мне показалось, дерево на картине зашелестело листвой, подул ветер, склонились облака. Художник уставился на картину, не веря своим глазам.

—Гений, —тихо засмеялся ветер, разбрызгивая голубой свет по комнате.

Мы незаметно влетели в окно, оставив пораженного ху-

дожника наедине со своим талантом.

—Сама по себе красота притягательна, но мало что значит, если нет гармонии, —говорил ветер, рисуя на утреннем небе радугу. —Человек может быть прекрасен лицом и фигурой, но, например, отвратительно пахнуть—и от него буду шарахаться люди. Или иметь отвратительный характер. Или быть алкоголиком и бомжом. Красота требует гармонии с другими стихиями, которые живут в живом существе. Нарушение гармонии ведет к уродству не только внешнему, но и внутреннему. Только гармония дает истинную красоту. И не всегда это форма.

—Ты создаешь гармонию, —поняла я.

—Да. Я создаю гармонию, расцвечиваю серость мира. Но способность увидеть и создавать гармонию—удел только разумного существа, обладающего умом и волей. Нужно очень много трудиться, чтобы отыскать ее, и еще больше—чтобы сохранить.

Ветер вздохнул. Мы вернулись в палитру акварели, и он окунул меня в нее, сжимая в объятиях. Краски тихо пели нежными тонкими голосами. Голоса сливались в незатейливую мелодию.

Эта музыка красок глубоко трогала, будила во мне счастье.

—Ты прекрасен, —сказала я тихо.

—Я исчезну первым, —отвечал он с печалью. —Растворюсь, стану невидимым для этого мира. Красоту расходуют

быстрее всего. Как и талант. Гармония мира растворяется в обыденности. Когда части гармонии разъединяют, вычлняя красоту, она перестает звучать. Отсутствие равновесия мира—первый признак его угасания.

Ветер нежно коснулся моей щеки, целуя мои слезы.

—Сияй, —попросил он.

Я посмотрела, как струятся прозрачные краски, вздохнула —и засияла.

Для него одного.

Часть 4. Алая покорность

—Думаю, сейчас у тебя как раз подходящее состояние, чтобы принять то, что я скажу.

—Я не в себе. Мне не до разговоров.

—Сомневаюсь, что ты понимаешь, о чем пойдет речь.

Темнота стала сворачиваться вокруг меня, но я все еще не ощущала ни цвета, ни чувств ветра, который кружил вокруг.

— Не можешь смириться с обстоятельствами? Чувствами, которые не контролируешь?

—Да. Я совсем запуталась.

—Может, нужно просто отпустить ситуацию? Дать своим чувствам расцвести и посмотреть, что из этого получится?

—Так можно провалиться неизвестно куда.

Ветер рассмеялся.

—Известно куда. К покорности и смирению.

—Покорность и смирение—это ты?

—Да, я.

—Какого же ты цвета? Нежно-зеленого? Или белого?

—О, нет, —рассмеялся ветер, и вокруг меня затанцевало ярко-алое.

—Не может быть! Алое! Покорность—и цвет страсти?!

—Вот именно, страсти. Ну давай, снимай свое платье, иди ко мне.

Платье улетело куда-то в сторону, и ветер обнял меня, бе-

режно, осторожно, ласково.

—Живое существо добровольно не желает принять стихию покорности, —зашептал ветер. —Как и ты слишком горда, чтобы смириться. В тебе бушуют страсть и непокорность, словно вулкан.

—Разве я одна такая? Хотя, вероятно... Верующие люди ...

—Верующие люди— люди, как и все. Вот, посмотри, видишь, человек стоит на коленях перед иконами. Что ты видишь?

Я посмотрела на мужчину, который молился стоя на коленях. Вокруг его головы танцевал алый вихрь.

—Он изо всех сил старается смириться, но так и не научился смирению, —сказал ветер. —Он не впустил смирение в свою душу, вот оно и витает вокруг его головы.

—Но он же верит.

—Верит и боится. Хочет во что бы то ни стало попасть в рай. Стоит на коленях, замаливая малейший грех. Но смирение так и не обрел. —Ветер помолчал. —Даже в монастырях смирение редкий гость.

—Но я не понимаю тогда ...

—Как энергия входит в живое существо, если оно ее не выпускает? Вколачивается. Кнутом, мечом или ядом. Живые существа очень разные, и количество стихий, в них обитающих, тоже разные. Нет ни одного похожего. Количество покорности в каждом тоже колеблется, что накладывает отпе-

чаток на мораль живого существа.

—Разве мораль не одна для всех?

—Нет, конечно. У каждого она своя.

—Как же так? Ведь правила...

—Плевать на правила. Нет никакой морали. Не понимаешь? Соотношение стихий внутри живого существа, прева-лирование одной из них— или их гармония —настолько ин-дивидуальны, что его невозможно повторить. Поэтому пред-ставления живого существа о норме и правилах тоже строго индивидуальны. Да они даже один и тот же цвет видят по-разному, в зависимости от состояния хрусталика и строения глаз! Разные привычки. Разные вкусы. Разные желания. По-чему мораль должна быть одной на всех? Живое существо формирует свое преставление о том, что хорошо, а что пло-хо, исходя из соотношения стихий, и, поверь, у каждого это представление свое.

—И как же тогда быть? Как научиться смирению?

—Никак не научиться. Его можно насильно привить жи-вому существу в процессе жизни. Посмотри сюда.

Он перенес меня к ограде небольшого храма, в котором только что закончилась служба. Мужчины и женщины выхо-дили степенно, не торопясь, кое-кто подавал милостыню си-дящим за воротами. Двое мужчин и трое женщин протяги-вали руки и благодарно бормотали, если получали свою ми-лостыню.

—Посмотри внимательно, вот две категории людей—од-

ни внутри, на территории храма, другие снаружи, за воротами. Что ты видишь?

—Вокруг голов людей, выходящих из храма, почти у всех алое пламя. Но я не понимаю...

—А у тех, кто за воротами?

—О, у них его совсем нет! Как же так?

—Тот, кто хоть однажды сел на паперти, уже смирился. Со своим нищим положением. Со своей судьбой, которая была так жестока с ним. Тот, кто протянул хотя бы однажды руку за подаванием, тот обрел покорность и склонился перед обстоятельствами, в которых оказался, Он ближе всех к богу, которому они поклоняются и который со смирением возшел на плаху. —Ветер помолчал. —Среди них нет, конечно, святых. Тут алкоголизм. —Он указал на хмурого мужчину в давно небритой физиономией. —Тут ненависть и зависть. —Женщина в сером платке, злобно сверкая глазами, кривила губы в улыбке, получив копеечку. —Они не идеальны, у каждого свои грехи. Но смирения в них больше, чем у тех, кто выходит из ворот храма.

—Мне казалось, должно быть как раз наоборот.

—Выходящие со службы думают, что они наполнены благодатью и покоем, —рассмеялся ветер. —Они чувствуют себя чуть ли не святыми, такими чистыми, светлыми. Они исповедались и причастились, они выходят в грязный унылый мир, отделяя себя от него, боясь расплескать свою исключительность. Они так ею гордятся, своей праведностью, что ни-

кто из них не достоин войти в благословенный мир своего бога.

Он поднял меня и перенес в маленькую квартирку. Мужчина лежал, развалившись, на диване перед телевизором. Женщина что-то готовила на кухне. Неожиданно мужчина беспокойно зашевелился, вальяжно поднялся, зашаркал тапочками на кухню и, обняв женщину стал что-то говорить ей. Над головой женщины вспыхнуло алое пламя. Уступая мужу, она бросила свои дела и пошла с ним в спальню. Пока мужчина сдергивал с себя затасканные брюки и громоздился на жену, а она покорно лежала под ним, над ее головой алое превратилось в ярко-багровое.

— Это животное, ее муж, — заговорил ветер, — даже не удосужился хоть как-то разбудить в ней желание. Сейчас он сделает свое дело, повернется на бок и уснет. Пока он на ней топчется, женщина думает о своих делах. О домашке, которую нужно помочь сделать сыну. О незаконченной готовке. О работе. Она думает о чем угодно, только не о своем муже.

— Разве она не покорила его желанию?

— Уступила его желанию, внутренне сопротивляясь. Но разве это не ее муж? Как же супружеский долг?

Ветер помолчал. Мы молча понаблюдали, как мужчина отвернулся на бок и захрапел. Женщина подождала немного, тяжело поднялась и вышла из спальни.

— У мужчин и женщин редко совпадают энергетические всплески, — заговорил ветер. — Потому женщине луч-

ше иметь не одного мужчину—тогда есть вероятность, что всплески хотя бы у одного из мужчин совпадут с ее собственными. Мужчине безразлично, что чувствует женщина и хочет ли она его. В такой момент, когда его одолевает желание, он думает только о его удовлетворении. Женщина в половых отношениях покорнее и безынициативные мужчины. Именно поэтому она беззащитнее мужчины. Именно поэтому у нее должен быть выбор партнера, понимаешь?

—А эта женщина...?

—Эта женщина через какое-то время станет холодной фригидной стервой, которой все безразлично.

—Как же выработать покорность?

—Никак. Женщина будет покорна только любимому мужчине, тому, которого жаждет всегда, в любое время дня и ночи. Когда бы он не позвал ее, она всегда будет готова подчиниться его желанию. Потому что желает его сама. —Ветер помолчал. —Любовь—самый сильный яд.

—Понимаю. Плеть, меч и яд.

—Теперь ты понимаешь, почему ярко-алый?

—Покорность прививается только насилием.

—Так что ты выбираешь? Плеть? Меч? Яд?

—Ничего.

—Я так и думал, —рассмеялся ветер. —Я подчиняюсь тебе.

Часть 5. Горький изумруд

—Это горечь.

Тихий смешок раздался у меня в голове. Вокруг закружил нежно-изумрудный свет.

—Мужчины, меняющие статус желанного любовника на назойливого мужа, очень недальновидны, —продолжал голос, посмеиваясь.

—Ты что, подсматривал за мной?

Я протянула руку. На кончиках пальцев затанцевали зеленые огоньки.

—Вот еще. —Огоньки стали неторопливо раздевать меня, словно опытный любовник. —Просто твои эмоции зашкаливают. А они и есть я.

—Горечь—это стихия? Я не понимаю.

Закончив с раздеванием, зеленый ветер приподнял меня и начал бережно ощупывать. словно восторженный поклонник, раздобывший очередной фетиш своего идола.

—Все болезненные темные чувства в своей основе имеют горечь, —ответил он, —Только разной концентрации. Разочарование, боль, страдание, страх или ненависть—в основе всех их лежит горечь, чувство утраты чего-то очень ценного для живого существа. Чем охотнее живое существо впускает в себя горечь, тем выше и сильнее концентрация, и тем яростнее чувство. Вот, посмотри.

На дороге столкнулись два автомобиля. Водитель дорогого сверкающего авто выскочил как черт из табакерки и устоялся на помятый бампер. Его лицо постепенно начало наливать краской, превращая довольно симпатичного светловолосого сорокалетнего мужчину в дорогом костюме в монстра с перекошенной физиономией.

—Досада сменяется раздражением, —холодно комментировал голос за кадром, —раздражение злостью, злость яростью.

То, что раньше было мужчиной, повернулось в маленькому хлипкому мужичонке, который выполз из-за руля старенькой «лады». Его лицо с такой же скоростью бледнело как лицо его соперника краснело.

—Шок сменяется страхом, —говорил голос, —страх ужасом, а ужас покорностью и безразличием.

Мужчина в костюме заревел и накинулся на владельца «лады». Сначала он тряс его за грудки, потом стал бить кулаками. Мужичок беспомощно закрывался, даже не пытаясь возразить. Я видела, как над ними струится ярко-изумрудный свет. Постепенно он потемнел, стал серым, потом черным—и таким и остался. Мужчина в костюме повалил водителя лады на землю и стал пинать его ногами, пока тот не затих. Черное загустело и впиталось в убийцу.

—Ну, вот и все. —сказал весело голос. —Он переродился. Теперь в его душе ничего нет кроме темноты. Чистое зло.

—Разве зло это не отдельная стихия?

—Нет, разумеется. Это высокая концентрация горечи, которая приводит к выжиганию всех чувств, превращая душу в пустыню. Она может теперь только пожирать, ничего не рождая.

Дверца дорогого авто хлопнула, из него выбрались двое парей, потрясенно уставившись на убийцу.

—Что ты наделал? —пробормотал черноволосый парень в сером худи. —Ты убил его.

Мужчина поднял на своих приятелей воспаленные безумные глаза—и те отшатнулись.

—Дорога безлюдная, —прохрипел он и уставился на черноволосого. —Неси канистру. —Он посмотрел на второго парня, светловолосого. —Помоги мне затащить его в салон.

Тот попятился, но, наткнувшись на мертвые глаза, покорно последовал за убийцей. Над ним заплясали ярко-изумрудные огоньки.

—Я не спрашиваю приглашения, чтобы войти в живое существо, —раздался смешок в моей голове. —Концентрация горечи зависит от тех чувств, которые живое существо испытывает в данный момент. Это, как правило, какое-то травмирующее событие, которое и запускает цепочку. —Ветер помолчал. —Стихии всегда самостоятельны. Они не могут переплетаться между собой. Я служу мостом, который их соединяет, позволяет проникать друг в друга. Это как горький перец в пище. Небольшое его количество добавляет пище остроту и вкус. Но чистый горький перец, острый соус не

каждый способен проглотить—он будет выжигать внутренности.

—И что же, все горькие чувства...?

—Порождение такого симбиоза. Который создал я.

—А как ты узнаешь, что это твое?

—По вспышке. Живое существо в момент потрясения испускает вспышку, которая привлекает горечь. Вспышка прорывает оболочки, делает живое существо беззащитным и беспомощным.

—А если бы тебя не было, что бы делал водитель в костюме?

—Ничего. Дождался бы страховщиков и гаишников, и холодно ободрал бы бедолагу, который, кстати, был и не виноват в столкновении. Безэмоциональность—это и есть отсутствие музыки стихий. Поскольку в данном случае мы имеем место с отрицательными эмоциями, то отсутствие горечи привело бы к безразличию.

—А что теперь будет с этим водителем?

—Ничего. Он теперь источник зла и всего, что оно несет с собой.

—Значит зло—это скопление горечи?

—И в очень большой концентрации. Это на первом тапе. Когда горечь выест душу, уничтожит в ней все другие эмоции, она покинет владельца тела, оставив внутри темноту, холод и пустоту.

—И что же делать живому существу?

—Не опускаться. Учить контролировать себя. Яд в небольших количествах, как тебе должно быть известно, приносит пользу. В нашем случае он стимулирует к движению вперед и развитию. Работая над собой, преодолевая себя, справляясь с отрицательными эмоциями, выжигая их, культивируя другие чувства, живое существо развивается, движется вперед. Полное погружение в горечь—это верная смерть. —Он помолчал. —Горечь может включить переключатель, запустить механизм преждевременной смерти. Помни об этом.

Часть 6. Белое воздаяние

—И за что мне это наказание, —вдохнул женский голос и добавил сердито: —Что ты тут забила в углу? Думаешь, это поможет?

Я еще больше вжалась в темноту.

—Оставь меня. Что тебе надо?

—Мне ничего. Это тебе надо.

—В чем же, по-твоему, я нуждаюсь?

—В справедливости. Воздаянии каждому по делам его.

Белый свет, густой словно молоко, прохладный и отстраненный, затанцевал вокруг меня, выбеливая платье, превращая золушку в снежную королеву.

—Вот так-то лучше, —вдохнула женщина. —А то на эти обноски смотреть противно.

—Это не обноски. Оно из лунных нитей.

—Разумеется, —ответила она недовольно. —Что еще можно найти в этой захудалой вселенной.

—Ты в самом деле справедливость? Существует такая стихия?

—Мы привыкли называть это воздаянием. Когда каждый получает по делам его. Так достигается равновесие мыслей, чувств и поступков. Это несколько иное. Но справедливость тоже присутствует, как же без нее.

—Это что-то наподобие весов у богини правосудия? На-

казание соизмеряется с преступлением?

—Моя особенность в том, что я не выбираю, к кому мне приходиться, и какое количество воздаяния отмерить. Живое существо, совершившее проступок или преступление, само определяет меру своего наказания мерой совершенного. Сколько отмерил, столько и получишь.

—Я не замечала, чтобы все совершившие дурной поступок были наказаны.

—Это только так кажется со стороны. Каждый всегда получает свое. Только мера наказания определяется его особенностями и привязанностями. Это не всегда тоже самое, что он совершил.

—То есть, око за око и зуб за зуб не работает?

—Это было бы слишком просто. Мера воздаяния ударяет в самое болезненное место преступника. Это могут быть чувства, или здоровье, или близкие, или любовь. Потеря всегда соизмеряется с личностью совершившего. И воздаяние всегда больше, чем преступление.

—Почему больше?

—Потому что совершенное, как правило, затрагивает не только определенную личность, но и окружение потерпевшей стороны. То есть ущерб гораздо более значителен, чем кажется. Поэтому воздаяние всегда больше по силе.

—А оно всегда приходит?

—Всегда. Понимаешь ли, если бы этого не происходило, то нарушилось бы равновесие стихии. Если есть пре-

ступление, должно последовать наказание. Это обязательное условие. Если не следует наказание — в данном случае конкретному лицу — его должен понести кто-то другой. Величина вреда должна компенсироваться, понимаешь? А какой смысл заставлять страдать кого-то другого, если может пострадать виновный.

Я обхватила себя руками и уставилась в белый вихрь. Белые снежинки превратились в метель, которая бушевала над бескрайним снежным полем. Ночь смешивалась с белым снегом, рождая чувство беспомощности. И еще странной пустоты внутри.

— А как же прощение? — спросила я негромко, содрогнувшись от холода. — Любовь? Сострадание?

— Это не моя стихия, — ответила женщина отстраненно. — Тебе следует научиться принимать наказание как неизбежность, а не прощать всех подряд. Такое впечатление, что ты все воздаяние отдала мне, ничего себе не оставила. Что за мягкотелость? Почему ты не позволяешь мне делать то, что я должна? Почему постоянно вмешиваешься и все рушишь? — Она помолчала и добавила сердито: — Этот мир отвергает прощение. Он держится на равновесии, соразмерности и справедливости. Заботливые и сострадательные в нем изгои. По меньшей мере, их принимают за ненормальных и сторонятся.

— А справедливость? Ее не сторонятся? — спросила я язвительно. — Никто не любит справедливость. Особенно по

отношению к себе.

—По отношению к себе—нет, не любит. Но активно ратует за справедливость вокруг себя, с жаром и экспрессией. И пойдет ее отстаивать, если это не принесет ему вреда.

—А если принесет?

Женщина вздохнула.

—Горе мое горькое, что же мне делать с тобой? Я же тебе объясняю, это не моя стихия. Нравственные мучения по поводу сострадательности —не ко мне. Вот понять причину и следствие своего дурного поступка—это моя стихия.

—Хочешь сказать, что в конечном итоге все сводится к нравственному страданию, которое и является возданием?

—В основе всех поступков живого существа лежит эмоция, та или иная, и отвечает оно тоже эмоцией. Страдание всегда эмоционально, чем бы оно не было вызвано. Тебе ведь поэтому жаль тех, кто тебя обидел? Ты боишься причинить им страдание? —Я вздохнула, но ничего не ответила. —Скажи, если бы кто-то и них тонул, ты бы спасала их, даже если бы знала, что можешь сама утонуть?

—Разумеется, —ответила я, не задумываясь, и, опомнившись, посмотрела в белый вихрь. —А что, не надо?

Она вздохнула.

—Прости меня, —сказала я и тихо заплакала. —Мне тяжело принять тебя. Но я стараюсь. Я понимаю, что ты необходима. Что без тебя мир упал бы в темноту. Что те крупинцы света, что он имеет, рождаются в том числе благодаря те-

бе. —Я помолчала и добавила. —Если это так необходимо, я принимаю.

Белый вихрь обнял меня и затих белым дымом.

—В тебе столько теплоты и нежности, —вздохнула женщина. —Ты почти совсем не дала этому миру нежности. Почти всю оставила себе. Как же можно жить с такой болью? —Она помолчала. —Мы ведь теперь подруги, правда?

—Правда, —ответила я, утопая в белом дыму.

—А подруги должны помогать друг другу. Значит, ты не будешь возражать, если я кое-что подправлю в твоём окружении?

Часть 7. Надменное серебро

Вокруг меня рушился дом. Пока я стояла в центре большого зала, наполненного старинной мебелью—резными шкафами, столами и стульями, красивыми узорчатыми коврами на полу и гобеленами на стенах—невидимый все это разрушал. С грохотом упали стены, за ними потолок. Прекрасный дом превратился в кучу мусора, мусор —в серую пыль, которую поспешно уносил ветер. Еще мгновение—и вокруг меня тянулась только серая равнина, да под ногами темнела площадка фундамента.

—Все не то, не то, —пробурчал недовольный голос.

—Зачем ты развалил такой красивый дом? —спросила я сама не знаю кого.

Меня на мгновение окутала тишина. Потом в ней появились проблески серебряного света, нежного, прозрачного, с капелькой голубого. Свет свернулся серебряным ветром и затанцевал вокруг меня.

—Он не так красив, как мне бы хотелось. —ответил голос с прохладцей и едва заметным раздражением.

—Ты чем-то расстроен. Поэтому снес дом?

—Это из-за тебя.

—Что я сделала не так? Чем обидела тебя?

—Ты пришла ко мне почти к самому последнему.

Я вздохнула.

—А ты разве не знаешь, что самое прекрасное, самое лучшее вино всегда подают в конце ужина.

—Его всегда оставляют напоследок. —Отозвался голос облегченно и обрадованно. —Когда голод и жажда уже удовлетворены. Когда можно насладиться прекрасным букетом, никуда не торопясь. —Он помолчал. —Это могут себе позволить только те, кто достаточно обеспечен, чтобы иметь возможность своевременно питать себя, не торопиться за столом. Кто никогда не бывает по-настоящему голоден, потому что получает обед по расписанию. К таким людям приходит осознание красоты подаваемой пищи, ее изысканности, вкуса и аромата.

Совершенно забыв о том, что сердился, ветер обнял меня и стал торопливо срывать одежду.

—Что ты делаешь? Ты порвешь мое платье.

—Ты его больше не наденешь. Это тряпка, а не платье. Оно некрасивое.

—Ты что, знаток красоты?

—Я и есть красота. Во всех ее проявлениях. Прекрасная форма, например. Но не только она—это было бы слишком примитивно—но и то, как отражается в воде солнечный свет. Как сверкают капельки воды, стекая по зеленому листу. Как развиваются на ветру золотистые волосы. Как сплетаются краски на полотне, и как рождаются восторг и счастье того, кто смотрит на него. Чувство, рожденное прекрасным, как и само прекрасное—это и есть я.

—Красота нецелесообразна, разве нет? Без нее может обойтись жизнь.

—Разумеется, не может. —Ответил серебряный ветер надменно. —Серая монотонная жизнь, однотипная и однообразная—вот что такое мир без красоты. Неспособность понять и почувствовать красоту—такое же наказание, как уродство, или отсутствие глаза, ноги или руки у человеческого существа. Это высокая энергия, которая развита только в высокоорганизованных духовных существах. Она недоступна низшим сословиям и не понимаема ими.

Вокруг меня свернулся тканью белый дым, расшитый серебряными кружевами.

—Вот так, моя красавица, —приговаривал ласково ветер. —Вот так, моя хорошая.

Вверх потянулись стены белого дворца. Он стал расти с фантастической скоростью. Поднялись потолки и куполообразные башни, готические окна с хрустальными стеклами, наполнились серебряным прозрачным светом холодные светлые залы. Не успела я опомниться, как уже сидела на обтянутом серебряной парчой диване в гостиной, освещенной неярким светом, люющим из свисающей с потолка хрустальной люстры.

—Вот, это совсем другое дело, —вдохнул ветер. —Я построил этот дом для тебя.

—Но я не могу остаться.

—Можешь и останешься. Я тебя никуда не отпущу. Ты

останешься здесь, со мной.

—Ты же знаешь, что я еще не прошла инициацию стихий. Не все стихии узнала. Не соединилась с вами. Кроме того, не закончила свои дела, там, в мире.

—Мир, полный живых существ, —отозвался ветер презрительно. —Они отвратительны. Они не могут удержать красоту. Пускают не ветер все, что получают. Они теряют твой свет. Разбрасываются им, вместо того чтобы с благоволением беречь каждую его крупинку. Они жадны и настырны. Они эгоистичны. Они ревнивы. Они превратили твою жизнь в кошмар. Зачем тебе возвращаться к ним? —Он ласково прижался к моим губам. —Оставайся со мной. Проведем остаток жизни высокого мира вместе.

—Может быть, если бы ты равномерно распределял красоту по высокому миру, живые существа больше бы ценили ее, —сказала я задумчиво. —Ты обижен на мир.

—Они опошлили красоту, —ответил ветер сердито. —Превратили ее в товар, средство самоутверждения. Форма стала важнее содержания. Никто не видит красоту внутреннюю. Все отдают предпочтение форме. Это настолько примитивно, что я даже не хочу говорить об этом. Чувство прекрасного поглотили жлобство и материализм.

—Не говори так. —Я коснулась серебряных сверкающих струй. —Мир полон тобой. Теми, кто понимает и чувствует. Кто хранит красоту и совершенство.

—Совершенные линии и свет, совершенные слова и зву-

ки, чистый прекрасный мир красоты—это ты, любовь моя,
—ответил ветер, мягко обволакивая меня. —Ты еще пере-
думаешь, я уверен. Вернешься ко мне, в этот дом. Я буду
ждать тебя.

Часть 8. Высокомерное золото

Я сидела в жидком голубом мареве и, обхватив колени руками, неотрывно смотрела на перламутровую стену, которая перегораживала мир надвое. За ней сверкал ослепительными красками мир идеала. Стоило только руку протянуть—и окажешься дома.

—Что же ты неходишь? —раздался рядом со мной негромкий голос.

Обернувшись, я увидела густой золотистый дым. Он был соткан из миллионов тяжелых золотых песчинок. Старое золото, спокойное и высокомерное, полное чувства собственного достоинства, мягко кружило маленьким смерчем, давая возможность полюбоваться собой.

Я не ответила.

—Это ведь твой дом.

—Боюсь, не захочу возвращаться.

—Такое может произойти?

—Думаю, что может.

—Неужели этот мир так плох?

—Не в этом дело. —Я беспокойно пошевелилась. —Просто хочу домой.

—Мы и есть твой дом, —ответил золотой ветер. —Разве не ты создала нас? —Он помолчал. —Мне кажется, ты очень ценила прагматизм и целесообразность, поэтому отдала мне

их полностью, совсем ничего не оставила себе. Может быть, поэтому ты такая несобранная. Не можешь дать ладу своей жизни. Все у тебя наперекосяк.

— Думаешь, я поэтому такая?

— Не знаю, — ответил он задумчиво. — Но в одном я совершенно уверен — ты очень ценила эти качества. Желание твердо стоять на ногах. Неуклонно следовать намеченной цели. Занять свое место с в системе окружающего мира.

— Жадность к жизни?

— Не совсем. Скорее, цепкость, способность не отдать, удержать свое, расширить зону обитания, наполнить собой окружающий мир. Новые женщины и дети. Новые дома и дворцы. Новые города и страны. Новые вселенные. Новая вечность.

— Что это как не жадность.

— Это порядок, четкое целеполагание. Живое существо чувствует свою исключительность, особенность. Оно считает себя достойным продолжить семью, род. Страну. Планету. Вселенную. Вечность. Оно движется вперед, к намеченной цели, никуда не сворачивая. — Золотой ветер помолчал. — Прагматики — основа этой высокого мира. Они холодны и расчетливы. Они четко знают, чего хотят. Их не так легко сбить с намеченного маршрута. Они не безэмоциональны. Просто они другие.

Я помолчала, глядя в перламутровое мерцание. Потом сказала задумчиво:

—Я представляла себе первородные стихии несколько иными. Почему я выбрала именно вас?

—Это не случайность, — ответил он. —Мы формировались по мере того, как ты строила и разрушала миры. Ты брала из них новые образы, новые чувства. Самое полезное, что тот или иной высокий мир смогла создать за период своего существования. Самое ценное, нужное, ты положила в основу стихий.

—А где же любовь?

—Любовь—чувство, рожденное этой вечностью, еще не изученное тобой. Если ты сочтешь целесообразным, то в следующем высоком мире появится стихия любви.

—Неужели я так прагматична? И холодна? И расчетлива? Я что, отдала вам только то, что считала наиболее важным, оставляя себе ненужное? Почему нет нежности? Сострадательности?

—Нежность и сострадательность—составляющие энергии жизни, —отвечал ветер. —Но, да, ты не сочла, что для них должна быть отдельная стихия. Вероятно, ты все еще изучаешь их. Вполне возможно, что когда-нибудь они появятся. —Он помолчал. —Эта вечность очень изменила тебя. Она получилась не так хороша, как мы предполагали. Но мы сами строили ее, так что вся ответственность за последствия лежит на нас. Тебе ведь неуютно в ней?

—Нет. Но, может оттого, что я теперь изменилась. —Я пожилая, словно от холодного ветра. —Ты ведь не сердишься

на меня за то, что я не так хорошо воспринимаю тебя, как это делала раньше?

—Мы ведь говорим о гармонии, —ответил ветер. —О достижении гармонии стихий, а не о преобладании какой-то одной из них. Я воспринимаю гармонию как необходимость, как естественный процесс сияния со своими братьями, как достижение равновесия. Я надеюсь, что в скором времени ты научишься правильно подбирать концентрации стихий, и мы сможем порадовать тебя свои совершенством.

—А ты? —спросила я.—Тебе нравится этот мир?

—В нем есть перекосы, —ответил ветер. —Чрезмерная холодность и расчет приводят к деградации остальных черт личности. Живое существо перестает интересоваться живыми чувствами, рождаемыми нежностью, красотой, сострадательностью, считая из ненужными и слабыми, отрывающими его от основных целей, к которым оно стремится. Нарушение гармонии с остальными стихиями превращает живое существо в черствую бездушную машину, озабоченную только своими желаниями.

—Разве ты не распыляешь чувство целесообразности равномерно на всех?

—Так и есть. Но живое существо впитывает его как ни одно другое чувство. Оно с жадностью поглощает стихию целесообразности в ущерб другим стихиям и осознанно копит ее. Потому в целом по высокому миру мы имеем существенные перекосы в распределении этой стихии. Кроме того, жи-

вое существо так цепко держится за нее, что ее невозможно из него вынуть без ущерба для развития.

—Похоже, ты пользуешься наибольшей популярностью среди жителей высокого мира.

Он хмыкнул.

—Ты же не думаешь, что я стану возражать? Выбор всегда остается за живым существом. Его предпочтения, те эмоции, которые оно в себе копит, определяют и картину мира в целом. —Он помолчал. —Но с этим разбираться тебе.

Часть 9. Инициация стихий

—Как это будет?

Координаторы молча смотрели, как я собираюсь. Я была не готова.

—Стихии войдут в тебя. Если сил недостаточно, ты просто умрешь.

—Только физическое тело?

—Не только. Ты переродишься, весь мир умрет, и все придется начинать заново.

Я посмотрела на них хмуро и с неприязнью.

—Черный клоун. Он же черный конь. У вас нет ни сил, ни желания защитить меня от него. Я больше не могу и не хочу терпеть его. И вы меня не заставите.

—Его сила—составляющая часть стихий.

—Неправда! —закричала я. —Он пользуется силой смерти, но он—это не она. —Не лезьте больше в мою жизнь! Не смейте давать мне советы! Займитесь тем, для чего вы здесь!

—Мы только хотим уберечь вас от ошибок.

—Это моя жизнь! И мои ошибки. —Опустив голову, я добавила с горечью: —Кто бы не давал вам инструкции, это была не я. Я другая. И буду жить по-другому. А не по сценарию, написанному кем-то. Как вы не понимаете, —продолжала я с болью. —Я изменилась. Соразмерность, холод и рационализм—больше не основа моей жизни.

Круто развернувшись, я вошла в Вечное море.

Я нашла беседку стихий сразу, как только подумала о ней. Беседку из серого камня, плавающую в чернильно-черной пустоте.

Молчаливая и задумчивая, я поднялась по крутым старым ступеням, таким же древним, как и все вокруг. Едва я ступила на мощный серыми плитами пол беседки, появился координатор стихий. Я подняла на него отчаянные, полные боли, глаза, но он отвел взгляд.

—Тебе нужно подняться на алтарь, —заговорил координатор стихий глухо, не пытаясь ни спросить, ни отговорить меня. —И произнести «я впускаю». Когда стихии войдут, тебе нужно произнести «я принимаю». Когда вы сольетесь. — Он судорожно вдохнул воздух и замолчал. После секундного замешательства он продолжил: —Когда вы сольетесь—и ты это осознаешь—произнесешь «я выпускаю», и стихии выйдут из тебя и вернутся к своим делам. После этого ты сможешь пользоваться всеми стихиями по своему усмотрению. И призывать их, когда понадобится. Когда придет срок, они волеются в тебя навсегда, и вечный мир исчезнет.

Я молча выслушала его, мрачно уставившись на взволнованное осунувшееся лицо. То, что я делала, было безумием. Но это было моим безумием. И я не собиралась останавливаться.

Я шагнула на алтарь и произнесла чуть слышно:
—Я призываю.

Ночь на всех сторонах восьмиугольника расцвела разнообразием красок. Черное. Розовое. Голубое. Алое. Изумрудное. Белое. Золотое. Серебряное.

Краски горели и струились, но не приближались ко мне.
— Я впускаю.

Краски вспыхнули, и восемь сверкающих потоков ударили мне в грудь, соединившись в одной точке. Мир вспыхнул—и исчез.

Я парила где-то внутри себя, ощущая себя как нечто цельное, розово-белое, очень плотной структуры. В центре этой структуры ярко полыхала белая точка. Вокруг меня в бешеном танце, переплетаясь друг с другом, словно обезумевшие, плясали разноцветные ветра. Они пели и говорили. Я слышала голоса людей и птиц, шепот ветра и шелест трав. Чужие мысли и чувства. Споры и разговоры. Как плачет ребенок. Как смеется женщина. Как ворчит старик. Слышала сук его палки по деревянному полу, ощутила чувство тоски и одиночества. Потом почувствовала запах мимоз и счастье влюбленного, который бежал по залитой солнцем площади навстречу девушке в синем платье. Одинокая слезинка покатилась по моей щеке, и я прошептала:

— Я принимаю.

Точка в центре меня вспыхнула ослепительно-белым. Все вокруг залил яркий свет— и стало темно...

Сначала вернулся слух. Я услышала шум ветра в кронах деревьев и шелест травы. Потом почувствовала его, легкий

прохладный ветер, словно нежный поцелуй на щеке. Открыв глаза, я увидела зеленую лужайку и координатора стихий, который нанизывал на тонкие серебристые шпажки большие белые грибы попеременно с помидорами. В шаге от него дымился мангал. В центре лужайки стояли накрытый белой скатертью стол для пикника и множество стульев.

—У меня есть еще баклажаны, кабачки и перец, — заговорил он, добавляя в натюрморт с грибами и помидорами кольца сиреневого лука. — Только, думаю, стоит ограничиться баклажанами. А из перца, помидор и лука можно сделать салат. Как ты считаешь?

Перестав на него таращиться, я осторожно пошевелилась. Я меня ничего не болело, только голова была тяжелой. И в груди давило, словно я поправилась килограмм на десять. Сообразив, что я опираюсь спиной о ствол большого старого дерева, я осторожно приподнялась и, усевшись поудобнее, спросила хриплым чужим голосом:

—Я долго спала?

—Долго, — ответил он. — Наверное, за это время высокий мир бы умер, если бы он не исчез вместе со стихиями. Остался только этот кусочек реальности.

—И что теперь?

—Можешь выпустить их. Только осторожно.

Я вздохнула и без всякого страха легко произнесла:

—Выпускаю. Ступайте и займитесь своими делами.

Где-то из района солнечного сплетения из меня полился

спокойный разноцветный луч. Он заскользил по траве, пошевелил волосы координатора, потом вспыхнул яркой точкой у нас над головами и, распавшись на восемь лучей, растаял.

— Не волнуйся, — сказал координатор. — Никто ничего не почувствует. Все начнется с того места, где остановилось. Может быть, только легкое головокружение, неожиданный сбой в мыслях — вот и все.

— А зачем столько много еды? — спросила я, покосившись на дюжину уже готовых шпажек.

— Мы ждем в гости кое-кого, — ответил он. — Надо же отпраздновать такое событие.

В дальнем конце поляны вспыхнул свет, и с десятков высоких фигур в серо-голубых плащах ступили на поляну. Это были красивые хмурые мужчины, по виду старше пятидесяти, с обветренными лицами и пронзительными глазами. Это казалось единственным, что их объединяло. Они были очень разными, но сейчас общее выражение радости и даже ликования делали их почти близнецами.

— Это мастера жизни, — сказал координатор, приветствуя гостей.

Они молча поклонились мне, но не стали подходить. Я была этому только рада. Слушать или говорить с кем-то... Одна эта мысль вызывала во мне содрогание.

Свет снова вспыхнул, пропуская делегацию из суровых бледных фигур в черных плащах. Я, совершенно очнувшись,

поднялась навстречу огромному красивому мужчине с белыми волосами и невозможно синими глазами. Чуть заметно и надменно кивнув присутствующим, он оставил своих сопровождающих, быстро пересек лужайку и опустился передо мной на колени. Коснувшись края моего платья, он сказал дрогнувшим голосом:

—Моя госпожа.

—Оран, —прошептала я и заплакала, обхватив руками мощную шею.

—Тише, тише, маленькая, —заговори он ласково, целуя мое лицо и высушивая слезы. —Все позади. Все закончилось.

—Я знала, что драконы первородные существа, но не думала, что настолько, —сказала я.—Что они так высоко стоят в иерархии этого мира.

—Это так, —ответил он. — Разве учитель не рассказывал тебе наши истории?

—Я думала, это легенды.

—Драконы были созданы вслед за стихиями, —отвечал он. —Мы охраняем эту высокий мир с момента его рождения. Это место, беседка вместе с алтарем, находятся в центре мира драконов.

—И ты —его Государь, —улыбнулась я сквозь слезы. Потом зашептала, чтобы никто не слышал. —Ты знаешь, как этим пользуются?

—Это просто, —ответил он. —Подумай, какая стихия те-

бе нужна, и раскрой ладонь.

Я раскрыла ладонь. На ней попеременно загорелись голубой, потом розовый, потом серебряный огоньки.

— Не стоит этим злоупотреблять, — остановил меня Оран. — Ребенок. — Он вздохнул. — Стихии предназначены для внешнего воздействия. С силой еще надо работать. Надеюсь, ты это понимаешь?

— Да, — вздохнула я.

— Тебе пора домой. — Он посмотрел на веселую гудящую толпу. — Здесь разберутся и без тебя.

Часть 10. Последнее желание

Меня тянуло в воронку. Я вяло упиралась—утренние молитвы сегодня давались с трудом. Кто-то очень торопился забрать меня из дома, но я упрямо читала и читала, пока не закончила. Едва это произошло, вихрь потянул меня с бешеной скоростью—и бросил на пол какого-то помещения.

Оно было пустым и темным, и казалось брошенным уже давно. Едва я встала на ноги, вспыхнул ослепительный белый свет, заливая огромный зал. Я знала, что это зал, знала, что у него есть стены и потолок, хотя не видела их. И еще я знала, что у него нет двери.

Я села на корточки, разгребла мелкую белоснежную пыль и коснулась пальцами голубого пола. Покрытие напоминало аквамарин своей чистотой и прозрачностью. Неожиданно родившееся знание сказало мне, что я внутри выточенной из этого прозрачного вещества прекрасной темницы.

—Где я? —спросила я свет, и рядом со мной закружил голубой вихрь.

—Под алтарем, —ответил ветер, сметая пыль с моих ног. Он, пронеся по залу, разбрасывая ее как снежинки, и я с восторгом и восхищением погрузилась в прозрачную нежную красоту этого места.

—Что это за место?

—Комната твоих желаний, —ответил ветер. —Когда мы

пришли в этот мир, ты наполнила эту комнату своими желаниями, чтобы мы могли воплотить их в то, что построим. Она была битком забита ими. —Он помолчал. —Сначала мы брали их жадно и весело, полными горстями, разбрасывались ими. Потом стали относиться к ним более бережно, вдруг осознав, что тебя нет с нами и ты не сможешь пополнить наш запас. Потом мы стали трепетно и осторожно, как величайшую драгоценность, брать их по одному. Наконец, их совсем не осталось. —Ветер рванулся в свет и позвал меня. —Подойди.

Я пошла по прозрачному полу, наслаждаясь великолепием этого места. В центре комнаты парил тонкий хрустальный стержень, внутри которого переливался голубой свет.

—Мы выполнили все твои желания, —сказал ветер. —Осталось последнее.

—Что это? —спросила я с восхищением и печалью. —Неужели любовь?

—Любовь—это новая категория. Ты ее не знала, когда загадывала желания. Ты хотела научиться любви? —спросил ветер. —Научилась? Полюбила кого-то?

—Не уверена, что я на это способна.

—Ну что ты, —возразил ветер, вынимая из моей памяти всех, кто мне был дорог. Картинки словно кадры кинофильма, замелькали в голубой пустоте комнаты, и я смущенно потупилась. —Разумеется, это любовь. Но такая ли, какую ты ищешь? Существо, единственное в своем виде, отчаянно же-

лает быть понятым кем-то, похожим на себя. Встретить кого-то, кто разделит его одиночество. Стать счастливым.

—Я знаю, какое желание в этом стержне, —отозвалась я с горечью. —Не быть одинокой.

Стрежень неожиданно почернел изнутри, упал на пол и разбился в мелкую черную пыль, которая темным пятном осталась лежать на белом и голубом.

—Ну, что же, —сказал ветер. —Похоже, мы не смогли исполнить твое желание.

Голубая комната вспыхнула—и растаяла. Я стояла в большом темном зале, таком же замкнутом, без выхода, как и голубая комната. Его пол покрывал коричнево-красный ковер. Меня со всех сторон окружили стихии, украшая светом и красками это мрачное странное место.

—Ну что? —они спрашивали не меня, а голубой ветер.

—Не исполнилось, —отвечал он.

—Это хорошо. —Они совсем не расстроились, а, кажется, наоборот, обрадовались. —Значит, мы вернемся снова. И будет новый мир. И новые желания.

—Только комнату желаний нужно строить побольше, —сказал мне кто-то озабоченно. —Нам не хватило твоих желаний. Последнее время мы совсем отчаялись и зачахли, когда они все закончились, а тебя не было рядом.

—Это вообще обязательно—бросать нас? —обиженно прошелестел другой голос. —Уходить, когда построишь?

Окруженная шепотом, упреками, ласковыми поцелуями,

я совсем растерялась. Меня подняли в воздух и усадили на стул в центре комнаты. Вокруг меня, на таких же стульях, словно зрители в театре, разместились стихии. Наступило молчание. Мы словно чего-то ждали. Наконец, я с содроганием услышала чьи-то тяжелые шаркающие шаги.

Существо, которое вышло из темноты, трудно описать. Оно напоминало мешок с картошкой, в который начерно воткнули круглую лысую голову на мощной шее. Оно было очень, очень старым. Я даже не знаю, поддается ли анализу его возраст. По-моему, оно самое старое существо из всех, кого мне когда-либо приходилось встречать. Огромные темные глаза, не мигая, уставились на меня.

Выдержав паузу, существо выудило из складок своего то ли платья, то ли тела три хрустальных стержня и подвесило их, между нами. Все дружно уставились на них.

—Это твое прошлое, будущее и настоящее, —прогудело странное существо. —Попытайся определить, где что.

Первый стрежень вспыхнул страстно и ало.

—Это настоящее, —сказала я, не задумываясь.

Существо согласно кивнуло. Стихии вокруг меня притихли, с любопытством следя за происходящим, словно дети на детском утреннике.

Второй стрежень вспыхнул голубым, потом почернел, потом посерел, и таким и остался—грязно-серым с вкраплениями золотого.

—Это мое прошлое.

Я с огорчением посмотрела на неприглядный цвет.

—Так и есть, —ответило существо. —Теперь посмотри на свое будущее.

Я посмотрела на третий стержень. Он оставался пустым и черным.

—Не понимаю, —отозвалась я с горечью. —Почему?

—Возьми его в руки.

Стержень подплыл ко мне, и я осторожно взяла его в руки, всматриваясь в клубящуюся внутри него темноту.

—Что ты чувствуешь?

—Пустоту.

—Никаких новых желаний, —сказало существо. —Ничего нового. А знаешь, почему? Потому что, едва покончив со старым миром, ты тут же начинала скучать за ним. Поэтому каждый раз ты строила не новое, неповторимое, а вспоминала старое, то, что ушло. Ты придумывала его снова. И тех, кого помнила и о ком тосковала. И твои желания, и твои ошибки неслись по замкнутому кругу, повторяя сами себя. Даже то, что самых любимых ты переносила в мир идеала, не спасало ситуации. —Оно помолчало. —Если не разорвать круг, все повторится снова.

—Разорвать круг? Что же делать?

—Набраться мужества и на время оставить свои привязанности, и память о мире, который уходит. Дать им устояться. Остынуть. Ты вернешься к ним позднее, и тогда станет понятно, что тебе действительно из этого всего дорого.

—Голос зазвучал сильно, властно, заполняя маленький зал.
—Ты должна построить нечто совершенно новое. Мир, полный новых чувств и новых желаний. Ты должна напомнить его не воспоминаниями о том, что было, а мечтами о том, что будет. —Голос окреп и загремел как набат. —Давай, девочка. Постарайся.

Я судорожно сжала в руках стержень, он рассыпался в порошок.

—Ничего страшного, —сказал голос ласково. —Разожми пальцы.

Я разжала пальцы, и хрусталь потек как вода. Из воды сошел новый пустой стержень. Осторожно удерживая хрупкий предмет между пальцами, я заглянула в него как в бесконечность.

Я искала мечты, которыми была полна, мечты о том, что я не встретила.

Что не нашла. Что не сбылось.

Хрустальный чистый свет полился из меня, впитываясь в стержень. Я понимала, что сейчас рождается основа нового мира, который будет построен, но меня не очень это интересовало.

Я думала о том, чего хочу.

Кого мечтаю встретить.

Что найти.

К чему прикоснуться.

Я думала, что мечта и есть самое главное. Что это и есть

суть всего, основа жизни, то глобальное, что лежит в ее основе.

Смысл. То, ради чего стоит жить.

Мне было немного жаль мира, который уходил. Но, вспоминая слова странного стража, я надеялась, что не потеряю его. Что всегда смогу вернуться за теми, кто мне дорог и о ком тоскую.

Всему свой срок.

Глава

Комментарий к первой главе.

—О стихиях трудно говорить, дитя мое. Это настолько тонкие материи, что за них руками даже страшно браться. Ну, хорошо... Что ты хочешь понять?

—Как чувство может создать все живое?

—Если представить себе чувство как энергию, живую и подвижную, а не набор химических реакций, которые вызваны внешним воздействием на живое существо, тогда может. Человек примитивен, по сути, материальное вообще примитивно, понимаешь? И твердое, и жидкое, и даже газообразное состояние материи, как и первородный огонь, отделяющий нас от мира идеала— все это примитивно. Мы примитивны, боги, создавшие человека и бесконечные миры. Потому что нас самих создали стихии.

Это высший разум, который первыми родил творец, когда создал высокий мир. Вот представь себе, он родилась из пустот, великий и сверкающий. Наш первый творец—Пустота, некая живая субстанция, которая умеет строить. Она и Идеал —наши первородные матери, две прекрасные женщины, стоящие у начала всего. Им надело играть, и они решили создать жизнь. Пустота построила некую структуру, отгородив ее от себя оболочкой, наполнила эту структуру видоизмененной собой, придала ей пластичность и смысл. Идеаль-

ная форма для жизни, ты не находишь? И вот когда все готово и можно заселяться пустую чистую квартиру с пустыми шкафами и новой мебелью, полотенцами и посудой, с чайниками и телевизором, приходит Идеал.

Наша девочка лентяйка. Не потому, что она ленива. А потому, что не любит заниматься мелочами. Она рисует большие полотна величиной с миры, наполняя их такими сумасшедшими эмоциями, такой фантастической энергией, что рехнуться можно. Вот она стоит на пороге, маленькая, юная, смешливая, сияя глазами—и понимает, что ей будет скучно в такой катастрофически стандартной квартире. И что она делает? Рачительная хозяйка стала бы украшать дом своими вышитыми салфеточками и ковриками, рисовать на стенах цветочки и застилать кровать цветным покрывалом.

Но не наша маленькая лентяйка.

Она поступает по-другому. Она создает ветры. Ветер—основа перемен. Он врывается в тихий дом, в котором не закрыты окна, и превращает его в бардак, переворачивая мебель и разбрасывая вещи и бумагу. Но это один ветер. А если их пять? Или восемь? И если они—живые и эмоциональные, наполненные под завязку энергией и мыслью?

Эту квартиру будет не узнать. И округу тоже. Но это и есть самое восхитительное, ты не находишь?

Итак, пока их создательница тихо уснула в уголке, ветры берутся за работу. Они—основа жизни. Ее суть. Эмоции и чувства, переплетаясь, создают новую картину мира. Они—

фундамент, на котором держится все. Они берут подвижную текучую форму—и создают из нее богов, те своих богов, а те своих. На каждом этапе рождается новый мир. Ступенька за ступенькой, эмоция за эмоцией.

Многоярусность—основа жизни, ее благословение и проклятие. От того, насколько удачен был первый эксперимент, зависит, какими мы придем к финалу. Наши миры—конечная ступень. Можно сказать, ниже падать уже некуда. Хотя, должен признаться— хоть это и унижительно для нас— мы не в обиде. Спасибо, что вообще нас создали. А то бы так и остались живой эмоцией в брюхе какого-нибудь ленивого бога, который не захотел ничего строить и уснул, насытившись этими эмоциями под завязку.

Итак, стихии, разбросав бумаги, разорвав и переклеив все обои, перевернув столы и шкафы вверх ногами, вспучив паркет и засадив освободившееся место цветами, построили вечность.

—Выглядит потрясающе прекрасно!

—Ты так считаешь?! Любовь моя, ты настоящая катастрофа! О, боги нам достался сумасшедший творец!

—Но зато весело, ты не считаешь?!

—О, да! Не то слово!

—А что дальше?!

—Веселье, как ты и заметила. Ветры ведь никуда не делись из нашей квартиры. Они все еще здесь. Их энергия несколько поутихла, но все еще сильна. Они властвуют в ми-

ре, невидимые и неслышимые никому. Они ни с кем не общаются, никого не слушают и никого не признают. Насколько я могу судить из твоего первого знакомства с ними, они и тебя на собирались признавать, не так ли?

—Да, начало было не очень. Но зато теперь мы очень привязаны друг другу.

—Привязаны? Да это любовь, дитя моя. Безоглядная и вечная любовь. Но ты ведь не думаешь, что по происшествии стольких времен, они отдадут тебе в руки управление?

—А зачем мне это надо?

—Я же говорю, лентяйка. Лишь бы играть. А работает пусть кто-то другой!

—Не смейся надо мной.

—Ну что ты, любовь моя. Я тебя понимаю. Когда формируются стихии, идет закладка всего. Эти живые прекрасные чувства и эмоции и есть жизнь. Без них весь наш мир был бы только мертвой куклой без души и света. Но теперь -то понятно, почему каждая новая вечность не похожа не предыдущую, не так ли?

—У них разное настроение, да?

—Не только это. Стихии не только разбрасывают, но и собирают, так я думаю. Она насыщаются новыми чувствами и эмоциями, теми, что делает ярче то направление, которым, они. так сказать, занимаются. С каждым новым высоким миром они становятся ярче и красочнее.

—Но они устают и говорят, что к концу высокого мира

истончаются.

—Разумеется. Запас энергии. Он иссякает. Им нужна подпитка из источника, создавшего их. Они возвращаются домой, насыщаются, отдыхают и потом могут снова отправляться на поиски приключений.

Ах, как же это прекрасно, любовь моя! Почему я сам не додумался до этого?! Но, честно признаться, у меня не хватило бы на это энергии. Наш источник света, который горит внутри нас—сосредоточие различного вида стихий—не очень велик, и мы всегда расходовали его экономно. Поэтому у нас не хватило бы сил на такие масштабные эксперименты.

Но мне так бы хотелось прикоснуться хотя бы к одной из стихий. Вель они ближе всего стоят к Идеалу.

Ты знаешь, когда я думаю об этом бушующем неистовом потоке жизни, сотворившей все, меня охватывает мистический ужас. Я, который никогда ничего не боялся, с трепетом думаю о том, как извергаются эти сумасшедшие ветра. Какая бурная неконтролируемая энергия рвется из груди этой девочки, которой бы еще в куклы играть. Как режут от переизбытка чувств и счастья эти безумные ветры. Как они врываються в только что созданную вечность.

Как же это прекрасно и удивительно!

За то, чтобы это увидеть, можно отдать жизнь.

Глава вторая. Особая порода

Часть 1. Дети пылающей ночи

Что-то очень противно скрипело. Такой режущий звук издают старые ржавые качели на детской площадке в каком-нибудь провинциальном городке. Похоже, это они и были—полностью соответствовали образу, который невольно нарисовался в моей голове. Только к нему добавилось еще кое-что—кирпично-красная пыль висела над площадкой и над всем городом, словно купол. В ней плавали пустые дома без оконных стекол, запущенные дороги, забитые брошенными автомобилями. В ней исчезло солнце. Оно стало только призраком, неясным кругом, нависающим над головой.

—Привет!

Кто-то хихикнул—и сверху на меня свесилось покрытое белой краской лицо Арлекина, с яркими щеками и кроваво-красными губами. Рот растянулся в улыбке, но черные глаза остались холодными и пустыми.

—Привет!

Рядом появилось бледное как мел лицо Пьеро, тоже висящее вниз головой.

Я подняла глаза—оба хулигана висели, цепляясь согнутыми в коленях ногами за перекладину детского турнике-

та. Ловко перекувыркнувшись в воздухе, Пьеро спружинил вниз и стал весело носиться по детской площадке. Арлекин продолжал восхищенно таращиться на меня.

Обнаружив качели-качалку, которые противно скрипели от ветра, Пьеро уселся на одно из сидений и, попрыгав на нем, сообразил, что качаться надо вдвоем. Подорвавшись, он рванул в сторону пустынной улицы и через мгновение уже тащил огромный проржавевший автомобиль, легко закинув его на одно плечо слово детскую пластмассовую игрушку. С грохотом обрушив свою находку на второе сиденье, Пьеро с трудом опустил свободное место и взобрался на него. Арлекин перестал раскачиваться и теперь весте со мной с интересом наблюдал за манипуляциями своего приятеля.

Пьеро попрыгал на своем сиденье—но автомобиль был слишком тяжелым, потому покачаться не получалось. Тогда вмешался Арлекин. Ловко спрыгнув с турникета, он приземлился словно кошка, выпрямился и рванул в сторону улицы. Скоро он вернулся, волоча по асфальту небольшой ярко-красный автомобиль. Ужасный скрежет разнесся в пустынном городе словно набат. Подтащив свою находку к качелям, он поднатужился—и с грохотом обрушил автомобиль на голову пытающегося спуститься вниз Пьеро. Половинка качалки, на которой находился Пьеро, треснула—и качели разломались пополам. Я думала, Арлекин убил своего незадачливого приятеля. Но не тут-то было—Пьеро выбрался из-под обломков, отряхиваясь, как ни в чем не бывало. При-

атели с минуту рассматривали место преступления. Потом одновременно повернулись ко мне.

—Что здесь происходит? Где я? —спросила я.

—Ни где, а когда, —ответил Пьеро.

—Пришествие звезды, —вмешался Арлекин.

Подскочив ко мне, оба хулигана вцепились в меня с двух сторон и потащили вверх по улице. Ловко маневрируя между брошенных автомобилей, мы зашагали по пустынному городу, который, казалось, прислушивался к нам. Шорох наших шагов вперемешку со скрежетом болтавших створок окон без стекол и стуком частей искореженного металла не давал ощущение жизни, а вызывал скорее панику.

—Где все люди? —спрашивала я тихо, оглядываясь через плечо высокого Арлекина.

Они не отвечали. Тогда я заупрямилась и стала вырываться.

Арлекин без разговоров перехватил меня за талию и, перебросив через плечо, зашагал дальше, бормоча:

—Если хочешь, чтобы что-то было сделано хорошо, сделай это сам.

Мы так никого и не встретили. Пока он волок меня через весь город, радостный Пьеро скакал по крышам автомобилей и крушил их с помощью большого молотка, который выудил в одном из салонов.

Наконец, мы остановились у входа то ли в подвал, то ли в метро. Арлекин треснул ногой по железной двери, и она с

грохотом упала. Он поставил меня на землю и, нагнувшись, заглянул в лицо. Его холодные мерцающие глаза испугали меня больше, чем мертвый город.

—Они все здесь, — сказал он. —Когда было объявлено, что солнце плюется пламенем, они спрятались в надежде пересидеть катастрофу. Давай, спускайся.

—Не хочу, — ответила я, с ужасом всматриваясь в раскрашенное лицо.

Тогда он снова забросил меня на плечо и затопал вниз по лестнице, в темный провал.

Они были все здесь. Наверное, весь город. Мужчины и женщины, старики, дети домашние животные на повозках и в коробках.

Вернее, то, что от них осталось.

—Вещи долговечнее людей, —отозвался Пьеро, выдерживая и скрюченных рук скелета с рассыпающемся платье металлическую коробочку. Он тряхнул ее, и замок отскочил. На бетонный пол посыпались украшения. Синие, зеленые, красные камни хищно блеснули в темноте. Пока Арлекин бродил между скелетов и заглядывал в пустые глазницы, Пьеро подцепил серьгу с прозрачным камнем и засунул ее себе в ноздрю.

Потанцевав вдоволь на костях, клоуны поволокли меня наверх. Протащив улицами, которые я, к неимоверному ужасу, начинала узнавать, Арлекин снова водрузил меня на плечо и быстрыми шагами направился прочь из города. Его при-

атель с грохотом скакал следом, прыгая по крышам попадавших машин и раскачиваясь на оставшихся кое-где рекламных щитах. Город протяжно стонал под их издевательствами, но ничего не мог сделать.

Он был мертв. Давно уже мертв.

Мы остановились в пустом безжизненном черном поле недалеко от города. Арлекин опустил меня на землю, задумчиво посмотрел на небо, потом на своего приятеля. Пьеро кивнул, вынул из необъятных карманов серебряного комбинезона странную двойную деревянную дудочку с изогнутыми трубками, повернулся в сторону города и заиграл.

Звук был не заунывным и не протяжным. Он скорее напоминал срежет железа о железо. Закрыв уши ладонями, я подумала, что от такой музыки даже мертвый проснется. И оказалась недалеко от истины— из города, словно крысы на дудочку крысолова, потянулись призрачные фигуры людей. Одновременно невысоко над землей открылась бешено вращающаяся воронка.

Черный смерч.

Некоторые из призраков испуганно отпрянули в сторону, тогда Арлекин достал из складок своей одежды широкий синий меч—и разрубил нарушителей пополам. Они вспыхнули светлым облачком—и перестали существовать. Это несколько отрезвило остальных—по крайней мере теперь никто не пытался сбежать. Но огромная фигура Арлекина, в красно-белом костюме, с мечом наперевес, продолжала нависать

над серой, текущей словно река, толпой людей, стонущих и плачущих. И этот низкий, сливающийся в единый голос, стон, едва не лишил меня разума.

—Как ты оказалась здесь, дитя мое? —раздался рядом со мной тихий голос.

Хаос, он же Михаэль, в роскошном белом костюме-тройке, шляпе набекрень, белых туфлях, с тросточкой в руке, стоял рядом со мной, словно собрался на прогулку по набережной какого-нибудь южного города.

—Куда их? —спросила я хрипло. —Разве ангелы смерти...?

—Всех, кого хотели, они уже забрали, —отвечал Михаэль. —Остались те, кто никого не интересуется. —Он помолчал, наблюдая за бредущей толпой. Потом легко постукивал тросточкой по спаянному высокими температурами в единое целое шлаку. —Внезапная смерть сильно нарушает структуру души. Они становятся непригодными для перехода в духовные миры. Поэтому пойдут в жернова.

—Это Земля? — прохрипела я.

—Сан-Франциско, —ответил Хаос, и в то же мгновение мир изменился.

Я увидела белый город с широкими проспектами и красивыми ухоженными домами. Пальмы и ветер, солнечный свет, сладкий воздух океана—мир, живой и настоящий, навалился на меня, словно ударил в грудь невидимым кулаком. Я покачнулась. Хаос не дал мен упасть. Подхватив под локоть, он

осторожно повел меня по набережной в сторону сверкающего под солнцем океана. Немного придя в себя, я почувствовала запах воды и песок под ногами и посмотрела на Михаэля.

—Я хочу познакомить тебя кое с кем, —отозвался он беззаботно, продолжая идти берега навстречу солнцу и ветру.

У кромки воды стоял человек. Его черные одежды и длинновязая фигура совсем не вязались с беззаботным ярким днем, криками чаек и сияющей водой. Он смотрел на океан, сложив руки на груди, и ветер трепал черные волосы, которые доставали ему до плеч. Почувствовав наше приближение, он повернул голову, и на меня уставились прозрачные глаза, в которых плескался океан.

—Вот, дитя мое, прошу любить и жаловать, —сказал Хаос. —Мой приятель.

—Мастер образа, —мужчина ловко поклонился, не отрывая от меня взгляда.

—Никогда не слышала о вас, —ответила я вежливо, всматриваясь в холеное темное лицо, которое несколько портили надменные складки в уголках красиво очерченных губ.

—Мастера—особая порода. —Хаос, улыбаясь, кивнул своему приятелю. —Держатся особняком и никого не пускают в свой замкнутый мир.

—В наш, наш мир, дорогой Михаэль, —отозвался Мастер образа мягким баритоном. —Разве ты не один из нас? —Глаза, словно два колодца, продолжали серьезно и нетороп-

ливо изучать меня. —Как вам нравится Сан-Франциско, дитя мое? Вы ведь никогда не бывали здесь?

—Он выглядит гораздо лучше, чем в том времени, откуда мы пришли.

—Понимаю. Понимаю. Я как раз только закончил формировать образ этого события, печальные последствия которого вы наблюдали. Звезды, знаете, бывают крайне нестабильны. Иногда они вспыхивают—и тогда происходит то, что происходит.

—Я думала, подобные катастрофы запланированы заранее.

—Не всегда, —отвечал мастер. —План— это результат замкнутого цикла, события в котором уже произошли когда-то и только движутся по кругу, бесконечно повторяясь. В живой вселенной никогда не знаешь, что может случиться завтра. Она тем и хороша, что можно нарисовать любой образ, моделируя его.

—Но, если это так, как могло получиться, что мы были в будущем?

—Время нелинейно, дитя, —вмешался Хаос. —Мы уже с тобой говорили об этом. Мы можем существовать в каких-угодно его отрезках, как, например, сейчас.

—Вы моделируете события, которые произойдут, —пробормотала я задумчиво.

—Образы, дитя мое, образы событий, которые произойдут.

—А воплощает их всегда кто-то другой, — произнес тяжелый бас, и мы все обернулись.

Нам навстречу по кромке воды шел высокий мужчина в темно-сером костюме с отливом. Русые кудрявые волосы, отброшенные со лба, тонкое бледное лицо с темно-серыми глазами, мягкие пухлые губы ребенка, ямочки на щеках— он был красив, быстр и легок, словно ягуар перед прыжком. Что-то хищное просматривалось в его глазах и движениях. Сходство с большим сильным хищником только усилилось при его приближении—я ощутила силу и мощь, от которой во мне все сжалось.

—Ты рано, друг мой, —обратился к нему Мастер образа. —Я только закончил.

—В самый раз, —ответил мужчина, не отводя от меня глаз. —Мне бы хотелось быть представленный молодой леди, прежде чем я начну.

—Мастер стихий, —представил мужчину Хаос.

—Катастрофы, природные катаклизмы—это моя стезя, —пророкотал Мастер стихий и склонился к моей руке, так стремительно, что я не успела ничего сказать или сделать.

—И войны? —спросила я глухо, вглядываясь в серые глаза, холодные и мерцающие.

—О, нет, милая леди, —ответил он. —Это другой мастер. —Он наконец отвел от меня взгляд и посмотрел на горизонт. —Ну, что же, начнем, пожалуй. Прощу вас, друзья мои.

Меня подхватили под руки —и мы отошли шагов на пять-

десять от берега.

То, что случилось дальше, еще долго будет преследовать меня в кошмарах.

Фигура Мастера потемнела. Вокруг нее вспыхнул ярко-багровый свет. Черный смерч, завывая, стал формироваться вокруг него. Мир погас. Стало темно. Багровые молнии, сверкая, рождались в глубине Мастера. Он был их источником, силой, которая создавала и направляла. Таким же багровым светом пылало на небосклоне огромное солнце. Подняв голову, я уже не могла оторвать от него взгляда.

Молнии коснулись его короны—и оно начало пульсировать и распухать на глазах, увеличившись вдвое. Наконец, оно вспыхнуло, родив маленькое солнце, которое понеслось в нашу сторону. Сжав руки, я смотрела как солнечный ступок несется к Земле, как бешено рвет пространство черный вихрь вокруг высокой фигуры в багровом ореоле.

Это было ужасно и прекрасно одновременно.

Наконец, мир вспыхнул—и наступила темнота. В изнеможении я закрыла глаза.

Когда я их открыла, то поняла, что сижу на широкой белой веранде в тени высоких пальм, а в нескольких шагах от меня мягко шумит океан. Солнце—обычное солнце—почти село, и багровые полосы смешивались с синими тенями, скользящими по воде. Мои новые знакомые сидели рядом со мной за круглым столом, лениво развалившись в легких плетеных креслах и потягивая золотистый напиток сквозь тру-

бочки из высоки стаканов. Атмосфера легкой неги, покоя и тепла, которая разливалась по пустынному берегу, превращала все случившееся в мираж. Казалось, я спала и только проснулась. Ах, если бы это был только сон!

—Прекрасная работа, друг мой! —отозвался лениво Хаос, поглядывая на Мастера стихий. —Впрочем, как всегда.

Мастер молчаливо кивнул. Я чувствовала, как они изучают меня, но не собиралась ни мешать им, не притворяться перед ними. Они были слишком, слишком старыми, мудрыми и опытными для таких игр.

—Вы очень похорошели, милая леди, с тех пор как я вас видел в последний раз, —пророкотал Мастер стихий.

—Она была совсем ребенком, —ответил за меня Михаэль, устроившийся рядом со мной и счастливо сияя, словно получил конфетку.

—Она и сейчас еще ребенок, —промурлыкал Мастер образа, прикрывая глаза и подставляя лицо ночному ветру. —Она слишком юна для тебя, Михаэль.

—А я никуда не тороплюсь. —ответил тот, поглядывая не меня из-под пушистых ресниц.

Это очень напоминало смотрины. Я чувствовала себя ребенком в обществе старых профессоров. Они давно уже защитили диссертации, имели научные звания и труды в областях, о которых я даже не слышала. У них были ученики, женщины и прошлое. Они уже давно забыли, как были детьми. А я... Я была малышом, едва научившимся ходить.

Так странно... Что-то ощущалось еще...

Взрослые мужчины, познавшие множество женщин, испытывавшие в жизни все, что можно испытать—и молоденькая девочка, в которую был влюблен один из них. Мне стало стыдно и неловко рядом с ними. Я боялась показаться смешной. И, вероятно, они это почувствовали, потому что молча ждали, пока схлынут мои ощущения.

—Вам нечего стыдиться, дитя мое, —прорычал Мастер стихий. —Вы еще так молоды, у вас столько впереди. А Михаэль, на мой взгляд, слишком самонадеян.

—У вас были женщины? —спросила я, помолчав.

Они негромко рассмеялись.

—И не одна, милая леди, —отвечал Мастер стихий. —Но я, пожалуй, все же посоревновался бы с Михаэлем за право находиться рядом с вами.

—Это ты слишком самонадеян, друг мой, —отвечал Михаэль сухо, поглядывая на своего приятеля поверх стакана.

Тот ухмыльнулся, но ничего не ответил.

—И что происходило с вашими женщинами? —продолжала настаивать я.

—Рано или поздно это всегда происходит, —отвечал Мастер образа, помешивая золотистый напиток трубочкой. —То, что казалось милыми недостатками, приобретает масштаб катастрофы. И приходится расставаться.

—А любовь? Для вас она существует?

—Это вы нам скажите, прекрасное дитя, —ответил Ма-

стер стихий. —Разве не вы—ее сосредоточение?

—Ваша сила..., —начала я.—Она настолько необычна... Эта мощь... Я не встречала ничего похожего.

—Мы —дети Пылающей ночи, —Ответил Мастер стихий. Его глаза потемнели, в них засверкали огненные искры. —Она дает нам силу. Она— наш дом. Нет никого и нечего в высоком мире, способного противостоять нам.

Часть 2. Призрачное счастье

Я сидела в снегу. Метель выла словно рожаящая женщина. Ничего не было вокруг кроме темноты и колючих снежинок, которые царапали кожу. Неожиданно что-то теплое и пушистое толкнуло меня в руку. Подняв засыпанное снегом лицо, я увидела большого белого пса. Его лохматая шерсть сливалась со снегом, только бусинки темных глаз и кончик носа были заметны. Пес гавкнул призывно, отбежал немного, повернулся ко мне и снова гавкнул. С трудом стряхнув с себя гору снега, я пошла на его голос.

Я увидела дом только потому, что уткнулась в него. Он был засыпан снегом по самые окна. Маленькая дорожка, расчищенная хозяином, уже почти исчезла. С трудом втаскивая ноги из сугроба, я открыла дверь,пустила пса и вошла сама.

—Привел? —спросил тихий голос, и пес радостно гавкнул. —Молодец.

Пес снова гавкнул. Мужчина в меховой тужурке, сером свитере и высоких белых унтах потрепал его по лохматой голове, и пес улегся у камина, в котором полыхал огонь.

—Ну, что ты замерла? Подойди, —сказал мужчина, поднимая на меня серые глаза, прозрачные как льдинки.

Я стояла у порога. Снежинки превращались в капли, капли в ручьи, ручьи в лужу под ногами. Мое тонкое платье было насквозь мокрым. Преступив через умершие снежинки, я

подошла к камину и остановилась у решетки, протянув руки к огню. Он горел ярко и жарко, и я быстро согрелась. Пока я приходила в себя, мужчина молчал.

—Я не могу остаться надолго, — сказала я.

—Знаю, — ответил он. — Вот. Возьми.

Он протянул мне тонкий серебристый стержень. Я сжала его в руке—и исчезла.

Когда мои земные дела были закончены, я снова оказалась в большой темной комнате с камином и синими тенями, плавающими у стен. Здесь ничего не изменилось. Пес спал, положив голову на лапы. Его хозяин сидел в старом потрепанном кресле и смотрел на огонь.

—Я знал, что ты вернешься, — сказал он, не поднимая глаз.

—Почему я снова здесь?

—Потому что мы не договорили.

Я опустилась в свободное кресло, все еще сжимая в руке его подарок.

—Почему у тебя зима?

—Потому что время зимы, — ответил он. —Кажется, тебе об этом очень живописно рассказывал твой приятель Хаос. Высокий мир вступил в зиму, и зима—всего лишь естественное продолжение ее жизни, которая стремится к завершению.

—Но за твоим маленьким островом я чувствую пустоту. Там—пылающая ночь, ткань мира, из которой создано все.

Это не вечность. И даже не Счастливый или Благословенный мир. Это черная бездна, в которой никто не может жить. А ты живешь.

Он ничего не ответил.

—Кто ты такой? —спросила я.

—Мастер иллюзий.

—Я была знакома с одним мастером иллюзий, —отозвалась я задумчиво. —Он создавал иллюзорные миры, в которые помещал живых существ. Он плохо кончил. Статуей в саду Хаоса.

—Я мастер других иллюзий, —отвечал он.

Потянувшись, Мастер помешал железным прутом угли в камине. Огонь вспыхнул и загорелся ярче. Откинувшись на спинку кресла, Мастер закрыл глаза и продолжил:

—Он создавал иллюзию жизни, а я —иллюзию смерти.

—Не понимаю.

—Представь себе человека, который бежит по тропинке. Он совершенно уверен, что впереди у него долгая счастливая дорога. Он не видит обрыва, в который упадет через несколько мгновений. Для него это будет неожиданно, —и, да, болезненно—но это будет длиться всего мгновение. Он не знает, когда встретит смерть—и хорошо, что не знает. Как бы он себя чувствовал, если бы понимал, что ему жить осталось всего несколько шагов? И что ему все равно придется их сделать, упасть? Заблуждение по поводу своего будущего— самое лучшее, что я могу ему дать.

—Только люди?

—Нет, не только. Города и страны. Вселенные и вечность. Вечноживущие существа. Все живое, которое идет навстречу смерти.

—Зачем ты это делаешь? —спросила я с горечью. —Что ты дал мне?

—Твое время, —ответил он. —Разверни.

Я развернула маленький кусочек пластинки, похожий на фольгу, и прочитала срок, который мне отпущен. Время, которого не осталось.

—Теперь ты знаешь, —сказал он с болью.

Я встала с кресла и опустилась на колени напротив него. Он сидел, опустив голову. Высокий лоб бороздила продольная морщина. Такие же морщины спускались по щекам, исчезая с в складках губ.

—Мой бедный продавец призрачного счастья, —сказала я, глотая слезы. —Жизни, которой не существует. Ты отбираешь у других боль и страх от встречи со смертью. Это называют состраданием.

Метель выла в темной пустоте.

Горел камин.

Пахло смолой и полынью.

Часть 3. Мастер стихий

—Надо ковать железо пока горячо, —пробурчал голос, и меня кто-то выдернул из моей реальности.

Я висела в крошечной темноте. Рядом со мной плавал мой недавний знакомый.

—Ты Мастер стихий.

—Зови меня Колиан, —отозвался он и, вцепившись в мою руку, поволок меня по пустоте, которая то и дело вспыхивала ярко-красными молниями.

—Зачем ты меня утащил? —спросила я.—У меня полно дел дома. Я не привыкла так с бухты барахты...

—Ничего с тобой не случится, —ответил он спокойно, продолжая идти вперед, в сгущающуюся мглу. Теперь вокруг нас грохотал гром, носились черные вихри. Меня трясло из стороны в сторону, и если бы он не держал меня за руку, то давно бы унесло неизвестно куда. —Посмотришь, как я живу. Мы уже пришли.

Без всякого перехода бешеные танцы неба прекратились. Мы очутились в огромном светлом здании со множеством лестниц, коридоров, переходов и залов, которые тянулись во все стороны и даже вверх. Это напоминало многоэтажное офисное помещение, только без стен и потока—все залы и площадки словно висели в золотистом дрожащем мареве.

—Как-то так, —усмехнулся Мастер, наслаждаясь моим

удивлением.

По странному залу носились как угорелые существа—вероятно, его служащие. Они были разные по виду, от человека до богомола, но все в одинаковых светлых просторных комбинезонах.

—Чем ты тут занимаешься?

—Экспериментами со стихиями, —отвечал он, блестя глазами. —существует семь стихий.

—Первородных восемь.

— Я говорю о стихиях нижнего, физического мира, а не высокого. Первородные стихии никому не подчиняются. Они подвластны только творцу. Материальных стихий семь —вода, огонь, воздух, камень, разум, чувство и нежность.

—Нежность?

—Да, нежность. Я работаю с первыми четырьмя. Потому что мое дело—разрушение, а не созидание. С остальными четырьмя работает другой мастер. —Он помолчал. — Это стихии никогда не подвластны одному живому существу. Как правило, одна, две—это предел. Я пытаюсь создать живое существо, которое бы соединяло в себе несколько стихий. —Он покосился на меня. —Ты не могла бы постоять в пылающей ночи? Мне бы хотелось это увидеть.

—Зачем тебе?

—Никто из нас не может жить там.

Он схватил меня за руку и потащил по лестницам и переходам вверх, легко перескакивая с одной лестницы на дру-

гую и лавируя между снующими по ним озабоченными существами. Одни несли свитки, колбы, ткани, какие-то приборы, другие, собравшись в небольшие группки, о чем-то ожесточенно спорили, рисуя в воздухе огненные символы и формулы. Наконец, мастер отпустил мою руку.

Мы находились в маленьком круглом помещении, венчающем громадный дом. Сквозь прозрачные стены из какого-то упругого материала в комнату заглядывала пылающая ночь. Мастер замер у стены и долго молча смотрел в то, что не имело ни начала, ни конца. Затем резко повернулся и посмотрел на меня выжидательно.

Пожав плечами, я прошла сквозь невидимую стену...

Я люблю ЕЕ. Ту, кого называют Пустотой, тканью мира, пылающей ночью, орывной или Вечным морем.

Она может быть какой угодно. Для каждого разной. Но от этого суть не меняется.

Мягкие объятия и теплое неслышное приветствие—и я упала в черные вихри, совершенно счастливая и свободная от всего. Я вспыхнула, словно сверхновая—но здесь ведь это никому не могло помешать. Я чувствовала, как потоки света разливаются от меня волнами, вздохнула—и взорвалась. Когда я очнулась и подняла глаза, то увидела, как в пустоте плавает высокая башня из хрусталя, залитая ярким желтым светом, и в ней мечутся словно муравьи, маленькие фигурки. Вздохнув, я вернусь обратно.

—Мне бы следовало что-то сказать, —едва выговорил

Мастер. —Но у меня не хватает слов. Тебя вообще кто-нибудь собирается учить, как контролировать силу?

—Кажется, драконы собирались, —ответила я виновато.

—Драконы? —Он посмотрел на меня задумчиво. —Разумеется. Ведь они владеют двумя стихиями—воздуха и огня. Может быть, они хоть чему-то тебя научат.

Наш разговор прервался самым неожиданным образом—в комнату влетел невысокий юноша с растрепанными светлыми волосами и бегающими глазами.

—Мастер! —проговорил он задыхаясь. —Он проснулся!

—О, нет! —застонал Колиан и схватился за голову.

Потом уставился на меня, словно ему в голову пришла какая-то мысль.

—Пойдем-ка со мной, —произнес он тоном, не терпящим возражений, и, сжав мою ладонь железными пальцами, поволок вниз. Мы спустились примерно до половины башни. Потом куда-то свернули, еще спустились и снова свернули. Свет стал не таким ярким, более мягким, потом сменился зимними сумерками. Наконец, Колиан открыл единственную в башне дверь и ввел меня в небольшое, изолированное от остальных залов, помещение. Оно напоминало трехкомнатную квартиру даже планировкой. Повсюду были заметны следы живого присутствия—ковры на полу, картины на стенах, какие-то игрушечные паровозики, конструкторы вперемишку с зелеными деревьями в кадках. На большом деревянном столе я заметила несколько книг горбом, большую чаш-

ку с недопитым ярко-красным напитком и маленькое зеркало в серебряной оправе.

—Как ты мог! —воскликнул с надрывом тонкий высокий голос. —Ты его чуть не угробил! Убийца! Ему здесь мало света!

Что-то грохнуло и упало, и из смежной комнаты вывалился невысокий потный человечек с растрепанными волосами и испуганными глазами. Следом за ним, грациозно ступая, показался небольшой серебристо-зеленый дракон. На длинной, изящно выгнутой, шее очень ловко сидела продолговатая голова с ярко-синими глазами. Большие серебряные крылья, сложенные за спиной, сейчас нервно подрагивали, а передние лапы, похожие на человеческие руки, были сложены на животе. На голове у дракона стоял горшок с нежным розовым цветком.

—Колиан! —заговорил дракон мягким тенором, заламывая передние лапы, словно актер в греческой трагедии. —Он едва не угробил мой цветок! Он поставил его в темный угол, где совсем нет света! Ах!

Дракон упал на задние лапы и заплакал.

Потрясенная до глубины души, я поочередно переводила взгляд с Колиана на дракона. На Мастера стихий больно было смотреть. Переминаясь с ноги на ногу, он наконец, заговорил:

—Прошу тебя, Элиас, успокойся. Не расстраивайся так. С цветком же все в порядке.

—А если бы он умер?!—закричал дракон высоким тонким голосом, но его слышали, вероятно, все жители странной башни. —Я заснул всего только на мгновение. И что я вижу, когда просыпаюсь? Мои вещи в беспорядке, книги разбросаны. Пятно на моей любимой рубашке! И мой цветок...!

—О, нет, —Колиан схватился за голову.

Неожиданно дракон заметил меня и замолчал. Я ощутила заметное давление, словно кто-то настойчиво и властно сканирует меня. И это было удивительным, потому что драконы не умеют проникать в суть. Они умные, сильные и прекрасные существа, но их стихии—огонь и воздух. Они скорее воины, хранители, чем ученые и мыслители.

—Ты делаешь мне больно, —сказала я, когда давление стало невыносимым.

—Ах, прости, —ответил дракон. —Ты такая забавная. Я не хотел тебе навредить. Просто я немного расстроен. Кажется, у меня разболелась голова! Где мой напиток?! Где мое лекарство?!

Он забегал по комнате, роняя вещи, наконец, обнаружил чашку на столе и сделал из нее несколько глотков.

—Познакомься, это Элиас, — пробормотал Колиан, растирая виски. —Мое творение. Он дракон, но соединяет в себе помимо стихий воздуха и огня еще стихии ума и чувств. Потому он очень любознателен и очень раним.

Между тем Элиас развил бурную деятельность. Осторожно сняв с головы цветок, он оббежал все помещение, пока на-

шел ему новое место. Потом схватил светло-голубую рубашку. Надел ее. Потом снял и долго рассматривал маленькое пятнышко на рукаве. Вздохнув, он бросил рубашку слуге, который стоял в дверях, подбежал к большому шкафу и стал рыться в нем. Из шкафа полетели разные тряпки, наконец, появился Элиас в ярко-голубой рубашке с желтыми драконами. Облегченно вздохнув, он, вероятно, почувствовал себя более уверенно, когда оделся, и снова уставил на меня живые синие глаза.

Он казался ребенком, нежным ранимым ребенком, веселым и любознательным. Осторожно подбираясь, он приблизился ко мне настолько, что я могла рассмотреть, как серебрятся мелкие чешуйки на его коже.

—Я—Элиас. —Он церемонно поклонился. —А как тебя зовут?

Я сказала.

—А где ты живешь? —спросил он. —В Счастливом мире?

—Не только. Еще в Городе Синих облаков. И на Земле.

—Городе Синих облаков? —Синие глаза вспыхнули. —

Ах! Невероятно! А библиотека у тебя есть?

—Да, очень большая.

—А в Счастливом мире? Говорят, там у тебя огромная библиотека!

—Громадная. Как целый город.

—Ах! —Он заломил руки. —Как бы мне хотелось увидеть все это! Мне хочется прочитать все книги на свете! Но у Ко-

лиана совсем крошечная библиотека. Он не признает книг.

—Зачем мне нужны книги, Элиас? —вздыхнул Мастер стихий. — Я и без книг все знаю.

—Конечно! —заметил Элиас ехидно. —Знаешь! Почему тогда у меня синие глаза? Ни одного дракона нет синих глаз!

—У предводителя драконов прекрасные синие глаза, —отозвалась я, с улыбкой наблюдая за мучениями Колиана, который с трудом выдерживал экспрессию и эмоции своего подопечного. —Он ослепительно белый. И очень красивый. Если ты хочешь, я тебя познакомлю с ним.

—Меня?!—подпрыгнул Элиас и восхищенно уставился на меня. —Правда?! С предводителем драконов?! И я смогу увидеть других драконов и поговорить с ними?! И библиотеку в Городе Синих облаков?

—Конечно. Она находится в Башне золотой розы, —ответила я —Стив, мой учитель, тоже очень любит читать. Тебе он понравится.

—Тогда побегу собираться, —заволновался Элиас, покрываясь ярко-розовыми пятнами от волнения.

Он рванулся прочь, и мы услышали, как он в другой комнате загрохотал коробками. Потом что-то упало и разбилось, раздалось горестное восклицание, но на удивление все быстро стихло.

—Элиасу не место у тебя, —сказала я, с улыбкой глядя на счастливые глаза Колиана. —Я его забираю. Будет жить в Городе Синих облаков. Там за ним присмотрят.

Служитель радостно взвизгнул и метнулся помогать Элиасу собираться.

—Ну, если ты так считаешь, —облегченно вздохнул Колиан.

Из соседней комнаты послышался грохот, и мы увидели Элиаса. На голове у него стоял розовый цветок, на шее висело ожерелье из больших белых жемчужин. В передних лапах он держал около десятка баулов и чемоданов разного размера. Бросив их на пол, он повернулся и выволок из комнаты еще два больших ящика.

—Я готов! —заявил он гордо.

Колин судорожно сглотнул, боясь смотреть на меня. Но я молча открыла проход и побросала туда все сумки. Следом за сумками проследовали мы с Элиасом под радостные вопли служителей.

Нас встретила тишина широких светлых коридоров Башни золотой розы. Оставив баулы, мы пошли на шум и запах— Борис готовил на кухне сырники, что-то озабоченно бурча.

—Ах, неужели вы положили корицу?!—воскликнул восхищенно Элиас, и Борис выронил лопатку. —Невероятно! Это должно быть изумительно! Такое необыкновенное сочетание запахов!

—Я тоже так считаю, —пробурчал Борис довольно, косясь на счастливую драконью морду.

—Я бы хотел научиться готовить, —вздохнул Элиас. —Может быть, когда у вас будет свободная минутка, вы смогли

бы дать мне несколько уроков.

—Кончено, парень, —улыбнулся Борис. —Только ты великоват для моей кухни.

—Это вообще не проблема! —отозвался Элиас и превратился в невысокого светловолосого паренька лет пятнадцати.

—Это другое дело, —обрадовался Борис, совершенно очарованный ласковыми синими глазами. —Садись поешь.

—Ах! —завздыхал Элиас, уминая сырники. —Какой вкус! Какой запах! Вы настоящий волшебник. Колиан меня морил голодом, скармливая какую-то несъедобную гадость.

—Бедняга! —вздохнул Борис, капитулируя перед очарованием Элиаса.

—А где Стив? —спросила я, так и не дождавшись сырников.

—Где ж ему быть? В библиотеке, —ответил Борис.

—В библиотеке? —Элиас задрожал и выронил вилку. —Простите, я на минуточку. —И рванулся к выходу.

—Он обожает читать, —пробормотала я, устремляясь на восхищенный визг.

Когда мы с Борисом вбежали в библиотеку, то увидели Элиаса, который лежал на полу. Перед ним была раскрыта огромная, раза в три больше его, старинная книга в тяжелой металлической обложке.

—История драконов! —шептал он зачаровано, едва касаясь дрожащими пальцами страниц. —Первое издание! Невероятно!

Показавшийся из-за стеллажей Стив, нахмурившись, бросился к нарушителю спокойствия, утачившему его драгоценную книгу. Через минуту они уже лежали рядом, восхищенно переговариваясь, и совершенно одинаково бережно касались пожелтевших страниц.

—Кажется, крепость пала, —зашептал мне Борис, и мы тихо вышли из библиотеки.

Они появились на кухне, когда я уже доедала свои сырники.

—Ты хотел познакомиться с Ораном, —обратилась я к Элиасу. —Пойдем, я проведу тебя. Но жить ты будешь здесь. Драконы очень суровы. Тебе нужно многому научиться, изучить обычаи города, его законы, познакомиться с его жителями. Если Оран разрешит, тебе подберут учителя -дракона.

—Мне? —Элиас покрылся пятнами. —Правда? Учителя? А можно?

—Идите уже, —пробурчал Антон, ласково глядя Элиаса по макушке. —Я разберу вещи и подыщу Элиасу комнату. Может, подземелье?

—Нет, не надо. —Я покачала головой. —Он любит свет.

—Мой цветок! —взвился Элиас. —Мне нужно взять с собой мой цветок!

—Но, послушай, —начала я, —драконы не выращивают цветы...

Но он меня не слушал. Скоро мы уже шагали по улицам Города Синих облаков, привлекая внимание жителей. Эли-

ас, в драконьей ипостаси, с цветком на голове, в голубой рубашке, торжественный и нахмуренный, вызывал у них смешанное чувство страха и недоумения.

Первым, кого мы встретили, был мой учитель.

—Ты не пришла сегодня, — пробурчал он сердито, когда я прижалась к горячей груди.

—Прости, прости, — зашептала я и подтолкнула Элиаса. —Вот, познакомься, это Элиас. Его создал Мастер стихий. Он соединяет в себе кроме стихий воздуха и огня еще стихии разума и чувства.

Старейший драконов выронил книгу и очки, и в изумлении уставился на Элиаса. Но тот ничего не видел, кроме книги на столе. Подпрыгивая на хвосте, он восторженно завопил:

—Древняя история Счастливого мира! Поверить на могу!

—Он всегда такой, — пожалала я плечами. —Очень ранимый и эмоциональный.

Я повернулась к появившемуся на крики огромному дракону и попросила его передать Орану, что хочу представить ему одного гостя.

—Я, пожалуй, пойду с вами, — сказал учитель, не отводя глаз от Элиаса, и его интерес сказал мне больше слов.

Мы двинулись по темным переходам подземелья и скоро уже стояли в большом светлом зале, в центре которого на возвышении царственно восседал Оран.

—Государь, — сказал мой учитель. —Этот юный дра-

кон—создание Мастера стихий—соединяет в себе помимо привычных для нас стихий огня и воздуха стихии разума и эмоций.

—Подойди, — пророкотал Оран, и Элиас робко приблизился к возвышению. —Покажи, что ты можешь.

Элиас посмотрел на дальнюю стену—и та с грохотом упала. Драконы возбужденно зашумели.

—Неплохо, —отозвался Оран. Потом неожиданно спросил странным изменившимся голосом. —Этот розовый цветок у тебя на голове... Неужели? Этого не может быть!

—Это драконий цветок, Государь, —ответил Элиас, осторожно снимая цветок с головы и ставя его у престола.

—Драконий цветок! —По залу пронесся шепот удивления и восхищения. —Невероятно!

—Что ты хочешь, мальчик, за этот цветок? —спросил Оран.

—Это подарок, —ответил Элиас.

—Я бы хотел обучать этого дракона, Государь, —отозвался мой учитель. —И изучить его способности.

—Хорошо, —ответил Оран.

—Но ему пока лучше остаться жить в Башне золотой розы, —отозвалась я. —Так всем будет спокойнее. За ним там присмотрят.

Часть 4. Мастер эмоций

Белый кролик прыгал на большом коричневом чемодане, но тот никак не хотел закрываться.

—Все равно закрою, закро-о-о-ю...

Голос срывался, уши болтались в разные стороны, пух стоял дыбом, отчего кролик стал похож на пушистый белый шар. Но щель оставалась приличная. Из нее торчал коричневый мех.

—Билет только один! —заголосил кролик. —Понимаешь? Только один, а поехать хочется всем!

—Ну все, довольно, —прорычал чемодан.

Крышка отскочила, и из чемодана вывалились большой бурый медведь, скунс, ехидна, удав и бобр с одним зубом.

—Почему я должен ехать в чемодане, если я самый большой?!—завопил медведь, трясая зайца за грудки. —Ты маленький! Вот и полезай!

—У мен клаустрофобия, —зарыдал кролик, ловко выворачиваясь из железных лап медведя.

Потрясенная, я молчала, размышляя, как они вообще поместились в чемодане. Он валялся с откинутой крышкой на белом песке у тихого синего моря. Утро было чудесным, ясным и безветренным. На горизонте поднимались белые облака.

Между тем компания, столпившаяся над разломанным

средством передвижения, печалилась недолго. Схватив удава, медведь стал надувать его, смешно раздувая щеки. Когда удав превратился в некое подобие длинного плота, компания стала вскарабкиваться на него. Кролик тут же поскользнулся и упал за борт. Его вытащили, выкрутили и повесили вместо паруса сушиться на высоком деревянном шесте, который бобер выудил из воды. Веселая компания отчалила от берега и скоро скрылась из виду.

—Ну мы-то не поплывем, — сказал весело тихий голос у меня за спиной.

—Мне следовало догадаться, что это ты, — пробормотала я.

Хаос с белом летнем костюме, широкополой шляпе, белых ботинках и молочно-белой рубашке, чистый и сияющий, словно его только что вынули из конфетной коробки, улыбаясь наблюдал, как импрессионистский плот рывками движется в сторону белой точки на горизонте.

—Почему ты здесь? — спросила я.

—А почему нет, — прищурившись, на меня уставились ласковые глаза из-под пушистых ресниц. — В кои веки выдался у тебя свободный день. Никто за тобой не присматривает. Почему бы нам не провести его вместе?

—Темный правитель тебе голову оторвет.

—Ну, это когда еще будет. Давай руку.

Он крепко сжал мои пальцы—и мы перенеслись. Нам повезло больше, чем кроличьему плоту—красивый белый ост-

ров, как на картинке, плавал в ослепительно синем море. Белый песок, высокие пальмы, пустынный пляж—мечта любого отдыхающего.

—Как вы относитесь к кокосовому молоку, дитя мое? — спросил кто-то сверху.

Подняв голову, я увидела сидящего на кокосовой пальме темноволосого мужчину в белых брюках, белом жилете со множеством карманов и белой тенниске.

—Не знаю, — ответила я. — Я никогда его не пробовала.

Рядом с нами упало несколько кокосов, следом за ними нам на голову свалился и сам мужчина. Он был высоким, загорелым, с яркими зелеными глазами и широкой белозубой улыбкой.

—Эту несправедливость нужно немедленно исправить, — заявил он.

Проделав в кокосе дырочку металлическим стержнем, который он извлек из своих бездонных карманов, мужчина вставил в отверстие трубочку и протянул мне.

—Потом можно будет разрубить кокос и попробовать мякоть, — продолжил он, предлагая нам места в шезлонгах под пальмой.

Получив свой кокос, Хаос устроился рядом со мной. Мужчина не торопился садился, вглядываясь вдвигающиеся на границе видимости темные фигуры.

—Твои негодяи разошлись не на шутку, — обратился он к Хаосу. — Бобер сгрыз ствол пальмы, и она упала. Ехидно

укусила коалу. Скунс выпустил вонючее облако. А кролик— вот, полюбуйся.

В нашу сторону с оглушительным визгом неся кролик, который держал в лапах кокс и ярко-желтую ямайку. За ним гигантскими прыжками неся кенгуру. Оббежав вокруг нас несколько раз, кролик рванул вдоль берега, вопя как ненормальный. Кенгуру, разбрасывая песок, запрыгал следом.

—Они мне весь остров разнесут, —вздыхнул хозяин. Потом повернулся к Хаосу. —Михаэль, может быть, ты, наконец, представишь меня нашей гостье?

—Познакомься, милая, —пробормотал Хаос, наблюдая как мимо нас медведь с бобром волокли огромное бревно. —Это Мастер эмоций.

—Не всех, дитя мое, не всех, —отозвался белозубый хозяин, —только светлых. —Моя забота—радость и счастье. И все, что с ними связано. Так что, меня можно назвать Мастером светлых эмоций. У темных моций свой мастер.

—И любовь?

—Нет, дитя. У любви тоже свой мастер.

—Я не совсем понимаю, как это происходит. Мне казалось, человек сам испытывает эмоции, сообразно обстоятельствам, в которых оказался.

Мастер покачал головой.

—Это не эмпирический процесс, если ты об этом. Эмоции не отдаются человеком, а только берутся им из окружающей среды. Это словно срабатывает переключатель. Поступ-

ку или событию соответствует определенная эмоция. И она включается, когда необходимо. Мы разливаем их равномерно в высоком мире, чтобы каждый живущим смог взять то, что ему необходимо.

—Но ведь случается, что человек...живое существо ничего не чувствует.

—Разумеется. Оно либо на пути к умиранию, либо давно уже мертво, поэтому не в состоянии почувствовать, уловить эмоцию, которая включилась. Словно сломанный приемник.

Между тем веселая компания на берегу взялась за дело. Бобер обгрыз все ненужные ветки со ствола и его торжественно спустил на воду под песни, которые кролик распевал в обнимку с кенгуру. На кролике была попугайская ямайка, на медведе —ожерелье из белых цветов.

—Я не могу сделать вас счастливой, дитя мое. —вздыхнул мастер, вглядываясь в меня добрыми сияющими глазами. — Мир, в котором вы живете, ваше окружение... Они мало располагают к радости. Но вы всегда можете извлечь немного света из окружающего мира—только протяните руку.

—Нам пора, —сказал Хаос, наблюдая как развеселая компания грузится на бревно.

Прицепив удава вместо древка, на него закрепили ямайку, которую отобрали у кролика, ухитрившегося снова свалиться в воду, компания отплыла от берега под аккомпанемент рыданий кенгуру.

—Пропал остров, —вздыхнул Мастер эмоций. —Придет-

ся строить новый.

Часть 5. Весь мир у ног твоих

Белая дорога вилась среди высоких старых деревьев. Лес подходил к самой обочине, постепенно отбирая у дороги пространство для маневра. Еще немного — и она растворится в его густой тени, зарастет травой, станет частью леса.

Я сидела, прислонившись спиной к огромному стволу, и бездумно смотрела, как в просвете, куда стремилась дорога, на горизонте горит багровая полоска. Солнце вставало темным, словно налитым кровью. Лес еще спал, молчали птицы, только где-то высоко лениво шумел ветер в кронах. Мне не хотелось никуда идти. Вообще ничего не хотелось.

Я почему-то даже не удивилась, когда надо мной склонилось выбеленное краской лицо.

Клоун был стар, я поняла это даже сквозь грим. Рыжие волосы не были париком, но вполне могли сойти за него. Большие темные глаза цвета чайного дерева, теплые и жалостливые, смутили меня больше, чем клоунский образ.

— Не пугайтесь, дитя мое, — сказал он мягко. — Мой наряд — это всего лишь дань профессии

— В последнее время я не очень жалую клоунов, — попыталась оправдаться я.

— Так-то черных, — ответил он. — А я рыжий. Мы, видите ли, путешествуем, и остановились немного передохнуть.

Он кивнул в сторону леса, где на поляне стояла большая

крытая повозка, матерчатый верх которой был расписан разноцветными шарами и цветами. Из нее выбирались большой заяц, белый медведь, еще один клоун и рыжий кот исполинских размеров. Оглобли повозки были пусты.

—А как она передвигается? — спросила я, немного оттаявая. —В нее ведь никто не впряжен. Неужели вы сами...?

—О, нет, —улыбнулся клоун. —Мы отпустили везущих нас немного погулять по лесу. Им нужно отдохнуть и выпустить пар. —Он посмотрел на багровое солнце и добавил странным тоном. —И лучше им не мешать в это время.

Разношерстная команда клоуна между тем, закончив разминаться, развила бурную деятельность. Из недр повозки достали прозрачную серебристую ткань и стали натягивать небольшой тент. Под ним появился маленький изящный столик на гнутых ножках, такие же стулья и белая скатерть.

Из леса послышался дробный топот, и я почему-то содрогнулась.

—Не желаете присоединиться к нам? —спросил клоун и подставил мне свой локоть.

Я молча встала, и мы углубились в лес.

—Вот, не желаете ли полюбоваться, —продолжал клоун, останавливаясь перед тройкой полупрозрачных, словно сотканых из дымки, лошадей, которые нетерпеливо ржали, скидывая стройные шеи и сверкая ярко-красными горящими глазами.

Первый конь был ярко-алым, словно текучий огонь.

—Это желание, жгучая жажда, которая возникает от привязанности к живому существу, — сказал клоун. — Она ненасытна и неутомима. Ее ничем невозможно погасить.

Второй конь был цвета пепла, с горящей гривой.

—Это ревность, — продолжал клоун. — Постоянно желание знать и контролировать. Стремление привязать к себе, не выпускать ни на мгновение.

Третий конь напоминал белый туман, густой и удушающий.

—Это ненависть, — пояснил клоун. — Холодная и всепоглощающая.

Он неторопливо стер краску с лица, и я увидела уставшего мужчину под шестьдесят, с мелкими морщинками у глаз и в уголках красивых губ, и властным подбородком. Сменив клоунский наряд на свободный светлый костюм и белую тенниску, он стал похож на английского аристократа на отдыхе.

—Теперь, дитя мое, соедините эти три чувства вместе, — продолжал он. — Что вы получите?

—Любовь, — ответила я, — но какую-то странную.

—Больную, — отозвался он. — Больную любовь. Я как раз ее мастер. Прошу вас.

Оставив коней в руках высокого мужчины в белой накидке, в которого превратился белый медведь, мы направились к серебряному тенту. Мастер пододвинул мне стул и сам устроился рядом.

—Вы Мастер больной любви?

—Просто Мастер любви, —ответил за Мастера знакомый голос.

Повернув голову, я увидела сияющие глаза Хаоса.

—Но в данный момент я занимаюсь именно этой ее новизной, —отозвался мастер любви и добавил: —Рад приветствовать тебя, Михаэль.

—Ты бледна, дитя мое, —ответил Михаэль, приветливо улыбнувшись хозяину и устраиваясь на свободный стул рядом со мной.

—Разумеется, она бледна, —ответил мастер любви несколько раздраженно. —Ей просто необходимо отдохнуть спокойно, в одиночестве, чтобы ее никто не тревожил.

—Уверяю тебя, друг мой, я меньше всего собираюсь тревожить или огорчать ее, —ответил Хаос мягко, касаясь губами моей руки.

Тем временем заяц превратился в молодую красивую девушку в длинном белом льняном платье, которая поставила на столик фрукты и десерт. Клоун из повозки обернулся молодым мужчиной в белом сюртуке с салфеткой и серебряным подносом. С ловкостью фокусника он поставил перед нами высокие бокалы из тонкого хрусталя с золотистым напитком. Совершив это действие с сосредоточенным торжественным лицом, он замер за нашими спинами, как и девушка.

Пока я отвлеклась на спутников Мастера, перед нами успели поставить маленький помост, на котором из воздуха

соткались две тряпичные куклы. Я не увидела кукольника, и подумала, что в таком мире как этот, кукольник, вероятно, сидит рядом со мной. Одна куколка изображала женскую фигурку с двумя золотистыми косами, в серой длинной юбке и белой кофте, вторая — мужчину в черных брюках с подтяжками и клетчатой рубашке, с паклей рыжих волос на голове.

—Я так люблю тебя! —прокричала рыжая кукла противным высоким голосом. —Никто никогда никого так не любил, как я тебя! Я готов бросить к твоим ногам весь мир!

Выудив неизвестно откуда стеклянный шар, внутри которого переливались океаны и континенты, рыжий с размаху бросил его к ногам девушки. Шар ударился о дощаной помост—и с треском раскололся на мелкие кусочки. Кукла девушки вскрикнула и всплеснула руками.

—Ой! —закричало рыжее недоразумение. —Я сейчас все исправлю!

Он склонился над шаром и стал склеивать его. То ли он слишком торопился, то ли по какой-то другой причине, но шар получился не круглым, а каким-то кривым—континенты не совпадали, океаны и моря были не на своих местах

Патетично заломив руки, рыжий снова бросил шар к ногам девушки. Шар раскололся со страшным треском на еще более мелкие кусочки. Девушка закрыла лицо руками.

Мужчина взревел. Его лицо потемнело, рыжий парик стал черным. Он склонился над шаром и стал быстро склеивать

его. То, что получилось в результате, оказалось стеклянным шаром, наполненным темнотой. Выпрямившись, черный клоун бросил шар под ноги девушки. Шар раскололся с грохотом, и него повалил черный дым. Девушка стала задыхаться и кашлять. Черный клоун подхватил ее на руки и торжествующе завопил:

—Моя! —

Я едва не выронила свой бокал и посмотрела с горечью в глаза мастера.

—Когда женщина нежна, чиста и сострадательна, — сказал он, глядя на замерших на помосте кукол. — Не может резко ответить своему поклоннику, жалеет его чувства и страдает его боли, мужчина воспринимает это как кокетство, желание поиграть. Он не может даже допустить мысли, что не нравится девушке. Для него это всего лишь женские уловки. Он совершенно уверен, что она любит его. Ее слабость оборачивается против нее.

—Разве все мужчины таковы? — просила я глухо, вглядываясь в искаженное лицо черного клоуна на помосте.

—Те, кто холоден и горд, — отвечал он с печалью. — Кто знает только свои желания и всегда уверен в своей правоте.

—Может быть, девушке стоило уйти, — продолжала я. — Не говорить с ним, не отвечать ему.

—Дело не девушке, а в мужчине, — отвечал он. — Что может сделать чистая нежная девушка? За ее нежностью скрыт железный стрежень. Несгибаемая воля. Она не уступила, но

разве это удержало его? —Он помолчал. —Рано или поздно такой мужчина превращается в черного клоуна.

Я молча поставила бокал на столик, встала и пошла в сторону леса. Хаос рванулся за мной.

—Оставь ее, Михаэль, —раздался сзади меня тихий голос. —Дай ей уйти. Неужели ты не понимаешь, что губишь себя? Разве ты не видишь, чем это может закончиться?

—А если ты опоздал? —спросил Хаос с болью.

Часть 6. Лунная соната

—Вот незадача, —пробурчал голос.

Кто-то споткнулся в темноте. Я видела только обширный зад, обтянутый красными брюками с подтяжками. Человек пошевелился, собирая себя, словно змея, выгнул спину и неторопливо поднялся.

В сантиметре от моего лица мелькнуло бледное, словно маска, лицо, лохматые рыжие волосы, и я с содроганием подумала, что это клоун. Но я ошибалась. Мужчина несколько секунд внимательно смотрел на меня немигающими бесцветными глазами, которые светились в темноте, потом лицо исчезло—он вернулся к своему занятию, а именно, снова споткнулся и упал на какой-то предмет.

—Неужели?

Он толкнул ледащего на животе человека носком ботинка, но тот не пошевелился.

—Ты что, убил его? —спросила я, рассматривая неподвижную фигуру второго мужчины, который лежал на песке.

Из темноты выплыл какой-то большой сарай или ангар, совершенно пустой, без признаков жизни.

—Похоже на то, —пробурчал рыжий преступник.

Сложив руки на груди, он некоторое время рассматривал тело, потом заметил:

—Придется тащить.

—Куда тащить? —спросила я.

—К морю, —ответил он. —Утопим.

Больше не раздумывая, он ухватил лежащего за ногу и поволок его к выходу, отдуваясь и пыхтя. Я последовала за ним.

Снаружи дул пронизывающий холодный ветер. Темное небо покрывали низкие синие тучи. Стоял тот час перед рассветом, когда тени темнее и гуще чем ночью, и отчего-то охватывает тоска, что утро никогда не наступит.

Пока я вдыхала свежий воздух, рыжий протащил тело по песку к качающейся у берега лодки и с трудом перебросил его внутрь. Потом поднял голову и посмотрел на меня.

—Иди сюда, —сказал он, вытирая пот со лба.

Он выглядел как человек после хорошей потасовки. Под левым глазом уже явственно просматривался огромный синяк. Белая рубашка во многих местах была порвана, как и брюки.

Ни о чем не спрашивая, я села на носу лодки. Мужчина пристроился между лежащим на дне телом и мною, схватился за весла и медленно погреб к горизонту.

—Ты теперь соучастница, —сказал он. —Кажется, так говорят в вашем мире. На всю жизнь не посадят, но крови попортят за укрывательство.

—Может, на надо его топить? —спросила я несмело. —Мне кажется, он шевелится.

—Ты пошевелился? —спроси рыжий тело, и оно, застав, ответило:

—Ты мне ногу отдал.

Рыжий вздохнул.

—Прости, —сказал он и помог мужчине подняться.

Труп отряхнулся и радостно уставился на меня яркими как молодые изумруды глазами. Он был высок и худ, в черном добротном костюме, который сейчас выглядел довольно плачевно. Темные короткие волосы торчали во все стороны, и под правым глазом темнел синяк.

Я посмотрела на них с печалью и отвернулась, глядя на темную воду.

—Она совсем разучилась смеяться, —вздохнул голос, похожий на голос рыжего.

Его приятель только тяжело вздохнул.

Так мы некоторое время молча плыли, пока я не почувствовала толчок—лодка уткнулась в берег. Мне помогли выбраться, и мы довольно бодро зашагали вглубь темного острова.

—Это ты, Боб? —спросил ниоткуда тихий ясный голос.

—Да, —ответил рыжий—и мир вокруг резко изменился.

Мы стояли в начале широкой аллеи, усаженной молодыми деревьями с ярко-зелеными очень крупными листьями. За деревьями, поднимался большой белый дом. Голубое небо без единого облачка, теплый воздух, запахи воды и цветов—этот мир встречал нас теплом и уютом. И тишиной.

Двери дома отворились, и нам навстречу, радостно улыбаясь, выскочил невысокий коренастый мужчина лет пяти-

десяти по виду, немного полноватый, добродушный и приятный. Костюм из светло-коричневого льна топорщился на животе и был немного тесен ему. Сохраняя на лице приветливое выражение, он обнялся с моими спутниками, которые резко изменились. Вместо рыжего здоровяка на меня, ласково сияя глазами, смотрел маленький тщедушный мужчина лет шестидесяти. Его приятель превратился в высокого стройного мужчину с суровым застывшим холеным лицом. Черные блестящие волосы падали волнами на широкую спину, могучие бицепсы обтягивала шелковая черная рубашка. Он был не молод, но очень красив.

—Пойдемте в дом, дитя мое, —сказал хозяин, когда мы поздоровались.

—Может, лучше останемся на воздухе? —спросила я.

—Тема нашего разговора слишком серьезная, чтобы вести ее снаружи, —ответил он, покачав головой, и пригласил меня войти.

Остальные последовали за нами.

В доме плавал легкий полумрак. Мы прошли несколько комнат, убранных без особой роскоши, но со вкусом, который приобретают только очень богатые люди, и то через несколько поколений, и остановились в небольшой гостиной с панорамным окном, тяжелыми белыми шторами и белым роялем в центре. Я подумала, что здесь любят устраивать музыкальные вечера—рядом с роялем в несколько рядов стояли высокие стулья с белой шелковой оббивкой, затканной

вышитыми цветами.

Усадив меня в первом ряду, хозяин остановился напротив. Остальные двое сели по обе стороны от меня.

—Позвольте отрекомендоваться, дитя мое. —сказал хозяин. —Этот рыжий джентльмен. —Он указал не невысокого старика. —Мастер любви. Вы с ним уже знакомы. Ваш сосед справа. —Он указал на черноволосого хмурого мужчину. —Мастер темных эмоций. Но, судя по всему, на вас не произвело впечатление то небольшое представление, которое они разыграли.

—Она ни разу не улыбнулась, —пробормотал Мастер любви.

—Вы слишком погружены в свою печаль, —вдохнул хозяин дома.

И направился к роялю.

Он заиграл Лунную сонату Бетховена. Бархатные звуки разносились по комнате, и я ненадолго забыла о своей печали, уплывая вслед за музыкой. Когда музыкант перестал играть, я поняла, что плачу. Не в силах больше терпеть, я уткнулась в плечо Мастера любви и зарыдала во весь голос.

—Любовь бывает очень разной, дитя мое, —заговорил мастер любви тихо и горестно. —Иногда в ней больше темноты, чем света. Тогда мы с моим братом, Мастером темных эмоций, встречаемся, как это происходит сейчас.

—Это происходит, —заговорил Мастер темных эмоций низким бархатным голосом, —когда познавший любовь те-

мен, холоден и жесток. Когда он никогда не знал привязанностей. Когда он шел вперед, переступая через чужие жизни, к цели, которую наметил. —Он помолчал. — Таковую личность любовь поражает подобно молнии. Ощущая ее в себе, познавший любовь понимает, что произошло нечто грандиозное и прекрасное. Он впитывает с восторгом каждое мгновение, каждую эмоцию, каждый штрих. Он изучает любимое существо как нечто драгоценное. Его вещи становятся фетишем. Он слушает шаги и голос, ощущает запахи, касается руки с детским восторгом. Он погружается в любовь, не замечая, как она вытесняет из его жизни все, что казалось ему важным.

—Но это только поначалу, —продолжал Мастер любви. —До тех пор, пока он не почувствует, насколько предмет его любви далек от него. Он начинает сближение, сокращая дистанцию. И в этот момент происходит нечто новое.

—Он начинает ревновать, —сказал Мастер темных эмоций. —Что кто-то касается предмета его любви, пусть даже ненароком, стоит рядом, говорит, смотрит. Ревность превращается в черную пучину, за нею приходит ненависть, за ненавистью страх потерять того, кто стал смыслом жизни. Особенно если это любовь без взаимности. —Он замолчал. —Как бы не относился предмет любви к носителю чувства, это всегда заканчивается смертью одного из партнеров.

—Тогда прихожу я, —сказал хозяин дома. —Я— Мастер преград.

Я поняла на них заплаканное лицо.

—Мы можем помочь вам, —сказал мастер преград. —Изменить реальность.

—Я уже пробовала, —ответила я, вглядываясь в их лица. —Несколько раз. Результат все равно тот же. Темный правитель всегда находит способ оказаться рядом со мной.

—Он забудет.

—Он забывает только события, но не чувство, —ответила я.—И всегда возвращается. Только все становится еще хуже. И крови льется еще больше.

Они печально переглянулись.

—Мы все же попробуем помочь, —ответил Мастер преград. —Хотя бы приглушить яростное пламя, которое в нем пылает. Чтобы оно так не опаляло вас.

Часть 7. Приговор

— Пришла все-таки.

Ветер гнал по степи сухой ковыль. Пахло пылью и горечью. Низкие облака, тяжелый серый душный день—не самое лучшее время для прогулки.

—Я не надеялся, что ты придешь.

Мужчина соткался из серой пыли, высокий и красивый, в тяжелом сером костюме с серебряной ниткой.

—Здравствуй, Михаэль.

Хаос вздохнул, мрачно буравя меня взглядом.

—Я думала, не смогу вырваться.

—Твои дни стали очень насыщены событиями, —заговорил он хмуро. —Ты все еще в состоянии планировать свои путешествия. Но как долго это может продолжаться?

—О чем ты?

—Темный правитель будет пытаться ограничить тебя в передвижениях.

—Я не люблю, когда меня ставят в рамки. И никогда этого не потерплю.

—Тогда почему терпишь сейчас?

Я вздохнула.

—Ты ошибаешься. Я вообще не выношу никакого давления над собой.

—Не признаешь ничьей власти?

—Власть как таковую я ненавижу. Но в отношениях с близкими разрешаю им использовать ее, и всегда уступаю. —Я помолчала. —Даже, вероятно, они садятся мне на голову. Потому что мне не хочется обижать или расстраивать их.

Мы уже какое-то время шли по сухой земле к темному горизонту, уворачиваясь от порывов холодного ветра.

—С близкими, говоришь? —Он повернул голову и посмотрел на меня задумчиво. —Уступаешь в мелочах, которые тебе кажутся неважными по сравнению с покоем близкого тебе существа? —Он улыбнулся ласково. —Ты будешь хорошей женой.

Я пожала плечами.

—Но ведь, я так понимаю, это не касается серьезных вещей? По-настоящему серьезных? —продолжал он. —Ты ведь в этих вопросах неумолима.

—Так и есть.

—Тогда почему власть так отталкивает тебя? —настаивал он. —Ведь она— неотъемлемый атрибут силы. Правитель не может быть слишком мягким и всепрощающим. Рано или поздно ему приходится принять эту нехитрую истину.

Откуда ни возмись перед нами вырос огромный белый шатер. Купол накрывал невероятных размеров площадь величиной с небольшой город.

—Это ярмарка, —сказал Хаос. —Давай зайдём внутрь.

Я неохотно кивнула. Он отодвинул легкий полог и пропустил меня вперед.

Внутри был яркий солнечный день. Кто-то дунул мне в ухо свистулькой, и от неожиданности я подпрыгнула. Со всех сторон неслись крики, разговоры, смех. Ревели звери, кричали продавцы. Откуда-то доносилась музыка. Разноцветные волосы и лица, яркие одежды, толчея—меня внесло в толпу, и я потеряла Михаэля из виду.

—Купите поросенка, —обратился ко мне веселый светло-волосый парень в косоворотке и лаптях.

Он держал в руках маленького розового поросенка, который яростно хрюкал и все время пытался вырваться.

—От него много грязи, —ответила я, отступая.

—Это потому, что он маленький, —возразил парень. — Вот вырастет большая свинья, будет столько грязи, что вы сможете лопатой грести.

Я попыталась увернуться от назойливого взгляда и натолкнулась на серые насмешливые глаза другого парня, черноволосого, в белой просторной синей рубашке, подпоясанной веревкой.

—Купите козу, —закричал он мне просто в ухо, подсовывая маленькую беленькую козочку. —Она еще маленькая. Видите, какие рожки?! Когда она подрастет, то сможет проткнуть насквозь!

Я шарахнулась в сторону, но меня схватили сильные руки какого-то бородатого мужика.

—Купите медведя! —проревел он, и надо мной нависло огромное, под два метра ростом, тело белого медведя.

Потом все вокруг словно с цепи сорвались. Козы, овцы, кони, бараны и быки стали теснить меня со всех сторон, с мычанием, ржанием, блеянием и ревом. Мир вокруг меня закружился и поплыл, стал призрачным. Я почувствовала головокружение и потеряла сознание.

Я очнулась на земляном полу в маленькой комнате без окон. Одинокая лампочка без абажура свисала с потолка. В ее неярком свете я различила деревянный стол и человека в черном похоронном костюме, который сидел за ним и что-то писал.

Заметив меня, он поднял голову и спросил строго:

—Как ты сюда попала?

—Не знаю, — ответила я слабым голосом. — Я была на ярмарке. Потом звери окружили меня со всех сторон, и у меня закружилась голова.

—Понятно, — процедил человек.

Напротив стола в центре комнаты появился одинокий стул.

—Садись.

С трудом поднявшись, я села на стул, с удивлением осознавая, что мои запястья скованы светящимися нитями браслетов.

—Ты арестована, — сказал мужчина, поднимая на меня белесые глаза, пустые и сумрачные.

—За что?

—За то, что не хочешь быть счастливой.

Я помолчала, всматриваясь в непроницаемое холодное лицо, на разбросанные по столу бумаги, на качающуюся лампочку под потолком.

—Я хочу. Но не могу.

—Почему?

Мужчина откинулся на стуле и сложил руки на груди.

—Не имею права. На свете полно тех, кого я обидела и кому причинила боль.

—Разве это не потому, что они причинили боль тебе? Разве ты обидела ког-то преднамеренно, только потому, что хотела этого?

—Нет. Как бы я могла. —Я опустила голову. —Причинять кому-то вред только потому, что тебе это нравится—это болезнь, извращение.

—Как же ты с такими мыслями собираешься стоять у темного трона? —спросил он насмешливо. —Находиться рядом с Темным правителем? Почему не уходишь? Почему остаешься рядом с ним? Боишься за тех, кого любишь? Это не оправдание. Его безумие вряд ли остановят обещания, которые он тебе дал. Рано или поздно он сорвется, и этот мир погибнет.

Я закрыла лицо руками. А мужчина продолжал наседать.

—Здесь что-то другое. Не так ли? —Он наклонился и уставился на меня. —Я, кажется, понимаю. Жалеешь его?

—Он погибнет, если я уйду.

—Ну, и черт с ним. Вечности только станет легче дышать!

Разве это не справедливо?!

Слезы потекли между моих сомкнутых ладоней.

—Я не могу, —прошептала я. —Не могу стать причиной чьей-то смерти, источником чужого страдания.

Мужчина резко отодвинул стул и замолчал. Я перестала плакать, убрала руки и подняла голову.

Он сдирал с лица чужую маску. Черный костюм, прилизанные черные волосы, лошадиное лицо исчезли. На их месте появился невысокий мужчина лет шестидесяти, уставший, поникший и сутулый. Он встал из-за стола, тяжело прошел отделяющее нас пространство и опустился у моих ног, облокотившись спиной о ножку стула.

—Ты лучше нас, —сказал он тихо. —Теперь я понимаю. —Для тебя жизнь как река без берегов. Полноводная и стремительная, она вбирает в себя все, что попадает к ней на пути. Она сама выбирает, куда ей течь, не спрашивая ни у кого разрешения или совета. И принимает все, что вошло в нее. Для тебя нет различия между плохим и хорошим, добрым или злым. Ты все принимаешь, потому что для тебя все имеет право на жизнь. Ведь только судьба одна имеет право решать, что правильно, а что нет, кто виноват, а кто прав. И только она судья и палач. Но не река.

Он с силой растер лицо ладонями и притих у моих ног.

—Ты оправдана, —сказал он, наконец, глухо.

—Кто ты такой? —спросила я охрипшим от слез голосом.

—Мастер справедливости, —ответил он. —Теперь я по-

нимаю, что это неизбежно. Ты встанешь у темного трона. И судьба сама рассудит, что будет дальше.

Комната и человек исчезли. Когда я открыла глаза, над мной склонилось обеспокоенное лицо Михаэля в окружении лохматых и рогатых морд.

—Он оправдал меня, — сказала я, и все печально завзды-хали.

Часть 8. Медицинское заключение

Хаос стоял у обочины дороги. Собственно, никакой дороги и не было—просто вытоптанная нитка белой земли среди бесконечной равнины, покрытой голубой травой. Когда я появилась, он обернулся, и страдание исказило всегда такое спокойное лицо. Ветер трепал его длинный зеленый сюртук, но совсем ни касался бледного лица.

—Я скучала.

—Я тоже.

Он помолчал, вглядываясь в точку на горизонте, которая стремительно приближалась. Крытая повозка, раскрашенная клоунами и шарами, затормозила рядом с нами.

—Прыгай внутрь, Коломбина, —раздался веселый голос.

Через мгновение мы уже сидели, свесив ноги, на краю повозки. Над нами трепетал от ветра купол и голубел чистый горизонт. Повозка гроыхала и уносила нам неизвестно куда. Странно... Меня стало клонить в сон. Я едва успела об этом подумать—и погрузилась в темноту.

Я пришла в себя в маленькой убогой комнате. Единственное окно высоко вверху было забрано толстой решеткой. Я лежала на низком кровати, заправленной серым колючим одеялом. У противоположной стены на такой же кровати сидела худющая зеленокожая женщина со включенными волосами и выпирающими зубами. Напротив меня в белом халате

и шапочке стоял маленький тщедушный человечек с торчащими во все стороны розовыми волосами и ярко-красными глазами. В руках мужчина держал огромный пустой шприц раз в десять больше его самого.

—Это что, тюрьма? —спросила я слабым голосом, забиваясь в угол кровати.

—Нет, не тюрьма, —проскрипел человечек противным высоким голосом. —Это лечебница.

—Я не больна, —возразила я, наблюдая как он подкрадывается ко мне со своим шприцем. Зеленокожая женщина тем временем, зло блестя глазами, соскочила с кровати и встала за его спиной, жадно облизываясь. —Может, сначала проведем обследование? Поставим диагноз?

—Твой диагноз—ты слишком красивая. Нехорошо, нехорошо, —просипел мужичонка и приблизился ко мне еще на шаг, размахивая шприцем.

—Да! —завопило зеленокожее чудовище. —Почему одним все, а другим ничего! Отсосем немного красоты! От тебя не убудет!

Я испуганно вжалась в стенку, уставившись в красные глаза, которые подернулись поволокой.

—У вас даже иголки нет в шприце, —сказала я.—Как же вы собираетесь из меня отсасывать красоту?

—Мы и без иголки справимся, правда, кикимора? —заверещал доктор и, бешено вращая глазами, бросился ко мне.

Я не успела даже пикнуть—открылась дверь.

—Так, —сказал строгий голос. —Что здесь происходит, больные?

Человечек испуганно подпрыгнул и выронил шприц. Сбросив шапочку, он вывернул наизнанку халат, который изнутри оказался ярко-зеленым, и, схватив в охапку кикимору, запрыгнул на соседнюю кровать.

В двери стоял невысокий мужчина лет пятидесяти, черноволосый, с сединой у висков, живыми черными глазами и красивыми руками хирурга. Белоснежный халат сидел на нем как влитой.

—Да мы ничего такого не сделали, доктор, —запричитал мужичок, и волосы на его голове встали дыбом. —Это ведь несправедливо, когда одним все, а другим ничего.

—Да! —заверещало с надрывом зеленое чучело.

—Так-так-так, больная, —обратился к ней доктор участливо. —На что жалуетесь?

—На отсутствие личной жизни! —ответила кикимора с вызовом. —Посмотрите на меня! Видите—видите! —какая я страшная! Никто не хочет на мне жениться!

—Ну, я смотрю, поклонники все-таки есть, —возразил доктор, покосившись на красноглазое чудище.

—Да! —заявил мужичонка, подбоченившись и приобнимая кикимору.

—Есть! Есть! —согласилась она. —Только замуж все равно никто не берет!

—Чего же вы хотите? —спросил доктор.

—Хоть немного красоты, —заявила кикимора, сверкнув ярко-зелеными глазами. —Да вот хоть задницу мне накачайте, чтобы была большой и красивой!

—Ладно, —легко согласился доктор и заревел в сторону двери. —Принесите шланг!

Я стала истерически смеяться, когда в комнате заполз сам собой водопроводный шланг. Его с помощью насадки вставили кикиморе в задний проход, и она стала надуваться в нижней части. Ягодицы распрямились и стали огромными. Немного добавилось мяса на костях и разгладились складки кожи.

—О! —завопил мужичонка и его глаза вылезли из орбит, когда процедуру закончили. —Какой зад! Как вы прекрасны, моя кикимора!

Он вцепился в желанную часть тела обеими руками и так и не отпустил ее, пока довольная кикимора прощалась с доктором.

Когда парочка, наконец, покинула комнату. доктор вытер пот со лба и устало опустился на пустую кровать. Черные с золотистыми искорками глаза уставились на меня.

—У вас, я так понимаю, нет проблем с красотой, —сказал он.

—Кто вы такой?

—Мастер красоты.

—Почему вы думаете, что у меня нет проблем? —вздыхнула я.—Я все еще человек. И юность ушла. Мне бывает оди-

ноко.

—Одиночество красивой женщины на закате жизни—явление давно изученное, —отвечал он. —Она устает от обилия мужчин рядом с собой, их претензий и желаний. От их ревности. От необходимости подстраиваться под их характер. И в конце концов, от необходимости спать с ними. Она выбирает одиночество—осознанное одиночество— и с наслаждением предается ему. Она свободна. Она никому ничего не должна. Она может делать, что ей нравится и спокойно спать в своей постели. Она счастлива своим одиночеством.

—А мир вечности? Что вы скажете о нем?

—Вы вполне справляетесь с грузом привязанностей, который несете, —ответил доктор. —И дело здесь не только в вашей красоте. В необычны. Мужчины рядом с вами никогда не скучают. —Он помолчал. —Я готов вам поставить диагноз.

Он посмотрел мне в глаза.

—Вы здоровы.

Он поднялся и подал меня руку.

—Пойдемте, дитя мое.

Мы вышли из темного здания в светлый предзакатный вечер.

—Это же сосновый бор, —сказала я восхищенно, вдыхая ни с чем ни сравнимый аромат.

—Совершенно верно. —ответил мужчина, стягивая халат и передавая его кому-то за моей спиной. — Мы с остальны-

ми мастерами очень дружны и часто собираемся вместе. Сегодня как раз такой день. Прошу вас.

Он подставил мне свой локоть, и мы двинулись в сторону высоких сосен, где на маленькой поляне стоял мангал и доносились веселые голоса.

—Ну что? —спросил Михаэль, поворачивая в нашу сторону голову.

—Она здорова, —ответил мой доктор.

Все облегченно зашумели.

—Как вы относитесь к грибам с помидорами? —спросил Мастер красоты. —Не советую оказываться. Еще будет легкий зеленый салат.

Меня усадили на высокий, с резной спинкой, стул и дали шампур с грибами, которые оказались действительно очень вкусными. Семь или восемь мастеров сдержанно поздоровались, продолжая заниматься своими делами. Когда село солнце и стало совсем темно, кто-то набросил мне на плечи тяжелы пиджак. Подняв глаза, я увидела Михаэля. Вынув у меня из рук стакан с золотым напитком, он склонился над мной и нежно поцеловал. Его губы были мягкими и сладкими, и все же я слабо запротестовала.

—Что ты делаешь? —прошептала я, отстраняясь.

—Это всего лишь поцелуй, —ответил он, сжимая мои плечи.

—Михаэль, ты очень нетерпелив и испугал девочку, —сказал пробежавший мимо Мастер эмоций.

—Всего лишь дружеский... дружеский поцелуй, —ответил он.

Потом были песни и хриплый, такой домашний, звук губной гармоники.

—Друзья мои, —говорил негромкий голос. —Сегодня у нас в гостях прекрасное нежное создание. Она разбавляет нашу старость, вливает в нас силу жить, радоваться, любить и страдать. Мы так давно живем, что иногда теряем это хрупкое ощущение связи с миром, которую дают только чувства. И эта милая нежная девочка нам ее вернула.

—Мне пора уходить, —сказала я, когда совсем стемнело.

—Я провожу тебя, —ответил Михаэль.

Попрощавшись, мы пошли сквозь высокие сосны, вдыхая дразнящий запах хвои. Около одного из деревьев, он остановился и, прижав меня к стволу, снова поцеловал, на этот раз сильно, страстно, по-мужски жадно.

—Я жду, —сказал он хрипло, отстраняясь. —Но мое терпение не безгранично. Не забывай об этом.

Часть 9. Упущенный шанс

—О, милая. Иди к нам!

На поляне перед белым домом за накрытым столом сидели мастера жизни.

—Давай скажем, что у Михаэля день рождения, —говорил кто-то негромко.

—Зачем обманывать ее? —отвечал другой голос.

Я стояла в проеме двери. За моей спиной в полумраке

комнаты плавала тишина. На поляне среди солнечного света ветер приглаживал траву, трепал высокие кроны деревьев. Мне не хотелось идти. Что-то тянуло меня назад, в комнату. Резко развернувшись, я вошла внутрь.

В темной пустой комнате мерцало зеркало. Большое зеркало с рост человека в темной деревянной раме. Его поверхность дрожала словно по ней проходили легкие волны. Как замороженная я пересекла комнату и остановилась напротив него, слушая чужой темный зов. Голос, тихий голос звал меня.

—Нет! —закричал кто-то за моей спиной, и комната наполнилась голосами.

—Ты оставил открытым зеркало призыва! —кричал другой голос. —Ты рехнулся!

—Я не думал, что она..., —отвечал растеряно мужчина.

Дальше я не слушала. Я вошла в зеркало.

Там было темно. Очень темно. Свет, который я излучала, казался солнцем. Станный покой —даже безразличие— окутал меня словно покрывалом. Я села на поверхность черной пустоты и, обхватив руками колени, стала молча ждать.

Темнота замерцала и выплонула высокого худого мужчину с безобразным лицом. Ввалившиеся щеки, серая кожа, лихорадочно блестящие глаза и пересохшие губы не вывали во мне страха, только отвращение. Он стал молча кружить вокруг меня, протягивая ко мне руки, но так и не смог коснуться—кокон золотого света не пропускал его.

—Впусти меня, —прохрипел он. —Дай мне тебя коснуться.

Я подняла глаза. Он нависал надо мной словно старое скрюченное дерево, обжигаясь о мой свет, который причинял ему боль.

—Зачем ты зовешь меня? —спросила я.—Зачем причиняешь мне страдание? Из-за тебя я чувствую себя потерянной. Больной. Несчастной. Что тебе нужно?

—Твоя боль, —отвечал он. —Я—мастер страдания. Я лучше всех умею создавать его. Я прихожу, когда меня никто не ждет. Я создаю случай, который король страдания.

—Управляешь случаем? Ты —Мастер случая.

—Да. Представь себе систему, созданную творцом, как механизм, отточенный до последней детали. Идеальный механизм, в котором все события и поступки расписаны заранее. Родился. Женился. Упал и сломал руку. Заболел. Умер. Все события прописаны, все роли выучены. Живое существо катится по четким линиям судьбы, словно шарик по желобу, не в состоянии ни что-либо изменить, ни сойти с дороги. И тут прихожу я.

Я посмотрела с печалью в больные глаза и, поднявшись, шагнула в темноту.

Замок был черным и мрачным. За высокими окнами плескалось Вечное море, но не привычное, светлое и чистое, а темно-серое, зимнее, с нависающими полными сумрака тучами. Хрустальные окна пропускали картинку, но сами

оставались темными. Я словно видела этот замок снаружи— непроницаемый черный хрусталь, острые шпили башен, угловатые узкие бойницы. Он казался черным вороном, опустившимся на берег.

Мастер, дрожа, стоял рядом со мной, постоянно пытаюсь меня коснуться. Он казался больным или безумным. И страшным в своей жажде. Отвернувшись от окна, я пошла по темным залам, заполненным фигурами.

—Здесь делают тетиву для луков, —говорил Мастер, когда мы проходили большую комнату, где на полу множество мужчин в серых балахонах вручную скручивали серебряные нити.

—Луки? —спросила я рассеянно.

—Ими можно разорвать линии судеб, которые сплетены вокруг живого существа словно кокон, —отвечал мастер. —Один удачный выстрел—и они рассыпятся, и человек станет обнаженным перед случаем. —Он помолчал. —Передо мной.

—Возомнил себя богом? —Я покосилась на него и насмешливо добавила: —Но ты не бог.

—Не бог, —ответил он надменно. —Я выше богов.

Я пошла дальше.

—А здесь куют мечи и кинжалы для избранных, которым суждено умереть по воле случая, —провозгласил Мастер напыщенно. —И кинжал, которым можно будет убить тебя, тоже скоро будет выкован. Тогда ты не спрячешься...—

Его голос задрожал, и он склонился надо мной, словно вампир над жертвой. — Не спрячешься за своим светом.

Я почувствовала, что с меня довольно. Вздохнув, я прошла сквозь стены замка и остановилась у темной воды. Вечное море молчало. Оно впитывало горечь этого места, как губка впитывает влагу. Оно было его отражением. Рядом зашептали полы черного плаща, и Мастер застыл рядом со мной.

— Что тебе нужно? — спросила я, наконец.

— Капля твоего света, — ответил он, тяжело дыша. — Всего капля. Чтобы изменить все.

— Что изменить?

Я не могла смотреть на него, не и могла отвести взгляд.

— Все, все изменить. Все исправить. Сделать мир лучше, чище. Светлее. Красивее. Сделать его по-настоящему прекрасным.

— Нет.

Почему-то я не поверила ему.

— Умоляю. — Голос задрожал и сорвался на хрип. — Послушай. Всего капля. Одна только капля — и все изменится.

— Не думаю, — раздался рядом с нами низкий голос.

Мрачный мужчина с горящими словно угольки глазами возник ниоткуда и воткнул в грудь Мастера слухача черный кинжал. Мастер не вскрикнул. Просто упал, сначала на колени, а потом рухнул у моих ног. Чувство то ли потрясения, то ли глубоко шока, в котором я находилась, не отпускало ме-

ня, и я посмотрела на лежащее тело с безразличием. За моей спиной раздались быстрые шаги, и толпа мастеров окружила меня.

—Милая, —услышала я голос Михаэля. —Ты меня слышишь?

—Да, —отвечала я вяло.

—У нее шок, —сказал кто-то.

Мен подхватили чьи-то руки и куда-то понесли. Положив голову на чужое плечо, я закрыла глаза и подумала, что мне все равно, куда, лишь бы подальше отсюда.

Часть 10. Призраки прошлого

—Молочные реки, кисельные берега.

Голос был мягким тихим. И каким-то особенно бархатным.

—Что, простите?

В комнате плавал полумрак, не серый, а жемчужный, прозрачный, словно кто-то разлил серебристую краску.

—Я говорю, тот, кто придумывал земные сказки, был немного не в себе, —отвечал голос. —Это надо же—кисельные берега. В них же увязнуть можно.

На столе лежала раскрытая книга, настолько большая, что ее, вероятно, можно было поднять только волшебством.

—А волшебники существуют?

—Волшебники? Ты все еще веришь в это? После всего, что узнала?

На стене между двумя большими книжными шкафами негромко тикали часы с кукушкой. Старичок в длинном серебряном камзоле снял очки и, положив их поверх раскрытой книги, задумчиво посмотрел на меня. В ярких бирюзовых глазах плавали серебряные искры. Длинные белые волосы падали на кружевной белый воротничок. Поддернув кружевные манжеты и расправив жабо, он откинулся на спинку высокого кресла, обтянутого серым, расшитым серебром, шелком.

—Не знаю. Разве можно верить сказкам?

—Ты никому не веришь?

—Сейчас никому.

—Это очень печально. Особенно если принять во внимание, что я — Мастер доверия. — Старичок помолчал и, прикрыв глаза, продолжил. — Доверие — самая хрупкая из всех энергий. Если оно умирает, вслед за ним умирает все — любовь, дружба, вера, надежда. Особенно страшна потеря доверия к близкому человеку. Разочарование, которое сопровождает его утрату, разрушает все жизненные принципы, на которых зиждется жизнь живого существа. Рушатся все цели, мысли, надежды. И в конце концов, разрушается сама личность. За разочарованием следуют агрессия, обида, жалость к себе, злость. Если живое существо не переживет разочарование доверием, оно кардинально меняется, становится другим. Эта страшная, очень страшная метаморфоза.

—Зачем ты все это говоришь мне? — вздохнула я, усаживаясь на стул у дальней стены и прислоняясь правым боком к стенке шкафа.

—Потому что корни твоего разочарования уходят в прошлое, которое ты забыла, — ответил он.

Поднявшись, он подошел к стоящему на столе небольшому чудному колесу. В нем, наверное, было бы интересно крутиться белке, если бы не слишком ажурным, точеным, было белое дерево. Внутри колеса плавал тот же серебряный полумрак, что и в комнате, только более густой, как кисель.

Старичок оглянулся на меня, с минуту молча смотрел, потом резко крутнул колесо. Оно завертелось легко и очень быстро. Серебро внутри замерцало ярче, словно наполненное огоньками. Я уставилась в серебряную мглу—и потерялась в ней.

Я увидела огромную спальню и большую кровать под тяжелым бархатным серым балдахином. Ковер более светлого оттенка, в котором ноги утопали по щиколотку, тяжелые шторы на окнах, мягкое жемчужно-серое покрывало, очень светлая мебель—комната была красива, без вычурных излишеств, и все же слишком роскошная для меня.

Дверь с грохотом отворилась, и в комнату вбежала молодая девушка лет шестнадцати. Я заглянула в золотые горящие глаза—и отпрянула.

Это была я.

Мне было больно. Очень больно. Я заметалась по комнате, словно по клетке.

Дверь снова грохнула, и в комнату ворвался Ариэль.

Этот мужчина был молод и очень красив, но у меня вызвало странное отторжение его холодное надменное лицо, в котором было столько властности и силы, что не оставалось места никаким другим чувствам. Увидев его, девушка испуганно дернулась и отпрянула. Широко шагая, он пересек комнату и резко притянул ее к себе.

—Это совсем не то, что ты подумала, —сказал он мягко. Я вздохнула.

Какая банальность. Какие слова. Во мне ничего даже не

шевельнулось.

Было мне жаль себя? Я не помнила. Я давно уже перестала верить Ариэлю. И давно понимала, кто он. Но тогда, давным-давно...

Я видела отчаяние и слезы в глазах девочки, которая по своему любила это чудовище. И пожалела ее.

—Это было в первый раз, — сказал тихий голос Мастера.

Перед моими глазами снова закрутилось колесо.

И я увидела глаза Медведя, который смотрел на меня с жалостью и страхом.

—Не ходи туда, зайчонок. —Он стоял предо мной на коленях, сжимая мои руки так сильно, что у меня возникла соматическая боль в пальцах. —Не надо тебе видеть это.

Я вырвала руки и толкнула дверь, из -за которой доносились дикие крики и рычание.

И увидела залитый кровью прозрачный пол, по которому были разбросаны части женских тел в окровавленных белых платьях.

И Ариэля. Огромный, черный, в ипостаси полубыка—получеловека, он рвал зубами женское тело, которое держал в руках. Подняв окровавленную морду, он увидел меня и заревел. Отбросив тело девушки словно поломанную куклу, он медленно и тяжело подошел ко мне. Остановившись в шаге от меня, он, опустив пачи и склонив безобразную голову, глубоко втянул в себя воздух и замер, словно заснул. Я лихорадочно нащупала за спиной ручку двери и выскочила из

зала...

С трудом переведя дыхание, я открыла глаза и посмотрела на старичка.

Ему было жаль меня. Он вздохнул и снова закрутил колесо.

Я увидела пустой темный зал дворца Темного правителя и девушку, которая стояла в тени колонны. Она прислушивалась к диалогу, раздававшемуся из приоткрытой двери.

—Сделаешь сегодня, — сказал холодный властный голос.

—Но, Государь, — возразил ему испуганно тихий надломленный голос. — Это уже в третий раз. Если так часто вытирать ей воспоминания, ее личность может не выдержать.

—Я велю, делай. Я не хочу, чтобы она помнила о моих... ошибках.

—Государь, подумайте. Вы ее калечите.

—Заткнись, — захрипел Ариэль, и в комнате что-то упало. — Она не хочет меня видеть. Я не могу потерять... свою игрушку.

—Судя по тому, как вас это беспокоит, она не ваша игрушка. Примите это, наконец.

—Даже если это и так, — ответил Ариэль хрипло. — Это не твое дело. Она должна забыть. Должна снова стать прежней, веселой и послушной девочкой. Я не могу... видеть ее такой. Приготовь настой сегодня же.

Девушка у колонны судорожно вдохнула и закрыла лицо руками.

Я задрожала и отшатнулась. Старичок молча с печалью смотрел на меня. В его глазах стояли слезы.

—Это ведь еще не все? —спросила я глухо.

—Нет, не все.

И он снова закрутил колесо.

Я увидела уже знакомую мне спальню. У дальней стены у высокого зеркала в тяжелой серебряной раме стоял Ариэль. Он застегивал пуговицы серебряного длинного пиджака и поправлял кружево на манжетах и рукавах рубашки. В комнату вошел и склонился низенький сморщенный человечек в черном парчовом костюме.

—Все готово, мой господин, —сказал он.

—Она должна сказать «да», —прорычал Ариэль, не поворачивая головы и продолжая всматриваться в свое отражение.

—Но мой господин..., —начал человечек.

—Напой ее сонным зельем, —проревел Ариэль. —Чтобы она не понимала, что с ней и где она.

—Но это нарушение обряда.

—Мне плевать! —заревел Ариэль. —Она должна сказать «да»!

Картинка сместилась. Я увидела себя в длинном белом платье, расшитом серебром. Меня вели под руки двое служителей. Мы вошли в круглый зал, в центре которого возвышался алтарь с горящими золотом символами. Под звуки заунывного пения Ариэль впереди, я за ним, ведомая под руки

служителями, стали обходить алтарь. После третьего круга Ариэль остановился и повернувшись ко мне, нежно взял меня за руки и заглянул в лицо.

—Скажи «да», милая, —прошептал он, пожирая меня глазами.

—Нет, —ответила я и отключилась.

—Что ты с ней сделал? —зашептал Ариэль злобно одному из мужчин, который меня поддерживал. —Она должна была сказать «да».

—Она просто спит, Государь, —ответил тот. —Вероятно, подействовало зелье.

Вытолкнув себя из безумного видения, я с ужасом уставилась на старика.

—И сколько это продолжается? —спросила я с отвращением.

—С тех пор, как он нашел тебя, —ответил он. —Он отталкивает от тебя друзей и врагов, создавая вокруг вакуум. Всю твою последнюю жизнь он стоит за твоей спиной. Он хочет быть единственным в твоей жизни. И ему совершенно неважно, каким способом этого добиться. Ты перестала доверять окружающим тебя людям, оттолкнула мир от себя, и мир в ответ тоже оттолкнул тебя.

Я ничего не ответила.

Старичок остановил колесо и посмотрел на меня с горечью.

—Ты должна найти в себе силы доверять снова, —ска-

зал он. —Пусть это больно. Пусть обманчиво. Пусть даже ты ошибешься. Просто слушай свои чувства. То, что ведет тебя, находится внутри. Без доверия не найти счастья, не найти ни любви, ни дружбы. Без доверия не увидеть свет в другом живом существе. В мире, который вокруг. Без него никуда не дойдешь, и ничего не найдешь. В какую бы темноту тебя не погрузили, сияй. Сияй во что бы то ни стало.

Комментарий к второй главе.

—Что с тобой, дитя?

—Расскажи мне о любви.

—Мы уже столько раз говорили о ней. Что-то изменилось?

—Изменилось. Кажется, я не умею любить.

—Ты не умеешь любить. Но это не порок какой-нибудь. И не беда. Просто ты такой создана. А может быть, не встретила еще того, кому стоит посвятить свою жизнь.

—Кажется, в этом все и дело. Посвятить жизнь. Я не чувствую в себе способности посвятить кому-то жизнь.

—Разумеется, не чувствуешь. После того как ты потеряла всех, кого по-настоящему любила. То место, которое у тебе отвечает за любовь, категорически отвергает твои попытки снова мучить его.

—Ты смеешься надо мной.

—Немного. Совсем чуть-чуть. Но я ведь не далек от истины, не так ли? Когда женщина начинает искать недостатки в своем избраннике, копаться в себе, это может означать одно из двух—или она разлюбила, или никогда и не любила по-настоящему.

Послушай. Любовь—очень сложное понятие. Это водоворот чувств и желаний. Их невероятное переплетение. Это словно радуга на небосклоне. Она никогда не бывает одина-

ковой. Она всегда разная. Сегодня теплее. А вчера прошел дождь. А это вот зимняя радуга. А то весенняя, совсем ранняя, после первой оттепели. А вот радуга жаркого палящего лета, которая приходит как освобождение после долгожданного дождя. Тяжелая, легкая, мрачная или светлая—любовь выбирает краску сообразно личности, к которой она пришла, которую озарила своим присутствием.

—Ты говоришь о ней словно о живом существе.

—Так и есть. Все в этом мире живо. И свободная легкая энергия, озарение, которую люди зовут любовью—волшебный коктейль, который изобрел именно я, из Бог и создатель, единственный в вечности—есть смешение энергий, живых энергий. Я бы даже назвал ее болезнью, которой стоит переболеть, чтобы умереть или выздороветь. Счастливым вирусом, который меняет в человеке все, до последнего атома. Но, как показали мои длительные исследования, довольно опасным и заразным вирусом. Подхватить его ничего не стоит, но излечиться практически невозможно. И я, как горе-ученый, испытал это не себе. Сам заразился вместе с моими подопытными. И заразил всю вечность. Но мне кажется, вечность на меня не в обиде. Хотя некоторые мои братья и ставят мне в упрек. Что ты, мол, натворил? Где наш тихий ухоженный мир? Где покой и красота? Он превратился в растрепанное взлохмаченное существо с бешено горящими глазами и дурацкой улыбкой на лице.

Счастливый сумасшедший—первая стадия любви.

—Твои братья ей не очень-то и подвержены. Только те, похоже, кто поднялся из нижних миров и всего добился сам.

—Просто они более любознательны, чем исконные жители вечности. Они пришли к своему состоянию через ту самую любознательность, и еще эмпирическим путем. Привычка все пробовать на себе, прежде чем применить в своих мирах, свойственна как раз им. Испытав на себе, они решают, стоит ли запускать чувство в свой проект, или пусть еще вылежится, остынет, чтобы было можно лучше распробовать его. Некоторые из них, испытав первую стадию, довольно неразумно запустили любовь в свои миры. А ведь я предупреждал их.

—О чем предупреждал?

—Что нужно пройти все стадии болезни до конца, дитя мое. Но они так были восхищены счастливым сумасшествием, что не стали дожидаться развития болезни.

—И что же идет дальше?

—Жажда. Дальше идет жажда. Влюбленный сродни наркоману. Ему нужно еще. И много. Чем больше ему даешь, тем больше он хочет. Эта стадия самая тяжелая, должен признаться. Пик болезни. Некоторые так и застревают в ней на всю оставшуюся жизнь. Превращаются из счастливых безумцев в обезумевших счастливых.

—Смешно.

—Да куда уж смешнее. Безумный влюбленный теперь счастлив только мгновение—когда он лицезрит предмет сво-

ей любви или обладает им. В остальное время он погружен в отчаяние и неутолимую жажду. Он пьет—и не напивается, он слышит—и не наслушается, он прикасается—и ему мало. Он готов играть со своим предметом обожания хоть в куклы, но только бы быть рядом с ним. Он ни на минуту не может перестать думать о ней или нем. Все свои дела, поступки, всю свою жизнь подстраивает под эту жажду.

Хорошо, если чувство взаимное. Тогда эта стадия любви искрит как электрический прибор, который закоротило. Он или выключится или сгорит к чертовой матери. Причем второе —гораздо более вероятный вариант.

Итак, с взаимной любовью понятно. Влюбленные могут вместе попытаться перейти на следующую стадию. Несчастливый влюбленный либо превратится в параноика, либо излечится, но это излечение будет сопровождаться полным выжиганием его души, до самого дна. Если влюбленный человек добрый, честный, сострадательный, он должен найти в себе силы и отпустить предмет своей любви. Пожелать ему счастья—и уйти навсегда с разбитым сердцем и болью, которая с ним останется навсегда. Если влюбленный темен и жесток, он утащит в темноту и того, кого любит—так устроен наш мир. Сила, пробуждаемая в живом существе любовью, обостряет все недостатки и все достоинства, живущие в нем.

Как видишь, на этой стадии наши влюбленные разбегаются в разные стороны. Три дороги, а может быть пять: идти вместе дальше, отпустить, возненавидеть, уничтожить.

—А пятая?

—Пятая... Это высокая любовь. Ее не познал человек. Она превращает живое существо в бога. Заставляет его расти. Мечтать. Бежать вперед. Оставить за собой все свои прежние принципы и желания. Отбросить общественные условности и запреты. Взять суму и пойти по миру, вооружившись только своей надеждой. Исткать и находить похожего на себя. И, найдя, стараться расти вместе с ним, становиться лучше и чище. Это тяжелая неустанная работа, бесконечная, изнурительная и только иногда благодарная.

—Ты говоришь о вере?

—Не только о ней. Мы, видишь ли, ищем в другом свою мечту. То, что более всего отвечает нашим представлениям о совершенстве. И, найдя, поступаем по-разному. Или только обладаем, пользуемся, грубо говоря, или растим и оберегаем, боясь прикоснуться. А иногда—старемся расти, соответствовать, так сказать. Последний путь—самый тяжелый. Мало кто в состоянии долго выдерживать такое напряжение. Как правило, все сходят с дистанции.

—Почему?

—Потому что мы несовершенны. Трудно соответствовать эталону, всю жизнь тянуться за ним, особенно если сам—не эталон. Мужчины, как правило, сдаются первыми. Они уходят от идеальных жен к неидеальным любовницам, ведут себя с ними как животные, чтобы потом вернуться к своей идеальной жене в идеальный дом с идеальными детьми.

—Я не понимаю, что не так? Женщина старается изо всех сил соответствовать идеалу, который он в ней нашел, а ему что же, не нужен идеал?

—Нужен. Три раза в году, по большим праздникам, чтобы показать друзьям, соседям и сослуживцам на новогоднем корпоративе. В остальное время ему нужен живой человек. Яркий, ранимый, с внутренним светом, пусть даже не идеальный, но притягательный в своих неровностях и недостатках. Настолько сильно притягательный, что скучаешь за этими самыми неровностями и недостатками, когда они исчезают. Не понимаешь?

—Мы влюбляемся в идеал, но любим только личность. Это понимание, вероятно, приходит со временем.

—Да, на третьей стадии. Счастливого равновесия. Когда жажда уже стихает, страсти улеглись. Ты просыпаешься утром, смотришь на свою женщину—как она спит, свернувшись калачиком, у тебя на плече— и чувствуешь такой невероятный прилив нежности и счастья, что у тебя сердце замирает. Ты вдруг понимаешь, что она и есть твоя жизнь. И все, что тебе нужно, в чем ты нуждаешься, находится там, где живет она. Ее запах. Ее голос. Ее мечты. Ее заботы. Ты понимаешь, что растворился в ней, как она в тебе. И это единение—которое люди называют второй половинкой—и есть начало любви.

—Ты сказал «начало любви»? Я не ослышалась? А до этого что было?

—Только ее предчувствие, дитя. Незрелые души застревают на первых стадиях, не в состоянии идти дальше. Как я тебе уже говорил, любовь перестраивает личности полностью, до последнего атома. Тот, кто застрял по дороге к ней, неизлечимо, паталогически не приемлет любовь. Для него это вирус, смертельная болезнь, которая отторгается его организмом. Организм как умеет борется с ней. Но, как правило, проигрывает. Отсюда—ревность, ненависть, безумие.

—Ты изобрел нечто невероятное. Прекрасное и ужасное одновременно.

—Мы с тобой не пойдем дальше, дитя мое. Высокая любовь—предмет отдельного разговора. Думаю, твои читатели вряд ли к нему готовы.

—А я? Я готова?

—Мой вирус на тебя не действует. Твои чувства, как и твоя любовь, мне неподвластны. Кроме того, у тебя на первом месте совсем другое.

—И что? Что именно у меня на первом месте? Ты хочешь сказать, что я бесчувственная деревяшка?

—Ну что с тобой, малышка? Обиделась? Когда я говорю, что твои чувства мне неподвластны, я именно это и имею в виду. Естественный иммунитет на энергии, рожденные нашей вселенной—твое спасение и твое проклятие, если хочешь. Ты не можешь заразиться нашими болезнями, а, значит не можешь умереть от них, как мы. Мы не понимаем твоих чувств и поступков, а ты с трудом разбираешься в на-

ших. Уже то большое благо, что длительное пребывание среди людей научило тебя их чувствам и дало представление о их желаниях и побуждениях.

—Ты говоришь о логике моих поступков? Я не пытаюсь ее найти уже давно.

—Я говорю, что твой внутренний свет иногда не соотнобразуется с правилами нашего общежития. Я уже привык. Но моих братьев это шокирует.

—Но хоть какую-то стадию любви я в состоянии усвоить, переварить, если хочешь?

—Как и все люди, на уровне химических процессов вполне себе перевариваешь первые две стадии. Но до третьей так ни разу и не дошла.

—Почему?

—Она требует растворения в любимом существе. Взаимное, так сказать, поглощение друг друга. Ты на это не способна. Ты слишком цельная. У тебя свои представления о счастье. И у тебя есть долг и дорога, по которой ты идешь. Твой внутренний компас— я бы сказал ограничитель, переключатель—срабатывает при перегреве. Как только твой партнер заговаривает от вечной любви, он тут же выключает электричество.

—Смешно. Я одна такая неправильная? Или есть кто-то еще, похожий на меня?

—Многие люди похожи на тебя, но совсем по другим причинам ведут себя так же, как ты. Те, кто боится влюбиться—

это как правило несчастные влюбленные, пережившие тяжелое расставание. Или те, кто не умеет любить в силу высокой влюбленности в себя—место, понимаешь, пьедестал, уже занято.

—А темные личности? Дети темноты?

—О, они умеют любить. И любят страстно и неистово. Но их жажда настолько сильна, что, как правило, выпивает предмет любви до дна. Это заканчивается всегда трагедией. Всегда.

Глава третья. Город счастья

Часть 1. Башня равновесия

—Вам помочь?

Куда я шла? Глаза слепил белый-белый свет. Ничего не существовало, кроме света. Я ощущала по ногам твердь, и еще то, что она уходила к белому горизонту. Но все оттенки белого сейчас казались единым сплошным мучением.

—Давайте руку.

Кто-то поднял меня с поверхности, на которой я сидела. Я увидела очертания человеческой фигуры. Только контуры, более резкие чем окружающая хирургическая белизна.

—Меня зовут Сирамэ, —сказал мужской голос. —Чем я могу вам помочь?

—Где я нахожусь?

—В Городе счастья. Мире Хранителей Жизни.

—Никогда не слышала о таком.

—Это новый для вас уровень. Посмотрите вон туда.

Мы стояли на большой площади величиной со стадион. Ее окружали массивные огромные здания, поднимающиеся вверх словно свечи.

—Это площадь Пяти башен, —пояснил Сирамэ. —Хранителей Жизни пятеро, каждый обитает в своей башне.

—У вас красивое имя.

—Спасибо, —поблагодарил он. — Я служу в Башне равновесия. Не желаете ли пройти со мной?

—Я бы хотела посмотреть город.

—В вашем состоянии это неразумно, —ответил он спокойно. —Вы несколько возбуждены. Это из-за смены энергий. Высокая энергия поначалу вызывает такую реакцию, пока ваша память и зрение не восстановятся, и вы не примите ее. Прошу вас.

Более не настаивая, я последовала за весело щебечущим существом. Постепенно мое зрение немного привыкло к окружающей белизне. Площадь оказалась гораздо огромнее, чем мне показалось вначале—мы все шли и шли, но все еще не добрались до башни.

—А как велик Город счастья?

—О, он очень велик, —ответил мой провожатый.

—А где он расположен?

—На том же уровне, что и святилище стихий, —ответил он. —Это высший уровень высокого мира.

Впереди белое сгустилось, образуя форму—и мы прошли сквозь стену. Сирамэ поклонился—и исчез. Я осталась стоять среди белого безмолвия, ощущая, что стен нет, а есть только бесконечность.

—Ничего не хочешь мне сказать? —спросил негромкий голос, густой и насыщенный, словно крепленое вино.

Присмотревшись, я поняла, что стою на берегу белого

океана. Белый песок был молочного оттенка, а вода—глубокой чистой белизны.

—Ничего.

—Ты не контролируешь свои эмоции, —продолжал голос, —и это может привести к катастрофическим последствиям.

—А тебе что до моих эмоций? —отозвалась я.—С тех пор как прошла инициация стихий, эти вспышки происходят постоянно.

—Надо учиться контролировать себя и держать стихии в ежовых рукавицах.

—Кто ты такой, чтобы учить меня, что делать? —огрызнулась я.—Какое тебе дело?

—Мне нет дела до твоего настроения. —ответил он спокойно. —Но есть дело до твоей силы, которую это настроение выводит из равновесия. Я —хранитель равновесия. Ты находишься в башне равновесия.

Мы помолчали. Потом я заговорила.

—Белое море. Белый песок. Белый воздух. Почему все такое яркое и белое?

—Чистое и белое—это катализатор, —отвечал он. —Так нам легче контролировать силовой и эмоциональный фон. На белом его колебания проявляются разноцветными линиями, которые хорошо видны.

—Я не совсем понимаю. —отозвалась я, усаживаясь на песок в нескольких шагах от воды и рассматривая высокую худую мужскую фигуру из сгустившегося света в молоч-

но-белой накидке и с белыми волосами, которая стояла ко мне спиной, всматриваясь в белый горизонт. — Мне казалось, у стихий для этого есть координатор.

— Мы не имеем отношения к стихиям, — отвечал он. — Стихии отвечают за создание и функционирование жизни. Хранители жизни отвечают за циркулирование Силы.

— Разве это не оно и то же?

Он повернулся ко мне и, пройдя отделявшее нас расстояние, уселся на песке рядом со мной. Я почувствовала исходящее от него тепло и ощутила форму и наполненность, словно от живого человека. Но ровный белый свет, который исходил от него, не позволял мне рассмотреть подробностей его внешности, если она, конечно, была. Я просто ощущала его как взрослого мужчину с узким лицом, покрытым продольными морщинами, спокойного и сурового. Слишком умного и взрослого для меня.

— Представь себе, — заговорил он голосом профессора математики, который объясняет балбесу теорему Ферма. — Поле, на котором две команды играют в футбол. Центром игры является мяч, объект вожделения всех игроков команды. И нападающий, и защитник, и вратарь, и даже тренер команды, стоящий за границами поля, не отрывают глаз от мяча. Все мысли и желания каждого из них, и даже болельщиков, которыми забит стадион, сосредоточены вокруг этого белого мяча. Чего они хотят от него? — Он помолчал и сам ответил: — Насладиться той властью, которую он им дает. Каж-

дый из них желает завладеть им, хотя и по разным причинам. Он дает власть над окружающим миром. Он притягивает, как магнит, внимание и жажду других. Это так заманчиво— взять его в руки и подняться с ним на высшую ступеньку, пьедестал, и, подняв его над головой, услышать восторженные вопли болельщиков, чья команда одержала победу. Или просто вести его до ворот под восторженные крики и забить гол. Или отбить мяч, вызвав вздохи восхищения. А болельщики? Да они жизнь готовы отдать, чтобы получить этот мяч, которым играла любимая команда.

Он помолчал. Потом заговорил снова.

—Но мяч всего один. Можно было бы дать каждому игроку по мячу, но тогда не получилось бы такой захватывающей игры. Сила—это и есть мяч. Ее источник всегда один. Она сосредотачивается в одном месте, в центре. Оттуда она расходится по высокому миру. Сила дает власть над миром. Стихии дают миру жизнь. Сила дает превосходство одного живого существа над другим. Она формирует систему отношений, в основе которых лежит могущество, полученное из источника.

—И где этот центр? —спросила я.

—Здесь—Хранитель кивнул на воду, которая плескалась в нескольких шагах от нас.

—Неужели...?

—Вечное море. Источник силы находится в нем. Оно распределяет ее по высокому миру по ему одному известному

принципу, и причины, по которым то или иное живое существо получает силу, нам не всегда понятны. —Он помолчал. —Живое существо не получает силу, а только подключается к ней. Источник всегда был и остается один.

—Не понимаю.

—Ни одно живое существо в высоком мире не в состоянии удержать силу, полученную из источника. Когда идеал создает высокий мир—тебе, наверное, говорили— на формирование стихий он тратит энергии примерно с половинку твоего мизинца. Источник силы, который он создает для высокого мира, и того меньше. Идеал выделяет количество силы размером примерно со спичечную головку. Когда Вечное море определяет носителя, оно подключает его к источнику силы. Но это всегда только связь—исчезнет источник, исчезнет сила.

—А как их определяют, этих носителей?

Он вздохнул.

—Их выращивают. Иногда на выращивание одного носителя уходит несколько поколений живых существ. Кропотливо и постепенно мы формируем генетический и энергетический фон. Носитель должен иметь очень плотные структуры оболочек, чтобы сила не сожгла его. Это словно сейф с толстыми стенками, понимаешь?

—Понимаю.

—Твое последнее воплощение мы выращивали сто восемьдесят поколений, —продолжал он. —Нужно было обес-

печить возможность вырасти не только семечку, которое было спрятано в человеческой душе, но и дать ему возможность созреть и распусться. Это многократная нагрузка на оболочки. Генетический материал прародителей пробудился довольно поздно, когда включился первородный ген, потому твое созревание и расцвет пришлись на последнюю жизнь. Пока оболочки справляются. Посмотрим, что будет дальше —А в чем твоя задача?

—Я слежу за равновесием силы в высоком мире. При ее перебросе обговариваю с Леди возможности ее перераспределения. —Он надолго замолчал. —Твоя подруга крайне самолюбива и своенравна. Ее не всегда удастся убедить в необходимости выравнивания силы. У нее на все есть свое представление. Поскольку ей доверена эта функция, она считает возможным поступать по своему усмотрению. Иногда мы приходим к соглашению, иногда нет.

Он поднялся.

—Тебе пора, —сказал он. —Сирамэ тебя проводит.

И растворился в свете.

—Не обижайся на него, —сказал Сирамэ, провожая меня до окраины города. —Ему пришлось все утро исправлять то, что ты разрушила. Приводить в первоначальную форму. Он немного расстроен твоим поведением.

—Я сам расстроена своим поведением, —пробурчала я.

—В следующий раз, если будешь в настроении, сможешь увидеть Город счастья.

— У вас бывают гости?

—Совсем не бывает. Высокая энергия убивает всех, кто коснется ее.

Мне показалось, он улыбнулся. Но кто их поймет в этом белом свете?

Часть 2. Час перед рассветом

В темноте слабо мерцала поверхность воды. Был тот тихий час перед рассветом, когда тени еще прозрачные и синие, но утро уже угадывается. Я стояла на холодном песке. Сквозь камыши проглядывало озеро, темное и спокойное. На горизонте тлел едва заметный уголек света. В лицо дохнул прохладный ветер.

Так тихо. Так спокойно.

Из воды раздался тихий плеск.

— Не предлагаю присоединиться, — сказал негромкий мягкий баритон. — Ты у нас такая хрупкая и нежная. Того и гляди простудишься.

Присмотревшись, я заметила в просвете камышей высокую долговязую фигуру в закатанных по колени светлых брюках, заправленной в них просторной белой рубашке в тонкую голубую полосу, тоже закатанной по локти, и соломенной шляпе. Мужчина медленно брел в центр озера, которое, вероятно, было не очень глубоким.

— Он где-то здесь, — продолжал он спокойно и радостно. — А, вот он, красавчик.

Я думала речь идет о каком-то редком цветке, и безмерно удивилась, когда мужчина, опустив руки по локоть в воду, вытащил измазанное в тине маленькое лохматое существо. Существо возмущенно запищало и забарахталось в сильных

руках. Оно было совсем крошечным и легко поместилось на мужской ладони.

—Кто это? —спросила я с удивлением.

—Куинн, —ответил мужчина.

—Зачем вы его вытащили? —возмутилась я.—Ему, наверное, будет плохо на воздухе.

—Куинны только рождаются в озере. — Мужчина повернулся и широко зашагал к берегу, неся пищущее существо в ладонях. —Они совершенно беспомощны. Нуждаются в тепле и заботе.

—Разве у них нет мамы?

Он замер в метре от берега. Из-под шляпы на меня взглянули чистые серые глаза.

—А я как раз смотрю на их маму, —ответил он с улыбкой.

От неожиданности я упала на холодный песок и вытаращилась на странного человека. Он вышел из воды, сел рядом со мной и, положив мокрое существо себе на колено, стал откатывать рукава рубашки. Его босые ноги были совсем человеческие. Золотистого оттенка кожа, нежные ямочки на щеках. чувственные губы—он был стар и красив, не пошлой вызывающей красотой, а мягкой, неяркой, чарующей.

—Я их мама? —спросила я хрипло.

—Ты их придумала, —ответил он, поглаживая существо, которое, высыхая, стряхивало с себя кусочки серой тины.

Скоро она распушилось, превратившись в маленький золотистый шарик. Развернулись прозрачные перламутровые

крылышки словно у бабочки. Они засверкали, роняя токую золотую пыльцу. Существо радостно запело тоненьким нежным голоском—и взлетело с колен мужчины. Тот облегченно рассмеялся, провожая взглядом шлейф золотистого облачка. Покружив немного, куинн, завис рядом со мной, ласково рассматривая меня прозрачными сияющими глазами.

—Куинны очень необычные существа, —сказал мужчина. —Они летают по высокому миру, разбрызгивая золотую пыль на живущих и наделяя их особенной силой.

—Какой? —спросила я, чувствуя странную теплую нежность. —Любовь? Они дают силу любви?

—Не только любви. Способность к любви, дружбе, пониманию. Это сила, которая тянет живущих друг к другу, позволяет видеть в другом чистый свет и тепло. Она неудержима, словно магнит, притягивает живущих.

—Притягивает?

—Это сила притяжения, взаимопонимания, —ответил мужчина.

Он поднялся песка и неторопливо откатил отвороты брюк. Потом протяну мне руку.

—Я собирался пить чай. Не желаешь присоединиться?

Я взялась за теплую худую ладонь и встала. Сопровождаемые пением куинна, который продолжал летать над моей головой, мы углубились в заросли высокой травы.

Столик стоял метра в пятидесяти от берега на поляне, окруженной раскидистыми деревьями с мелкими темно-зе-

леными листьями. Едва мы уселись, нас тут же окружило облачко золотых пушистых существ.

—Когда куинн растрчивает свою силу, —заговорил негромко Хранитель притяжения, протягивая мне маленькую белую чашку с темным душистым чаем, —он возвращается ко мне и отдыхает. Я за ним присматриваю. Потом снова отправляется в высокий мир. Живые существа, которые способны видеть, очень любят их. Они стараются подставить лицо и тело под золотую пыльцу, чтобы напитаться силой притяжения, чистым светом счастья.

—Они такие крохотные и беспомощные, —ответила я с тоской, —их же может любой обидеть. Или поймать. Для себя.

—После того, как они высохнут, их невозможно поймать, —рассмеялся Хранитель. —Посмотри.

Он протянул руку к пушистому шару, но пальцы прошли сквозь него, ухватив только пустоту.

—Я принес, что обещал, —вмешался в наш разговор тихий мелодичный голос, и из-за деревьев появилась невысокая фигура.

Мужчина был тонок и изящен. Легкий белый костюм сидел на нем как влитой. Светло-русые волнистые волосы, зачесанные назад, отрывали породистое лицо с внимательными темно-фиолетовыми глазами. Как и Хранитель равновесия, он был стар и привлекал той неяркой спокойной красотой, которую обретают сильные уверенные в себе мужчины,

давно перешагнувшие порог зрелости.

Он сел на свободный стул, и, перегнувшись, передал Хранителю равновесия сверток в серой ткани.

—У тебя гостя, — улыбнулся он, сверкнув ослепительными зубами. —Позвольте отрекомендоваться. Хранитель разума и воспоминаний. Той силы, которая дает живому существу свободно мыслить и хранить воспоминания.

—Так это благодаря вам у меня не осталось памяти о жизни в вечности? —спросила я с улыбкой, вглядываясь в изящного джентльмена, который не сводил с меня своих удивительных глаз.

—Вы сегодня необыкновенно ярко сияете, —отозвался Хранитель разума и воспоминаний без тени смущения. —Такой чистый свет.

Он зажмурился мечтательно. Потом продолжил:

—Вы должны признать, милая моя девочка, что отсутствие памяти в вашем случае—благо. —Он откинулся на спинку стула, благожелательно поглядывая на кружащееся над нами облачко. —Отправляться в новое путешествие юной, беспомощной, хрупкой—и с грузом воспоминаний о прожитых жизнях, любви, которую потеряла, врагах и друзьях, событиях, победах и поражениях... Да этот груз придавил бы вас каменной плитой.

Я улыбнулась и ответила:

—Думаю, мы еще поговорим об этом.

—Это замечательная мысль, моя милая. —Он улыбнулся,

потянулся к моей руке и осторожно поцеловал пальцы. —
Значит, у меня есть надежда снова увидеть вас.

Часть 3. Пепел памяти

—Вернулась.

Вокруг меня разворачивалась картинка набережной, по которой неспешно прогуливались парочки. Свежий бриз, мягкое неяркое солнце, темно-серая вода внизу, за каменной оградой, и отполированный белый камень под ногами— покой и легкая расслабленность ощущались почти физически.

Мужчина в свободном летнем костюме, белой шляпе с большими полями. шелковой белой рубашке, в манжетах которой поблескивали золотые запонки, и с золотым зажимом на светло-коричневом галстуке, подставил мне свой локоть.

Я молча вложила свою руку, и он неторопливо и вальяжно зашагал, вливаясь в толпу отдыхающих. Время от времени он степенно кланялся высоким красивым мужчинам и изящным женщинам в дорогих длинных платьях в манере конца восемнадцатого века, приподнимая свою прекрасную белую шляпу. Стоял тихий гомон из негромких голосов, легкого смеха и шума ветра, который трепал мои волосы и теребил край покрывала.

—Не хочешь представить мне свою очаровательную спутницу? —обратился к Хранителю немолодой очень красивый мужчина в добротном сером костюме с тросточкой в руках.

—А не слишком ли ты высокого мнения о себе? —отвечал мой спутник небрежно, но глаза сверкнули холодно и яростно.

но. —Чтобы быть представленным этой леди, тебе потребуется прожить еще хотя бы пару миллионов перезагрузок.

Мужчина удивленно приподнял брови, внимательно вглядываясь в мое лицо.

—Госпожа, —прошептал он и, поклонившись, растворился в прозрачном воздухе.

—В верхних уровнях высокого мира все так запутано, —отозвался мой спутник извинительно. —Вам еще придется привыкнуть к нашей манере общения. Мы живем в иллюзии, которую сами для себя создаем. Но иногда так свыкаемся с ней, что перестаем замечать ее призрачность. Большая часть тех, кого вы видите—не существуют. В основном, женщины. Верхние миры —это мужские миры. В них почти нет женщин. Кроме того, нас очень мало. Поэтому иллюзией мы разбавляем этот недостаток.

—Почему вы не берете себе женщин из нижних уровней?

—Никто не может выжить здесь, —отвечал он. —Только мы. Кроме того, за свою долгую жизнь мы постепенно утратили интерес к подобным развлечениям.

Он остановился у парапета и, опираясь руками о каменную кладку, стал смотреть на море. Я замерла рядом с ним, с наслаждением вдыхая свежий морской воздух. Внизу, метрах в двадцати, начинался пляж с белым песком. Серые волны, медлительные и спокойные, прекрасно вписывались в общую атмосферу неги и покоя. Только черные тучи на горизонте и отсутствие солнца добавляли диссонанса в общую

картину.

—Мы стали холодны и безразличны, —продолжал он. — И равнодушны к чувствам других. Не знаю, как это произошло. Просто однажды ты просыпаешься утром и понимаешь, что тебя больше не трогает рассвет, и тебе не интересен женский смех или детских плач. Что ты стал безразличен к чужой боли, и страдание больше не трогает тебя.

—Думаю, это из-за силы, которую вы контролируете, —ответила я задумчиво. —Власти, что она несет в себе. Вы начинаете понимать, что ничего кроме власти вас больше не трогает. —Я помолчала. —Ведь это так заманчиво—смотреть в глаза живому существу и ощущать, что оно полностью зависит от тебя. Что ты можешь сделать с его жизнью все, что захочешь.

—Вы хотите вернуть свою память, —ответил он, не отводя глаз от горизонта.

—А вы против? —уточнила я холодно.

—Я просто не могу этого сделать, —ответил он негромко. —Ее нет. Она выжжена полностью. —Он помолчал и добавил. —И не мной.

Я повернулась и посмотрела на него, но он даже не дрогнул.

—Мне это тоже показалось довольно странным решением, —продолжал он. —Пока я не проанализировал происходящее. Как правило, память мы никогда не выжигаем. Только блокируем. Когда живое существо переводят на следующую

щий уровень развития, как, например, это бывает с человеком, перешедшим в духовный мир из физического, блокираторы снимаются, и память восстанавливается полностью. Живое существо начинает ощущать себя полноценной личностью. С грузом воспоминаний и потерь. Поэтому сначала я решил, что память вытерта частично, потому что вы не хотите помнить какие-то эпизоды своей жизни, что они не нужны и лишни. Вы так обычно и поступаете, когда возвращаетесь после очередного путешествия и завершения развития высокого мира. Вы всегда убирали все эмоции и воспоминания о привязанностях и потерях, оставляя только рациональность и целесообразность, голый смысл.

Он повернулся и посмотрел мне в глаза.

—Но в этот раз все случилось не так. Вы выжгли не просто воспоминания. Вы полностью уничтожили свою жизнь. Спалили ее дотла. Ушло все, даже личность, набор черт. Вы словно захотели всмотреться в себя до самой глубины. Понять кто вы. Чего хотите. Какая вы.

—Разве это возможно? —спросила я глухо. —Когда ничего не остается? Ты становишься словно чистый лист, на котором ничего не написано.

—Вы ошибаетесь, —отвечал он, с трудом отводя от меня глаза. —Вы никогда не замечали, что наши поступки и страдания все время движутся по одной и той же колее? Неудачные однотипные мужчины. Однотипные конфликты. Однотипное страдание. Мы все время наступаем на одни и те

же грабли. Потому что наши наклонности, привязанности и поступки проистекают из нашей внутренней сути, которую невозможно изменить.

Он снял шляпу и запустил ее словно бумажного змея. Ее подхватил ветер, и она, кружась и танцуя, словно белая птица, полетела в сторону темной воды.

—Думаю, вы искали тишину, которая живет в вас. Себя, настоящую. Потому что потерялись в обилии жизней, чувств и событий. Поэтому вы уничтожили все, что было вами. Осталась только суть. Думаю, вы хотели понять не столько, кто вы. Сколько что есть вы. И заодно посмотреть со стороны на все, что построено, холодно, отстраненно, критично. —Он надолго замолчал и добавил совсем тихо. Так, что я едва его слышала: —И так легче уйти. Убить всех нас. И все начать сначала.

Часть 4. Ромашковое поле

— В какой-то мере жизнь не очень отличается от войны.

Голос разносился над ромашковым полем, глуховатый, негромкий, сочувствующий. Я сидела среди цветов, вдыхая их горьковатый запах. По ярко-голубому небу носились небольшие облака. Чистый воздух звенел как струна.

—Если ты о сегодняшнем утре, то, вероятно, так оно и есть.

Я подставила лицо солнечному свету, наслаждаясь покоем и теплом, в которых сейчас нуждалась.

—Ты не уступаешь ему в силе воле и мужестве. —продолжал голос. —Но хватит ли у тебя стойкости выдержать его напор? Он властный, жесткой и безжалостный правитель миров. Он не привык, чтоб ему перечили. И он будет продолжать искать способ подчинить тебя, безоговорочно и навсегда.

—Лучше умереть.

Голос хмыкнул.

—Посмотри на это поле.

Мужчина в белой рубашке и свободных летних брюках опустился на большой серый камень метрах в пяти от меня. Он был высоким и светловолосым, с загорелыми руками и обветренным лицом интеллектуала. Странное сочетание силы и беспомощности в его глубоко сидящих глазах цвета со-

жженного пепла огорчило меня.

—Ты знаешь, как растет цветок? Ему необходимо преодолеть множество препятствий, чтобы добиться права расцвести. Сначала семечко должно напитаться влагой и соками земли. Набухнуть, чтобы оболочка стала мягкой и дала возможность ростку отправиться в путешествие. Потом ростку придется упорно пробивать себе путь наверх, искать просвет между камнями и твердыми участками почвы. Наконец, когда он выберется наверх, преодолеть холод, ветер, зной, дождь, безразличие человека и других существ, которые могут сломить его. —Он сидел, сцепив пальцы в замок и положив их на колени, и пристально смотрел на меня. —У цветка мало шансов победить жизнь. И все-таки он это делает. В нем живет сила. Сила воли, бесстрашие, которыми наделены не все живые существа.

—Я уж точно не наделена, —пробормотала я.

—Ошибаешься. В тебе его более чем достаточно. —Он замолчал. —Страх—бич человеческой цивилизации. Большинство проблем, необдуманных поступков и потрясений проистекают из страха. Мужество не каждому дано.

—Ты Хранитель мужества, силы воли?

—Да, это я. Только, знаешь ли, я вообще не управляю этой силой. Я только храню ее. Когда живое существо, ее носитель, умирает, сила возвращается в меня. Я не выбираю, в кого она вселится в следующий раз. —Он встал с камня. —Иди за мной.

Мы пересекли ромашковое поле и углубились в лес. Под старым деревом с белой корой Хранитель остановился. В высокой траве лежал птенец.

—Он учится летать, —сказал Хранитель. —Если бы это происходило в физическом мире, у него было бы мало шансов. Он пробует раз за разом, но все время падает. Его уже или съела бы кошка, или затоптали прохожие, или он бы умер от голода.

Хранитель осторожно поднял птенца и усадил его в гнездо, которое темнело между ветвей.

—Он бы мог отчаяться и прекратить попытки, —продолжал Хранитель. —Что его толкает вперед? Что заставляет раз за разом преодолевать неудачу? Что не дает отчаяться? —Он вздохнул. —Все восхищаются сильными, бесстрашными лидерами. Которые не боятся брать на себя ответственность за себя и других. Которые способны повести за собой. Которые спокойно смотрят в лицо опасности, отчаянию и даже безумию. Их становится все меньше. Сила все чаще, возвращаясь, остается во мне и никуда не уходит. Я чувствую, как она прибывает, и чувствую, как исчезает из высокого мира. Скоро он превратится в сборище слабых испуганных хлюпиков.

—Что это как не судьба? —вмешался другой голос, и я увидела, как в нашу сторону неторопливо движется невысокий мужчина в светло-коричневом костюме.

—Вы верите в судьбу? —спросила я.

—Почему бы мне не верить в нее, дитя мое. Я ведь Хранитель предсказаний. — Темно-карие глаза посмотрели на меня с интересом и мягкой грустью. — Не далее, как вчера вы имели возможность убедиться в их силе.

—Я думала, предсказания невозможны в высоком мире, где ничего не предопределено.

—Мы с моим братом, Хранителем мужества, довольно часто работаем вместе, — отвечал он, прислонившись спиной к дереву и наблюдая как птенец снова попытался взлететь.

Ему это почти удалось. Захлопав крыльями, он понесся по ромашковому полю, периодически взлетая над ним. Наконец, крылья поняли его и унесли в небо.

—Не понимаю, о чем вы.

—Видите ли, сила воли, мужество и целеустремленность живого существа в состоянии преодолеть тиски судьбы, — отвечал он, перестав следить з птенцом и устремляя на меня странный меланхоличный взгляд. — Оно может изменить реальность. А, значит, переписать будущее, которое предсказано. Оно может создать новое будущее и новый мир. Но, главное, оно может изменить свою собственную судьбу.

—Зачем вы мне все это говорите?

Темные глаза, растеряв свою меланхолию, стали пристальными и острыми как клинки.

—А затем, дитя, что вам следует избавиться от пагубной привычки носиться по высокому миру, подчиняясь только своим желаниям и чувствам. И научиться наконец-то управ-

лять ими, как и своим настроением. Это показатель взросления. Ответственность за свои слова и поступки лежит в основе развитой личности. Особенно если эти слова и поступки отражаются на других людях. Подумайте об этом.

Часть 5. Пожирающее пламя

Вокруг меня бушевал черный смерч. Ветер выл, черные вихри трепали мое платье и волосы, поднимая с земли пепел. На горизонте пылала ярко-алая полоса, словно вход в ад.

Я присела и взяла в ладонь легкий черный пепел, просеивая его между пальцами.

— Это ненависть, — сказал холодный ясный голос, и рев смерча был только его фоном.

— Ненависть — это не сила. А стихия.

Черный человек склонился надо мной. Тонкие губы растянулись в усмешке. Черные глаза сверкнули.

— Начинаешь понемногу осваивать материал? Разумеется, это не сила. Это ее следствие. Как бы ты назвала эту силу? Шевели мозгами, не ленись! Больная ненависть, страдание, отчаяние и злоба. То, что разрывает душу на части, опустошает, сжигает внутри все.

— Сила пламени, — произнесла я так, словно всегда это знала.

— Вспомнила или догадалась?

Он подал мне руку и помог подняться.

— Не знаю.

Мы не торопливо пошли к кровавому горизонту, и черный смерч радостно танцевал вокруг нас.

— Сила пламени. Отчаянная. Неистовая. Пожирающая.

Тот, кто поклоняется этой силе, не хочет никакой другой.

—Темный правитель.

— О, —усмехнулся Хранитель пламени. —Он мой давний и самый яростный поклонник. Он принадлежит мне без остатка. Он давно и всецело принял эту силу и отдает ей предпочтение перед всеми другими.

—Он безумен.

—Не без того. Это следствие сжигающего его пламени. Но разве она не стоит того? Он могуч, силен и страшен. Когда он приходит к тебе, огромный, черный, залитый с ног до головы кровью, с окровавленным мечом, который не могут поднять и десять мужчин, разве твое сердечко не замирает? —Не получив ответ, он продолжил: —Нет такой женщины в высоком мире, которая бы не отдала все что угодно, лишь бы оказаться с ним в постели. И эта глыба силы и власти у твоих ног.

—Он нравится тебе.

—Да. И я ему отдаю все свои запасы, все что у меня есть. Делаю его самым сильным, самым страшным и могучим в высоком мире. Я предвкушаю тот момент, когда придет время ему сделать свою работу и разрушить его. Это будет нечто грандиозное! Ему нет равных ни по силе, ни по страсти.

Он помолчал, потом спросил:

—Почему ты не пьешь эту силу? Рано или поздно тебе придется ей воспользоваться.

—Она сжигает все внутри. Остается только пепел.

—Так и есть. —Его глаза холодно блеснули, и он сжал изо всех сил мою руку. —Посмотри туда.

В черном провале пространства открылось окно.

Я увидела огромный белый трон, который плавал в перламутровой пустоте. На нем сидел Ариэль. Выпрямившись во весь свой огромный рост, он с силой сжимал подлокотники и смотрел словно внутрь себя. Слабо мерцали золотые нити на белом костюме. Сияли снежные волосы. Только глаза, холодные, прозрачные, далекие, и плотно сжатые губы говорили от напряженной мысли, глубокой работе.

—Он сейчас видит весь Счастливый мир, —говорил голос. —Каждого жителя. Чувствует, о чем он думает, чего хочет и о чем мечтает. Но не может сосредоточиться на их проблемах и заботах. —Сухая горячая рука сжала мою ладонь, и я очнулась. Черные глаза пронзали меня насквозь. —Иза тебя.

—Чего ты хочешь? —спросила я, вырывая руку.

—Предупредить тебя, —ответил Хранитель. —Прекрати дразнить его. Примь свою судьбу. Если ты не перестанешь мучить его, и он будет страдать из-за тебя, то будешь иметь дело со мной.

И растворился в темноте.

Часть 6. Сила воображения

—Не получается? —спросил голос участливо.

Я сидела в темноте, стиснув голову руками, и молчала.

—Может быть, ты делаешь что-нибудь не так? —продолжал голос. —Пытаешься думать. А нужно попытаться мечтать.

Я подняла голову. Фигура имела только контуры человека. Она была ярко-белой и такой слепящей, что болели глаза. Вокруг нее танцевала и искрилась радуга. Разноцветные брызги освещали ночь, превращая ее в волшебство.

—Не могу придумать название для книги. Ведь это важно—название.

—Ты так считаешь? —удивился голос. —Мне кажется гораздо более важным, чтобы ты не заостенела, на разучилась мечтать. Воображение, знаешь ли, это все для творца. Как он может придумать что-то новое, если у него не будет этой силы?

—Ты Хранитель силы воображения?

Мужчина радостно закивал.

—Представь себе мир, в котором отсутствует воображение. Что его ждет? Нет чудаков, раскрашивающих жизнь окружающих картинами своих снов и мечтаний. Нет художников и поэтов. Нет музыкантов и писателей. Нет сказок. Нет волшебного мира грез, куда мы уносимся, чтобы забыть о

серости повседневной жизни. Мир циников и педантов, холодный и неприветливый—вот что такое жизнь без воображения. Я уже не говорю о тех ярких картинах, которыми нас озаряет любовь.

—Иногда они обманчивы, —отозвалась я.

—Без сомнения. Девушка рисует в своем воображении принца. Им может для нее стать самый заурядный юноша, но она расцветит его такими достоинствами, что не заметит, как влюбится. И юноша в свою очередь делает из любимой девушки мадонну. В его воображении она похожа на сказочную фею, такая же легкая, воздушная и прекрасная. Воображение делает нас чуточку лучше, разве это так уж плохо?

—Не все воображение светлое.

Он вздохнул и провел рукой вокруг себя.

Вместо радуги закружился черный вихрь, сухой и колючий.

—Разумеется, не все. Например, ревнивец. Видишь, какого цвета сила его окружает? Она черна, удушлива и тяжела. Она полна злости, ненависти и жажды. Мужчина-ревнивец рисует в своем воображении отвратительные картины измены и предательства, раскрашивая их подробностями и придумывая детали. Ему безразлично, что его женщина, вероятно, любит только его одного. Его болезненное воображение не унять, пока оно не получит пищу, которую жаждет. —Хранитель вздохнул. —Иногда его успокаивает только смерть.

—А убийцы? Маньяки? Какого цвета у них сила вообра-

жения?

—Чаще всего у них она отсутствует. Там, знаешь ли, пре-
валирует другая сила.

—Сила смерти?

—Нет. Власти. Как правило, основной побудительный мо-
тив таких индивидуумов—желание власти над беззащитны-
ми, слабыми и беспомощными.

Я промолчала. Он протянул руку и поднял меня с пола.
Один и шаг— и я окунулась в высокое голубое небо. Вокруг
расцветал белыми и розовыми цветами яблоневый сад. Ле-
пестки кружили вокруг моей головы, складываясь в венок.
Нежный аромат сада забирал горечь, но не мог излечить от
печали.

—Как ты распределяешь силу воображения? —спросила
я, следя глазами за Хранителем, который ловил руками тан-
цующие лепестки.

—О, никак! —рассмеялся Хранитель. —Она меня совер-
шенно не слушается! Носится, где ей нравится, и оседает
на тех, кто ей приглянулся. Она может до краев наполнить
одного, и совершенно ничего на дать другому. И я—ну ни-
как—не могу повлиять на нее!

Он неожиданно обернулся ко мне. И мне показалось, что
он пристально всматривается в мое лицо.

—Тебе нужно отпустить ее, —сказал он негромко. —От-
пустить ее погулять. Не надо удерживать ее в себе. Ей надо
напитаться запахами зеленых лугов, синего неба, цветами,

свежим ветром. Она нагуляется и вернется к тебе обновленной. Не держи ее в клетке. Не насилуй. Тебе это не нужно. Ты и так наполнена ею до краев. —Он помолчал. —Каким же еще может быть творец?

Часть 7. Серые камни

Море было беспокойным. Холодный серый берег устилали большие, обточенные водой, камни. Они оказались на удивление теплыми. Вобравшись на одну такую маленькую гору, я стала смотреть как на нее накатывают огромные волны, сливающиеся на горизонте в таком же угрюмом небом. Ледяной ветер прибирался под платье, и я поежилась.

—Здесь всегда так. —Чьи-то руки набросили мне на плечи куртку, и я вдохнула запах лимонов и шафрана. —Но мне нравится этот берег.

Мужчина со светлыми волосами и карими глазами казался слишком теплым, слишком живым для этого места. Он сидел на камне рядом со мной и, как и я, смотрел на море.

—Я могу забыть все то, о чем мы говорим, —сказала я грустью. —Ты пришел в мой сон. Я проснусь и не вспомню ни тебя, ни наш разговор.

—Это не важно, —ответил он. —Главное останется. На границе яви и сна тебе легче усваивать силу. Она слишком велика и отбирает много энергии у твоего тела. Оно уже тяжело восстанавливается, понимаешь?

—Да. —Я закрыла глаза и вдохнула морозный воздух. —Что ты делаешь в таком месте? Он тебе чужое.

—Мой дом там.

Мужчина кивнул в сторону темной точки в центре бушу-

ющего моря, на которой примостился большой серый дом.

Он подал мне руку—и мы легко перенеслись в огромный зал, заполненный неярким золотым светом. В центре зала, переливаясь жидким золотом, полыхал огромный шар. Он напоминал маленькое солнце своей консистенцией и небольшими протуберанцами, которые то и дело отрывались от его поверхности. Но, полетав немного по залу, они возвращались обратно к своему источнику.

—Вот, —сказал мужчина глухо, и я, пораженная странным отчаянием в его голосе, обернулась.

Он стоял у стены зала—только контур человека—такой же золотой и текучий, как и шар.

—Сила регенерации, —сказал он. —Способность дарить и продлевать жизнь, восстанавливать и оживлять. Прекрасная сила, основа жизни.

—Ты ее Хранитель.

—Да, я Хранитель силы регенерации, —ответил он.

—Но она никуда не выходит из этого зала, —возразила я с печалью.

—В высоком мире достаточно вечноживущих существ, —ответил он. —Они так берегут и ценят свою жизнь, что озабочены только своим вечным существованием. Их перестали интересовать проблемы тех, кого они создают. Они стали безразличны и холодны. Вечная жизнь—большое испытание чистоты и порядочности. И не все его выдержали.

—Поэтому ты закрылся в этом месте и перестал выпус-

коть силу в высокий мир?

—Я бы не смог удержать ее, если бы не Хранитель силы разрушения, —ответил он, и у колонн повисла темная тень, похожая на сгусток черного дыма. —Он поставил барьер между силой регенерации и остальным миром. Это море и все, что окружает замок—и есть такой барьер.

—Сила разрушения, —выдохнула я, вглядываясь в сгусток темноты. —Разрушитель черпает ее у тебя?

—Разумеется, —ответил низкий тягучий голос. —Он самый сильный. Он велик и могуч. И всегда получает то, что ему нужно.

—И безумен.

—Это обратная сторона силы. —В тоне послышалась насмешка. —Но, кажется, тебя это не смущает. Ты ведь неплохо справляешься с ним. Если, конечно, вы не ссоритесь. Тогда я чувствую тебя так же ярко, как и его.

—Я иногда не могу справиться с собой, —ответила я.— Он бывает невыносим.

—Власть избранника, владеющего силой разрушения, огромна, —отвечал Хранитель сила разрушения. —Нельзя ожидать от него покорности или преклонения. Это перед ним все склонятся, в конце концов. Именно он способен разрушить высокий мир. И тебе как никому это известно.

Часть 8. Переключатель

—Входи, дорогая, —произнес нежный женский голос. — Не бойся. Тебя здесь никто не обидит.

Голубой свет густился полom и растекался воздухом, если в таком месте, как это, уместно такое слово. Субстанция сияла и переливалась словно живая. Она образовывала маленькие воронки, которые носились по высокому залу. И она была прекрасна.

Женский силуэт, который соткался из нее, тоже был прекрасен. Легко трепетала тонкая ткань прозрачного голубого платья. По плечам струились волнами голубые волосы. Я не видела лица женщины. У нее не было лица. Как не было и формы. Ее легкость, летучесть, невесомость завораживали сильнее отточенной красоты черт.

—Ты чем-то возбуждена и расстроена, —продолжала она, опускаясь на невысокое возвышение из камня, напоминающего прозрачный аквамарин. —Где ты была до меня?

—У Хранителей регенерации и разрушения.

—Тогда понятно, —Она легко вздохнула. —Тебе показался странным их союз.

—Да. Мне показалось, что Хранитель разрушения никогда уже не выпустит силу регенерации. Хранитель регенерации больше напоминает пленника.

—Так и есть, —ответила она. —Срок высокого мира дви-

жется к концу. Кто же согласится впускать в нее миллионы вечноживущих, способных к восстановлению, существ. Подойди, присядь рядом со мной.

Я опустилась на голубой камень, ощущая легкое движение воздуха, неуловимое очарование прохлады и пустоты. Это больше всего напоминало холодный бриз, зимнюю стужу, которая незаметно, но неотвратимо высасывает из тебя тепло. Но у меня не было ни сил, ни желания сопротивляться ее холодному очарованию.

—Ты очень красива, —заговорила я. —И чем-то похожа на меня.

—Так и есть, —ответила она, и нежный голос разнесся словно колокольчик по бесконечному залу. —В какой-то мере мы все—только часть тебя. Ведь ты отдаешь миру, который строишь, все, что есть в тебе. И засыпаешь совершенно опустошенной.

—Красота. холодность и тишина, —произнесла я задумчиво. —Неужели это...?

—Сила смерти, —Она согласно кивнула. —Напрасно человеческие существа воспринимают смерть как нечто уродливое.

—Для человека смерть —это боль, кровь и страдание.

—Это только в начале, когда идет процесс отторжения плоти, —отвечала она, беззаботно смеясь. —Потом прихожу я, и со мной чистота, голубой свет и покой. Исчезает страдание. Исчезает боль. Остается только прекрасный холод.

—Черный клоун..., —начала я прозреть. —Он нашел тебя и договорился с тобой.

—Разумеется. —Она рассмеялась. —Мы познали друг друга. Я очень люблю его. И даю ему все, что он не попросит.

—А какова плата? —Я посмотрела на нее с интересом. —Он твой любовник.

—Ревнуешь? —Она залиvisto рассмеялась.

—Нет. Мне интересно, чем он расплачивается с тобой.

—Собой, —ответила она. —Но поскольку я бесплотна, то претендовать на него как на мужчину, не могу. Но наслаждение, которое я получаю и которое получает он, вполне реально.

—Это из-за тебя он стал таким холодным и безжалостным? —спросила я глухо.

—Не совсем. —Она помолчала. Потом ответила: —Когда целую вечность гоняешься за женщиной, которая тебя не любит, поневоле станешь таким.

—Это благодаря тебе он всегда воскресает.

—Да. —Она вздохнула. —Разве ты не этого хотела? Ты ведь скучаешь за ним.

—Не знаю. —ответила я глухо. Потом спросила: —Это и есть тот самый переключатель, о котором все говорят? Переключил —и живое существо умирает?

—Это сила последнего вдоха, —ответила она. —Отбирающая жизнь. Ее капля есть в каждом живом существе.

Она положила прохладную ладонь мне на запястье и скло-

нилась надо мной. Я почувствовала холодный ветер, прикосновение стужи, но не имела сил отвернуться.

—Ты напрасно так переживаешь по этому поводу. —заговорила она проникновенно и ласково. —Твое сердечко просто затрепещет как пойманная птичка—и перестанет биться. Ты ощутишь сладкую свободу, золотистый нектар, который согреет и освободит тебя. Ты увидишь прекрасные бесконечные пространства, наполненные мирами и живыми существами. И поймешь, что свободна.

—Довольно уже, —сказал негромкий голос, и в голубой пустоте сооткался образ невысокого плотного мужчины в темном костюме. —Отпусти ее.

Женщина недовольно отстранилась и произнесла голосом только что проснувшегося человека:

—Я не собиралась ничего ей делать—ее время еще не пришло.

—Но было похоже именно на это, —ответил мужчина и уселся справа от меня. Я почувствовала тепло его ладони на своей руке, и совершенно очнулась от холодного очарования голубой сирены.

—Сила первого вдоха и сила последнего вдоха—заговорил мужчина негромко, —это противоположности, на которых держится жизнь. Мы не существуем друг без друга. Сила первого вдоха дает живому существу жизнь, она включает все механизмы, заставляющие дышать, говорить, ходить, двигаться. Она превращает куклу в живое существа. Сила

последнего вдоха останавливает все процессы, превращая живое существо в мертвую куклу. — Он резко выпрямился. — Ты устала. Довольно с тебя на сегодня.

Часть 9. Уравнитель

Дорога формировалась под моими ногами, складывалась из летящих листьев, кусочков песка и щебня, словно кто-то рисовал ее, чтобы дать мне возможность идти. Вместо с дорогой разворачивались зеленые поля, далекие синие горы, небольшие рощицы низких деревьев с искривленными стволами, похожими на пальцы больного ревматизмом старика. Этот мир рождался под моими ногами, шаг за шагом. Тот, кто его рисовал, знал в этом толк—иллюзия была идеальной.

—Очень надо рисовать иллюзии, —проворчал голос. — Это все настоящее, чтоб ты знала.

На дороге, загораживая мне проход, сидел белый кролик. Он показался мне странным. Потому что все время менял форму. Начала уши стали короткими и острыми, потом передние зубы сомкнулись как у акулы. Вернулись длинные уши, но вырос пушистый хвост. И спина стала рыжей, а не белой. Потом вытянулась мордочка – и передо мной уже сидела помесь кролика и лиса. Я с интересом наблюдала как странное существо натягивает на себя формы различных зверей, словно не зная, на какой становиться. Через минуту передо мной сидела куница с хвостом павлина.

—Что с тобой такое? —спросила я.

—Это у тебя в голове каша, а не у меня, —отвечал появившийся из всего этого хаоса кролик, с ожесточением грызя

огромную морковку вместе с ботвой. —Я пытаюсь понять, какие звери тебе больше нравятся. Похоже, что пушистые.

—Оставь, —отозвалась я. —Мне действительно нравятся белые и пушистые, но к тебе это не имеет никакого отношения. Мне бы хотелось увидеть твою настоящую форму.

—А ты не испугаешься?

—С какой стати?

—Как хочешь.

Кролик исчез. На его месте появилось существо размером с пятилетнего ребенка, покрытое длинным ярко-фиолетовым пухом, который окружал его, словно облачко. Какой оно формы, понять было невозможно. Из пухового шара выглядывали большие круглые темно-фиолетовые глаза, маленький курносый нос и сверкающие острые зубы, которые смыкались как у акулы. Существо хрустнуло морковкой —и отбросило ее в сторону.

—Я вообще-то не ем такую гадость, —сообщило оно гнусавым низким голосом.

—Зачем ты морочишь мне голову? —спросила я с интересом. —Я уже битый час торчу здесь с тобой.

—Чтобы задержать тебя, разумеется, —ответил за фиолетовое чудовище чуть хрипловатый голос.

Невысокий черноволосый мужчина в жилете, брюках и рубашке кирпично-красного цвета появился неожиданно слева от меня. В левой руке он нес мягкую войлочную шляпу того же цвета. Увидев своего хозяина, существо отвернулось

от меня и припустило вперед по дороге.

—У меня возникли неотложные дела, вот я и задержался, — пояснил мужчина, пристально вглядываясь в меня глубоко посаженными черными глазами, которые вкупе с землистым цветом лица придавали ему болезненный и изнеможенный вид.

—Он сказал, что я должна его испугаться. Но мне он показался даже милым.

—Вряд ли так посчитает тот, с кем он встретится на дороге, — Мужчина покачал головой, следя за удаляющимся фиолетовым шаром. — Он может быть довольно агрессивным и непредсказуемым.

—Ты хотел сказать, жестоким и безжалостным?

—Именно это я и сказал.

—Он утверждал, что все вокруг не иллюзия.

—Так и есть. Но то, что ты видишь, создано исключительно, чтобы тебе было комфортно. Добро пожаловать в мой мир.

В тоне существа не было никакой радости по этому поводу. Мы какое-то время молча шли по дороге.

—Я очень признательно тебе за беспокойство о моем комфорте, — заговорила я, — но я прекрасно обойдусь без всего этого.

—Как угодно. Как угодно, — отозвался странный человек.

В то же мгновение пейзаж растаял. Мы шли в темно-серой пустоте, испещренной уходящими вверх столбами серебри-

сто-белого света. Одни были разной ширины, от тонкого, словно паутинка, до широкого, толще телеграфного столба.

—У слуг Жизни много обязанностей, —заговорил мужчина, вглядываясь в серебристые нити, которые причудливо извивались и двигались, словно живые. —Одна их них —обеспечить выравнивание жизненной силы. Я —Распределитель.

—Не понимаю, о чем ты.

—Наш творец разбрызгал по вечности энергию жизни, которую еще можно назвать жизненной силой. Это жажда жить, любить, рождать потомство. Это здоровье и долголетие. Она дает живому существу способность двигаться вперед, избавляет от немощи и старости. Но, к сожалению, жизненная сила распределена между живыми существами довольно неравномерно. Это произошло по разным причинам. Кому-то удалось удержать ее больше положенной нормы. Кто-то отобрал у других. В ком-то она застоялась по причине отсутствия перерождений. Как бы то ни было, у одних живых существ образовался ее переизбыток, к у других —недостаток. То, что ты видишь —это столбы энергии, которые бьют из каждого живого существа во вселенной. Я не могу выровнять все. Но устраняю существенный перекося.

—И как ты это делаешь?

—Отбираю жизненную силу у одного существа, чтобы наделить ею другого. Представь себе здорового деятельного человека, который неожиданно резко, без всякой причины,

заболевает. Или смертельно больного, который неожиданно для всех выздоравливает.

—Ты так можешь убить кого-нибудь.

—И что с того? Но по большей части избыток энергии я перенаправляю туда.

Он указал на возвышающееся в центре танцующих нитей темное каменное сооружение, похожее на башню.

—А что там внутри?

—Многие хотели бы знать это, — ответил он, покосившись на меня. —Но никто не вернулся, чтобы рассказать, что он там увидел. После того как они попадают внутрь, поле на некоторое время стабилизируется. Но потом все возвращается в прежнее состояние.

—Почему же ты не останавливаешь их?

—А зачем? —Он долго молча смотрел на сооружение. —Надеюсь, что кто-нибудь из них найдет способ перераспределить энергию таким образом, чтобы у всех ее было поровну. Чтобы все живые существа были здоровы и жили долго.

—Там что же, живет какое-то чудовище? —спросила я. —Которому ты приносишь в жертву путешественников? И за это оно выравнивает поле жизненной силы?

Не отвечая, он с силой толкнул меня— и я упала в пустоту...

—Ты должна простить моего слугу, —сказал голос тихо и насмешливо. —Он уверен, что совершает благое дело во имя жизни.

Я висела в темноте без единого проблеска света.

—И что ты сделаешь? — спросила я любопытством. —

Убьешь меня как тех, кто приходил раньше?

—Вот еще. Я никого не убиваю. Я—Уравнитель.

Рядом со мной выплыл образ, имеющий только контуры.

Они могли быть какими угодно— человеческой фигуры, шара или овала. Он переливался золотом и медью.

—И где же они?

—Собирают цветы на моих лугах.

—Значит, все же ты не отпустил их.

Он хмыкнул.

—Нет, разумеется.

—Но внутри башни пустота. Где же энергия, которую сюда перенаправляет Распределитель?

—Она ушла по назначению.

—Я не понимаю. Распределитель мечтает, чтобы энергии у всех было поровну.

—Это невозможно.

—Но если ты Уравнитель...

—Ты так и не поняла. Всех уравнивает только смерть.

Часть 10. Ржавый ключ

Дверь была очень мощной, тяжелой, перетянутой железными полосками, и с навесным замком, в котором торчал маленький ржавый ключ.

Странно... Никто даже не удосужился спрятать его.

Я осторожно повернула ключ в замке. Он со скрипом, но все же поддался. Немного помучившись, я открыла замок, сняла железные полосы и потянула за массивную ручку.

Потом я немного постояла перед открытой дверью, отдыхая и глядя в темный прямоугольник. Наконец, решившись, вошла внутрь.

Маленькая квадратная комната была совершенно пустой. Бледный дрожащий свет сочился с потолка, едва освещая пористые каменные стены и такой же пол.

— Думаешь, здесь ничего нет, — раздался голос. — Зачем тогда, по-твоему, было необходимо замыкать комнату?

Свет разгорелся немного ярче. В центре комнаты возникло небольшое каменное возвышение, на котором сидел мужчина. Невысокий, с копной светло-русых волос и серыми глазами, он казался обычным, неприметным. Мимо такого пройдешь на улице и не заметишь. Серая байковая рубашка с закатанными по локти рукавами, светлые фланелевые брюки и легкие сандалии — вот и вся его одежда.

— Что ты здесь делаешь? — спросила я.

—Сюда заточили силу, а ее Хранитель, —ответил он мягким баритоном. —Потому разделил ее судьбу.

—А что это за сила?

Он не ответил. Я знала, он не ответит, пока я сама не догадаюсь.

—Любовь?

—Нет. Любовь— новая сила. Она рождена этим высоким миром. Думаю, в следующий раз ты ее используешь. Когда ты строила этот, ее еще не существовало в твоём арсенале.

—А что с твоей силой случилось? Почему ее заперли?

—Она погуляла совсем недолго, —ответил он. —И успела разрушить все то, что построили остальные.

—И кто ее запер здесь?

—Остальные хранители. Они решили, что так будет лучше для всех.

—Сила правды, —сказала я, не задумываясь.

Он вдохнул, но не возразил.

—Как они посмели закрыть вас здесь? —возмутилась я.

—Если сила привнесена в высокий мир, значит она имеет право на существование.

—Остальные посчитали, что она нарушает гармонию.

—Горечь меняет вкус блюда, но в определенных количествах не портит, а только улучшает его, —возразила я. —Им нужно было только немного потерпеть, перестроить все заново, научиться жить в гармонии друг с другом. Как же так? Целую вечность? —Я горестно вдохнула. —Теперь я пони-

маю, почему правдолюбцы — изгои общества, почему их так мало, и они так презираемы остальными.

—Что собираешься делать? —спросил Хранитель, не предпринимая никаких попыток выйти.

Я посмотрела на него с печалью.

Ключ в замке... Ржавый, никому не нужный ключ. Никто даже и не пытался выпустить его.

—Разрушить твою тюрьму, —сказала я.

Без всяких усилий с моей стороны стены раскрылись словно лепестки цветка—и через мгновение растаяли. Мы стояли на берегу голубого океана. На горизонте пылала ярко-алая полоса. Близился рассвет.

Хранитель радостно рассмеялся и с наслаждением вдохнул прохладный воздух. Ветер ударил ему в лицо и растрепал волосы. Теперь я могла рассмотреть его лучше, поражаясь происходящей в нем перемене. Морщинки вокруг глаз разгладились, волосы засияли золотом, серые глаза вспыхнули и заискрились.

Он набрал полную грудь воздуха—и, раскинув руки, закричал от счастья.

Из него потоками полился ярко-золотой свет. Он был горячим, чистым и ослепительно прекрасным. На несколько мгновений Хранитель превратился в солнце. Свет растекался, растворяясь в высоком мире. Он катился все дальше и дальше, заполняя собой бескрайние пространства. Я видела каким-то другим зрением, как он впитывается в живое и

неживое, как растекается по островам, планетам и звездам.

Бывает ли поздно для правды?

Не думаю.

Но это всегда горько.

Я увидела, как молодая красивая женщина размахнулась—и залепила пощечину своему начальнику, который грубо приставал к ней на глазах других сотрудников. В большом зале наступила тишина. Я увидела глаза женщины, яркие сияющие и смеющиеся, полные такого облегчения и счастья, что сама рассмеялась. Потом... Все будет потом... Новая работа? Наверняка! Новая жизнь? Конечно! Она подхватила сумочку и легкую кофточку со стула и, смеясь, легко пробежала зал и скрылась в шумной улице.

Немолодая женщина в темной спальне вдруг открыла глаза и села на кровати. Задумчиво посмотрев на спящего мужа, она подскочила, вытащила из шкафа два больших чемодана и стала бросать в них мужские вещи. Когда чемоданы были закрыты, она подтащила их к входной двери и выставила за порог. Потом она растолкала ничего не понимающего мужа, с лица которого ее не сошли следы вчерашней попойки, сунула ему в руки рубаку и брюки и вытолкала за дверь. Пока он вопил что-то в коридоре, она позвонила слесарю и попросила поменять замок. После этого она села на краешек стула в маленькой чистой кухоньке и заплакала счастливыми слезами.

Мужчина лет сорока пяти в монашеской рясе стоял перед

настоятелем с маленькой котомкой в руках.

—Я ухожу, —сказал он, глядя в глаза старика чистыми как умытое небо глазами. —Я потерял Бога, пока шел к нему.

Я опустилась на белый холодный песок и заплакала.

Глава

Комментарий к третьей главе

—Невозможно создать идеальное существо из осколков знаний, которыми тебя пичкают твои учителя.

—Я не понимаю.

—Это только верхушка айсберга. Все равно что сказать; «А это Антарктида. Здесь живут пингвины и белые медведи. Теперь перейдем к следующему континенту». Так сейчас учат в школе на вашей распрекрасной Земле. Ребенок хватается верхушки. У него мозги плавятся не от логики, а от информации. Взрослым не хватает времени, население растет, текучка молодых умов сумасшедшая. В школе не хватает места. И на каждого ученика уходит ровно столько времени, сколько необходимо, чтобы поставить оценку в журнале. Никто не смотрит ребенку в глаза. Никто не ищет в нем проблески логики и здравого смысла

В мире информации пропадает живой свет, настоящее общение, в котором ребенок на запоминает, а понимает. В котором он может до всего дойти логическим путем. Сам найти путь в лабиринте. Раскрыть себя. Стать личностью в вашем мире теперь могут единицы. Потому что информационный поток напрочь отшибает мозги и способность думать.

Запоминание —это шаг назад в прогрессе развития лич-

ности. И шаг — громадный шаг — назад в цивилизации разумных существ. Но, кажется, это уже давно никого не беспокоит. Стадо равномерно тупых оболваненных овец предпочтительней волчьей стаи. Понимаешь меня?

— Понимаю. Но ты же не хочешь сказать, что меня учат точно так же.

— Нет, разумеется. Просто информация, которую ты сейчас получаешь, носит ознакомительный характер. Когда твои учителя переходят к чему-то более углубленному, они прячут его в подсознании, куда никому из нас нет доступа. И все же, даже то, что мы узнаем, повергает нас в шок.

Некоторые вещи выглядят просто невысказанными. Потоки силы и энергии, из которых состоит высокий мир, потрясают воображение. Я мог только предполагать, что основные потоки этих различных видов субстанций, соединившись в живом существе, рожают разум и личность. Но я никогда не думал, что они так активно взаимодействуют в этой самой личности.

Понимаешь, глядя в себя, я был уверен, что я статичен. Что моя личность, я сам — этот целостная независимая структура, которой никто и ничто извне не может причинить существенный вред. Я видел себя как плотное золотое нечто, субстанцию мысли, со сформировавшимися логикой, чувствами, воображением и прошлым. Как целостную личность, как самостоятельную единицу вечности.

Как же я ошибался!

Нет ничего более зыбкого и непостоянного, чем личность. Даже солнечный свет более целостен, чем она.

Мы — только сосуды, в которых колдуют гениальные алхимики. Под крышкой этих сосудов бурлят такие сумасшедшие энергии и процессы, что того и гляди сорвет крышку. Собственно, с некоторыми так и происходит. Теперь по крайней мере мне понятно, почему некоторые вечные сходят с ума. Должен принять то обстоятельство, что процент свихнувшихся богов — самый высокий именно в наших мирах, которые остальной высокий мир называет низшими мирами. Вероятно, по той причине, что мы стоим у истоков формирования вечных существ. Мы — колыбель высокого мира, потому процессы и реакции в нас проходят достаточно бурно, и для некоторых заканчиваются катастрофой.

— Ты думаешь, это стихийный процесс — соединение в одной личности энергии стихий и силы?

— Не уверен. Не забывай, что этот ведь разумные живые субстанции. Ветры, как ты их называешь. Подходящее название. Они проникают во все и меняют все. Стихии и силы переплавляют внутри зародившиеся структуры живого существа в такой невероятно комбинации, что просто волосы шевелятся. Необходимо отдать должное их воображению. Но, думаю, они никогда не знают, что получают на выходе в конце концов. Все же вечное существо — это высшая форма в пищевой цепочке живых существ, поэтому с ним возятся несколько дольше, чем с примитивными мирами.

—А вы когда создаете вселенные, разве не так поступаете?

—Нет, разумеется. Мы понятия не имели о сложностях построения вечного мира. Я уже говорил тебе—мы берем основу. И вкладываем в нее часть солнечного света—своей души—который получили при рождении. Этот солнечный свет, эта душа бога и есть результат комбинации стихий и сил. Мы используем уже готовый продукт, разбавляя его водой. Неразбавленное вино — это только для бога.

—Ты думаешь, они не мирятся между собой, силы и стихии?

—Уверен, что не мирятся даже внутри своих подвидов. Они слишком самодостаточны, безгранично могущественны и оттого самолюбивы. Насаждение собственной исключительностью, подчинение ей как можно большего числа живых существ—это желание преобладало и всегда будет преобладать в любой властной энергии или силе. Это неизбежно. На определенном этапе это происходит с любым живым существом— а стихии и силы, как ни крути, живые и мыслящие существа— которое не имеет соперника и всегда получает то, что хочет. Присутствие конкуренции ничего не меняет— в масштабе бесконечности она не так уж и велика. На самом деле высокий мир не так уж и густонаселен. Большая часть пылающей ночи—того, что ты зовешь орывной или пустотой—так и остается безжизненной. Это и понятно. Живая субстанция не станет себя ущемлять и заполнять по за-

вязку неугомонными существами, которые для нее слишком суетливы и шумны. Она построила несколько островов, ровно столько, чтобы не скучать. Ей достаточно. Ветры в основном сосредоточены на островах, там, где жизнь. Какой им смысл носиться по пустоте, где не с кем развлечься.

—Ты думаешь, эти живые ветры рассчитаны на определенный срок?

—Разумеется. Сила, которая их питает—живая энергия жизни, что в них вложил источник—рано или поздно иссякнет. Им ведь неоткуда ее пополнять. Первородная сила источника невосполнима. Я даже думаю, когда высокий мир канет в небытие, эта энергия не вернется к ее обладательнице. Мне кажется, она бы требовала очистки. А Идеальная не станет пользоваться тем, что уже было у потребления.

—Что же, по-твоему, с ней происходит, с этой энергией, которую создает высокий мир?

—Думаю, мы сами ее и потребляем. Дышим углекислым газом, так сказать образно. Частично это кислород—первородная энергия источника. Но в замкнутом пространстве рано или поздно без пополнения извне кислород иссякает. Комнаты без зеленых растений и притока свежего воздуха, понимаешь?

—Думаю, ты прав. Тогда этот срок рассчитан?

—Конечно, рассчитан. Мы не можем жить вечно. Это довольно грустно, знаешь ли. Девочка, стоящая у истока жизни, должна быть романтиком, чтобы не впасть в депрессию.

Пока я не вижу никакого выхода. Мы всегда умирали. Умираем и будем умирать.

Но если вечно обновляемая жизнь—это и есть смысл?

Глава четвертая.

Рыцари источника

Часть 1. Хрустальный венок

— Не расстраивайся так, — сказал голос. — Дело не в тебе. а в расстановке сил.

По степи ветер гнал сухой ковыль. Было жарко и душно. Воздух тяжело ложился на плечи, серо-багровый, мучительный. Он не давал ни дышать, ни думать. Я с трудом села и разлепила глаза.

Мужчина в синем плаще, невысокий, худощавый, какой-то легкий, сидел на корточках, растирая в ладонях сухую землю. Она рассыпалась мелким порохом, пылью, и ветер гнал ее вместе с ковылем к багровому горизонту.

— Хранители и учителя—это разные ветви служения, — продолжал он спокойным хорошо поставленным голосом. — У них разные цели. И пути их достижения тоже разные. Хранители призваны охранять и защищать, уберегать от неприятностей и бед. Им дорого твое спокойствие и состояние. Цель учителей — пробудить тебя, заставить двигаться вперед, меняться и расти. Они считают, что испытания—это часть взросления, и беды только способствуют этому. Пото-

му что после страдания приходит понимание. Поэтому они стараются как можно больше усложнить тебе жизнь, физическую и духовную. Конфликт учителей и хранителей очень давний и вечный. Они не понимают друг друга, и постоянно враждуют между собой.

—А в идеале как должно быть? —спросила я, внимательно всматриваясь в странного собеседника.

Он был настолько цельным, соразмерным что ли, что мне стало даже не по себе. Как картина гениального художника, целостность которой не может нарушить ни внешнее, ни внутреннее, потому что она настолько совершенна, насколько может быть совершенным эталон.

—Равновесие, разумеется, —ответил он, —но оно недостижимо. На разных этапах твоего развития преимущество получают или хранители, или учителя. Поэтому всегда наблюдается перекося в ту или иную сторону. Каждый из них совершенно точно знает, что должен сделать, и как именно. И уверен, что это самое лучшее для тебя.

Он выпрямился и, протянув мне тонкую горячую руку, помог подняться.

—А вы кто такой? —спросила я.

Вблизи его сила ощущалась еще явственней. Я пыталась понять ее, определить ее основную составляющую, но ощущала только ровное тепло, дружелюбное, внимательное и успокаивающее.

—Я—паладин, —ответил он спокойно. —Паладины ни

слуги, ни учителя и ни хранители. Нас интересует только то, что хочешь ты. Ни чужие представления, ни цели, ни мнения. Только твои желания, твои внутренние порывы, твои чувства. —Он помолчал, о чем-то задумавшись. Потом заговорил снова: —Воспитание источника—сложная задача. Очень сложная. Его цели непонятны, его поступки странны, его чувства меняются каждое мгновение. Он не поддается анализу, потому что его суть иная, чем все, что мы знаем и понимаем. Паладины следят за тем, чтобы источник сохранял свою целостность, личность, индивидуальность. Чтобы его желания не искажались, чувства не запирались, свобода не ограничивалась.

Неожиданно степь исчезла. Мы стояли в хрустальном зале, заполненным ровным белым светом. Стены по структуре более всего походили на жидкое стекло, до такой степени прозрачное, что зал был растворен сам в себе. Он был совершенно пуст, если говорить о предметах интерьера. Но не ощущала его пустым. Может быть, потому что странный свет и был его наполненностью.

Паладин тоже изменился. Исчезли человеческое тело и одежда. Он стал таким же текучим и прозрачным как странный зал. Его хрустальность, чистота и глубинный свет теперь не скрывались за формой. Осталась только сила, спокойная, чистая, яркая и самодостаточная.

Он оставил меня и прошел в северную часть зала. Ее занимал странных сад. Прозрачные цветы казались стеклян-

ными, и все же были живыми. Паладин коснулся цветов, и они тут же потянулись к нему, обвивая руки стеблями.

—Они растут из стены, —проговорила я с удивлением. — И похожи на жидкое стекло.

—Это плата за проход, —пояснил он. —Ты слишком ослаблена сейчас, чтобы дать ее.

Цветы медленно втянулись обратно в стену, которая тут же замерцала и растворилась.

Паладин обернулся. Его лицо существовало где-то на грани зрения и формы, как и его личность. Не как картинка с цветом глаз или волос, а черты характера, индивидуальность. Я понимала, что он смотрит на меня, но не видела его.

—Добро пожаловать в мир паладинов, —сказал он негромко и первым шагнул в открывшийся проход.

Я пересекла зал и вошла следом, ощущая давление стеклянных цветов. С легким содроганием я почувствовала болезненное покалывание и разочарование— но плата была получена, и цветам ничего не оставалось как пропустить меня.

Зал был таким же прозрачным и летящим, как и предыдущий, за исключением того, что здесь существовала форма. Он напоминал более всего внутренность затейливой резной шкатулки, вырезанной из цельного хрусталя. Прозрачные узоры текли и мягко мерцали, а лепка выглядела еще не застывшим жидким стеклом. В центре зала находилось круглое возвышение из белого материала, вокруг которого

стояли фигуры, похожие на паладина.

—Сегодня праздник единения, —сказал он. —Но, прежде чем мы пройдем в зал, тебе нужно очиститься.

Он провел меня сквозь молчаливый зал и помог подняться на возвышение. Я ничего не успела спросить— вспыхнул яркий белый свет. Он был тяжелым и пекущим. Он что-то выжигал во мне. И это что-то выходило вязким темным киселем, сгорая словно порох. Было очень больно. Я упала на белый круг, извиваясь словно червь. Не помню, в какой момент это произошло—облегчение пришло сразу, боль отступила, и я наконец смогла дышать свободно. Кроме того, я перестала ощущать давящую силу белого света,

Паладины удовлетворенно зашептались. Мой паладин помог мне встать и спуститься с круга. За хрустальной чистотой и переливающимися очертаниями я тем не менее ощутила мягкость его ладони и исходящее от него тепло.

—Ваш мир... он большой? —спросила я негромко, поглядывая в сторону невозмутимых фигур.

—Нет. Нас всего сто двенадцать, —ответил он.

—Ты главный над ними?

— Не совсем. Паладины все равны по силе и власти. Каждый из нас самодостаточен и каждый настолько силен, что может противостоять всему высокому миру. Мы свободны в своем выборе, свои чувствах и поступках. И подчиняемся только своему закону. Наша единственная задача—сохранить неповрежденной твою суть. Пойдем.

Хрустальная дверь открылась, и мы оказались в необъятном зале, разграфленном на разноцветные квадраты словно шахматная доска. В цветах преобладала бледная пастель — нежный салатный, бледно-голубой и желтый, мягкий серый, все оттенки фиолетового. Зал был полон. Фигуры стояли в квадратах по трое. Они были очень разными чертами, одеждой, манерой держаться и силой, которая от них исходила.

— Это представители все уровней высокого мира, — заговорил паладин тихо, ведя меня к квадратной площадке у дальней стены, — физических и духовных, разных уровней плотности, формы и силы, созданных энергий, мысли, материи, чувств. Это очень большая честь для них — находиться здесь, — добавил он.

— А они понимают, где они и что с ними? — спросила я шепотом, беспокойно вглядываясь в молчаливых, замерших словно на параде, людей и не людей, высокомерных Сияющих, бледных пилигримов и надменных рыцарей.

Здесь были представители всех цивилизаций, островов и родов, которые я знала и о которых даже не догадывалась. С некоторым удивлением я заметила бледное лицо Ариэля, но он даже не посмотрел в мою сторону, молчаливый и вытянувшийся в струну, как и все вокруг.

— Сейчас ты взойдешь на алтарь, — сказал паладин торжественно. — Ты увидишь каждого, почувствуешь каждого, как частицу мира, который они представляют, и той энергии, которую они несут в себе. Ты впитаешь эту энергию, пропу-

стишь ее сквозь себя, соединив в единое целое. Ты потеряешь свою суть и обретишь ее снова.

Ничего не понимающую, растерянную и испуганную, он провел меня сквозь зал, ловко маневрируя между стоящими, и поставил на алтарь.

Я молча замерла, не представляя, что должна делать и должна ли вообще. Когда это пришло.

На меня упал белый свет.

Он был мягким, теплым и плотным словно мед. Он показился по залу, окутывая каждую фигуру.

Я почувствовала перемену на сразу. Сначала пришли смутные ощущения присутствия. Что-то бережно коснулась моей души, словно приветствие. Потом лавина нахлынула— и поглотила меня. Потоки разноцветной силы—темной и светлой, яркой и хмурой, тяжелой и легкой словно дуновение ветра—ринулись ко мне, оплетая словно тонкие нити.

Я испуганно дернулась, пытаясь отстраниться, но напор был таким сильным, что моя защита рухнула. Задыхаясь, я упала в ощущения— безудержные, глубокие— и впустила их.

—Сплети из воедино. —шептал голос. —и коснись своего внутреннего «я».

Задыхаясь, я вылепила из разноцветных нитей яркий шарик света—и открыла невидимую дверь, за которой полыхало голубое и яркое. Внутри голубого горела ослепительная белая точка—и я коснулась ее разноцветным шаром.

Мой мир вспыхнул, извергая потоки ярчайшего хрустального света. Свет покатился по залу, оседая на застывших фигурах, превращая их одежду в светлую, переливающуюся, текучую.

На пике этого мучительного сладкого страдания паладин вскочил на алтарь—и ударил меня хрустальным кинжалом в грудь.

Я вскрикнула, но не умерла. Я стала растекаться, растворяться, сливаться с тем, что мне было подарено и что подарила я. То, что плавилось, было мертво, то, что рождалось после переплавки, становилось живым. Я почувствовала свою чистоту и свободу еще до того, как осознала себя.

К алтарю медленно подошли паладины.

Тот, кто привел меня сюда, кто всадил мне в грудь клинок, держал в руках хрустальный венок. Паладины остановились у алтаря. Зал молчал.

—Прими, —сказал чистый голос, и руки протянули мне венок. —Возложи его на головы принимающих служение.

Я взяла венок. Венок замерцал —и стал множиться, расплываясь над паладинами. Он опускался на головы, и я ясно видела мягкие волосы и нежные лица, скрытые за дрожащим прозрачным хрусталем. Едва коснувшись паладина, венок менялся, впитывался, превращаясь в легкую дымку, загорался тоникой вязью на лбу.

Паладины опустили на одно колено и склонили головы.

Часть 2. Мантия серебряной луны

—Это все происходит не впервые. —Паладин смотрел на меня с печалью и даже какой-то болью. —И это не любовь. Скорее болезнь. Те, кто коснулся источника, иногда теряют здравый смысл.

Я стояла среди темноты о молчала.

—Мы не знаем, почему это происходит, —продолжал он. —Взаимоотношения с источником всегда очень личные. Просто однажды ты просыпаешься и понимаешь, что эту жажду невозможно сдерживать. Это сродни зависимости наркомана. Болезнь, которая разрушает. —Он помолчал. — Не надо винить себя. Ты ни в чем не виновата. Мир идеала, мир рассвета тоже прошел через это.

—О чем ты говоришь?

—Об этом.

Он протянул мне руку, и мы перенеслись в голубую сверкающую бездну. В ней плавал хрустальный город. Он был совсем прозрачным, похожим на мираж. Только его контуры не текли, не расплывались. Казалось, он был где-то там, за солнечным светом, невесомый, летящий. Далекий.

—Это случилось после первой войны, —сказал паладин печально.

—В мире идеала была война?! Но как такое возможно?!

—Это было в самом начале, —ответил паладин. —Мы

еще не отошли от пламени первородного огня, только прошли черную пустыню. Мы были первыми, кто вошел в этот мир. И стали с воодушевлением строить себе дом. —Он помолчал. —Вокруг Источника... Война разгорелась за право первому стоять у его престола. Мы испытали настоящий экстаз, когда погрузились в его сияние и нежность. Нам все время хотелось коснуться его, почувствовать, что он рядом, что не оставит нас. Ревность, жажда, желание, любовь— все смешалось в безумии. Оно охватило все города, всех жителей. Мы опомнились слишком поздно—многие из нас уже были мертвы.

Я повернулась, чтобы посмотреть на него. Лучше бы я этого не делала.

Ему было больно. В глазах стояли слезы. Сцепив руки на груди, он смотрел на плывущий в переливающейся волнами прозрачной бездне город словно на кладбищенский памятник. Наконец, он очнулся и посмотрел на меня уже спокойно.

—Я хочу показать тебе кое-что, —сказал он. —Сегодня праздник Мантии Серебряной луны. Он для нас как напоминание о той войне. Потому что так же символичен. Серебряная луна распускается очень редко, и жители города, где она растет, собираются, чтобы посмотреть на нее. Это очень сильная жестокая зависимость. От запаха. От света. Они погружаются в состояние, близкое к эйфории, и не выходят из него, пока цветок не уснет снова. Они нечего не делают, ни

о чем не думают, ничего не желают. Они просто смотрят. —Он отвернулся и добавил глухо. —Это чувство горькое и отрезвляющее. Мы научились жить с ним. Потому что научились отпускать тебя.

—О чем ты?

—Твой дом... Теперь он не стоит на одном месте. И не является центром мира рассвета. Теперь это не дворец, а просто большой дом, который перемещается по миру идеала, выныривая то тут, то там. Жители всегда ждут его, но никогда не знают, когда он появится. Для нас это всегда праздник и большое счастье—почувствовать близость источника, коснуться его сладости. Мы дали тебе пространство, свободу, одиночество, в которых может разместиться твоя сила. Мы больше не удерживаем тебя. Мы просто знаем, что ты придешь.

Мы отвернулись от призрака и зависли рядом с плывущим в небе живым белым городом. Когда мы пересекли невидимую грань, неожиданно стало темно.

—Жители специально убирают свет, —сказал паладин негромко, когда мы шли по тихим улочкам. —Чтобы лучше видеть всю красоту Серебряной луны.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.